

ЗОЛОТАЯ ОРДА КНИГА ПЕРВАЯ

Предисловие

Дорогие друзья! Вы держите в руках знаменитую историческую трилогию Ильяс Есенберлина «Золотая Орда», рассказывающую о периоде весьма далеких лет, и тем не менее, имеющем исключительно важное значение для развития этногенеза казахского народа и становления его будущей государственности.

Хотя монгольское нашествие отрицательно сказалось на общественном развитии народа Казахстана, возникли различные процессы регресса, затормозилась городская культура, тем не менее в период Золотой Орды впервые стали возможны интеграционные процессы, получило широкое взаимодействие и взаимовлияние носителей Евразийской степной культуры. Население Казахстана получило большую возможность общения с мусульманским Востоком, Европой, Китаем, стимулировались международные торговые связи.

Огромное значение в период Золотой Орды имело привнесение монголами идеи центральной власти, впервые стало возможным объединение ранее разрозненных племен, было введено степное законодательство.

Ильяс Есенберлин — впервые в казахской литературе сумел систематизировать отдельные исторические материалы сложнейшего периода расцвета и падения Золотой Орды. С эпическим размахом, отобразить реальный динамизм исторических событий, создать неповторимые образы людей Великой степи той эпохи.

Дорогие друзья! Рекомендуем Вам прочитать эту прекрасную книгу, раскрывающую неизвестные страницы нашей с Вами истории.

Общественный фонд им. И. Есенберлина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Бату-хан поднял голову и посмотрел в небо. Удивительно чистое, чуть поблекшее от полуденного солнца, оно было безбрежным и бездонным, как море, которое он видел в далекой молодости. Тогда его не знающие страха тумены ¹ остановили своих коней у города Тригестума...

Давно это было. Так давно, что казалось далеким, полузабытым сном. Жизнь быстротечна. Время пролетело, словно стрела, выпущенная из тугого монгольского лука.

Бату-хан сощурил раскосые глаза. В синем разливе неба рядом с солнцем крохотной темной точкой парил орел, высматривая добычу. От напряжения заслезилась глаза, и хан опустил лицо. Нет. Море он никогда бы не смог полюбить так, как любил степь. Бескрайняя и прекрасная, лежала она у его ног, и великая тишина стояла над ней. Ласковым ветром, напоенным свежестью родников и терпким запахом полыни, дышала степь. У подножья кургана, то появляясь, то пропадая в высоких ковылях, гонялся за кузнечиками самый младший, пятилетний сын Бату-хана — Барак. В красном чапане из бухарского бархата и в такой же красной шапочке — борике, отороченном шкуркой выдры, он был похож издали на живую капельку крови.

Бату-хан тихо вздохнул. Разморенная полуденным зноем, лежала под голубой чашей неба степь. «Что видит орел со своей высоты? — подумал он. — Какую добычу высматривает?»

¹ Тумен — войско в десять тысяч человек.

Тяжело, всем телом повернулся Бату-хан в сторону реки. Здесь, на берегу великого Итиля ², находилась его ставка. Красивым был город Сарай-Бату [Сарай-Бату — первая столица Золотой Орды на левом берегу Итиля, примерно в 140 км

севернее Ходжи-дархана (Астрахани). Ныне близ этих мест находится поселок Селитряный.].

Торжественно и празднично сияли под солнцем золоченые крыши дворца. Сарай был похож на город оруситов Харманкибе ³, только немного меньше. И построили его самые лучшие мастера, вывезенные из земли оруситов, а ханский дворец возвели ромеи. Из белого мрамора, привезенного из покоренных земель, из крепкого, словно камень, дуба и звонкой бронзовой сосны, сплавленных с верховьев Итиля, строил свою столицу великий Бату-хан.

Город, поставленный силой камчи и золота, рос на глазах. Он был радостью и гордостью Бату. Сын кочевого племени, привыкшего не созидать, но разрушать, он испытывал какое-то необъяснимое, волнующее чувство, глядя на то, что творили искусные руки мастеров. И это же чувство заставляло быть щедрым, делать все, чтобы его город становился с каждым днем прекраснее. Разве не он, великий Бату-хан, велел покрыть причудливо изогнутые крыши молелен монгольских шаманов чистым золотом? Что есть такого, что пожалел бы он для своей столицы? Золото покоренных народов? Кровь рабов? Все щедро, с избытком давала его рука.

Но каждый год, как только на крутых боках степных увалов появлялись первые серебряные жилы ручьев и сквозь бурый войлок прошлогодней травы пробивались острые как пики зеленые стебельки, Бату-хан покидал свой дворец. В бескрайней степи вырастал другой город — город из белых шатров. И до глубокой осени, до той поры, пока дикие гуси в итильских протоках не начинали откалывать красными клювами и глотать звонкие льдинки первых заберегов, ни одной ночи не проводил он в стенах дворца.

Людская молва назвала эту временную ставку великого хана Белой Ордой. И с той поры все земли, начиная от Кипчакской степи на север, на запад и на юг, до тех пределов, куда смогло ступить копыто монгольского коня, получили название ханства Золотой Орды.

В год мыши (1240), в год, когда Бату покорил и разрушил Харманкибе, начал строить он свою столицу — город Сарай...

Это было семнадцать лет назад... А сегодня, глядя на свою ставку, Бату-хан вдруг впервые не ощутил привычного волнения. Тускло, без радости смотрели на мир его глаза. Великий Бату-хан, одно имя которого наводило ужас на племена и народы и заставляло дрожать полмира, был болен. С той минуты, как он впервые сел на коня, Бату не знал ни одной болезни. Раны, полученные в походах, заживали быстро, словно у степного волка. А в этот год, в год змеи, когда ему исполнилось пятьдесят шесть лет, великие силы Неба отвернулись от него. В Хорватии Бату был тяжело ранен, и наследники уже косились друг на друга, готовые сцепиться в схватке за право стать ханом Золотой Орды.

Но он победил смерть. Так ему тогда казалось, пока не почувствовал, что судьбу нельзя обмануть. Неведомая болезнь поселилась в теле Бату-хана. Никто не мог назвать ее имени. В бессилии отступали перед болезнью самые известные в степи знахари — бахсы, беспомощными оказались табибы и лекари, приглашенные из Китая, Ирака, Ирана и Рума.

Еще в прошлом году, полный сил и здоровья, Бату легко останавливал и валил на землю молодого быка, а нынче тело его сохнет, мышцы сделались вялыми и нет прежней силы в руках. Кто бы еще недавно, глядя на грозного Бату-хана, мог сказать, что придет время и он будет в одиночестве сидеть на кургане — сутулый и постаревший, похожий на сабу — кожаный мешок, из которого выпит весь кумыс? Кто из великих знал такую страшную и непонятную болезнь?

Бату-хан угасал медленно, и, вместе с тем как истаявало его тело, все сумрачнее казался ему мир. Все, что было интересно другим, что приносило им радость, становилось безразличным и ненужным для него. Душа больше ничего не жаждала: ни побед, ни крови

² Итиль — Волга.

³ Харманкибе — монгольского название города Киева.

врагов, ни далеких походов.

Крупные капли пота выступили на бледном лбу хана. Он с трудом поднял руку и вытер его ладонью. И вдруг вспомнилось ему далекое, то, что было тридцать лет назад, когда знаменитый его отец Джучи-хан, властитель Дешт-и-Кипчака, Хорасана и Ибир-Сибира ⁴ оставил этот мир. Тогда... Тогда сильно и звонко стучало сердце и кровь, горячая и быстрая, струилась по жилам. Жизнь казалась большим праздником, и поднимались, отодвигались в бесконечность горизонты над землями, которые он мечтал бросить под копыта своего коня.

Умирая, отец оставил Бату только улус Дешт-и-Кипчак. Через два года его подняли на белой кошме и он стал ханом Орды.

Неужели минуло с той поры тридцать лет? Прошедшие годы показались Бату-хану короткими, как дни. Тогда каждая победа переполняла его торжеством, а каждая покоренная страна казалась высокой горой, на которую удалось подняться. Он хотел и все делал для того, чтобы быть похожим на своего великого деда Чингиз-хана.

Бату-хан попытался разбудить в себе прежнюю ярость и не смог — душа молчала. Он вдруг с горечью подумал, что полмира, которые сегодня принадлежат ему, наверное, не стоят и медной монеты нищего дервиша, если нельзя откупиться от смерти или хотя бы отодвинуть ее срок. Звериный страх перед неизбежным охватил хана, и он закрыл глаза.

Где-то в небе, сильный и свободный, продолжал парить орел, и, по-прежнему беззаботный и счастливый, гонялся за кузнечиками маленький Барак. И тогда Бату-хан пересилил себя. Ему ли, великому, не знающему страха, бояться того, что предопределено Небом? Он посмотрел туда, где играл сын. Обескровленные губы хана тронула слабая улыбка, и в тусклых серых глазах зажглась искорка света. Барак — последняя радость Бату-хана. Четыре сына было у повелителя Белой Орды: Сартак, Токту-хан, Аюхан и Улакши. Трое стали воинами, и только Улакши еще не ходил в походы и не управлял ни одним улусом, но и он уже принимал участие в конских скачках и заглядывал к девушкам-рабыням.

Мать старшего сына — Сартака — была дочерью знатного ойротского бека. Остальные жены принадлежали к различным родам, в основном к общине кипчаков, и исповедовали ислам.

Он любил брать в жены девушек из покоренных племен и народов. Обновление постели, считал хан, заставляет играть кровь и возвращает молодость. И когда ему исполнилось пятьдесят лет и когда он уже все реже и реже стал переступать порог шатров, где жили его жены, случилось чудо. В последнем своем походе, в горной долине, он встретил девушку из племени хорватов. Она вышла из чащи неожиданно-негаданно — стройная, с лукошком, полным грибов. Девушка оказалась так близко от хана, что в ее расширенных от страха, глубоких, как озера, глазах, он увидел себя точно в зеркале.

Бату и раньше видел девушек из этого племени, но, как и все остальные, они не будили в нем ничего, кроме желания обладать ими. Но в этой было что-то такое, чему и сейчас хан не мог найти объяснения.

Он велел схватить ее и увезти в ставку. После его воины отыскиали родителей девушки, и хан разрешил оставить им жизнь, считая это платой за их дочь.

Непонятное творилось с повелителем Золотой Орды. Бату-хан, никогда и никого не любивший, почувствовал вдруг, что с ним что-то происходит. Незнакомое чувство властно влекло его к девушке, влекло, несмотря на то, что она отвечала ему ненавистью. Девушка пыталась бежать, приняла яд, но охрана, слуги, специально приставленные к ней женщины — сахи — не дали ей умереть. Бату-хан овладел ею силой.

Через девять месяцев и девять дней новая жена родила хану Барака. И с этого момента ей захотелось жить. Она больше не искала смерти. Но судьба распорядилась по-иному. Одна из младших жен, никогда не знавшая счастья материнства, подкупила повитуху, и та сделала так, что роженица умерла.

Велико было горе Бату-хана. В ярости он велел изрубить виновных и бросить их трупы в степи. Но Бату не был бы внуком Чингиз-хана, если бы позволил себе расслабиться. Он знал —

⁴ Ибир-Сибир — Сибирь.

нет в подлунном мире ничего более неверного, чем судьба. Она похожа на кучевые, вечно клубящиеся облака, и никогда не знаешь — осветит ли тебя солнце, или накроет их тень. Туманным, неясным было и будущее Барака. Никто не мог бы сказать, чья ненависть и чья милость падут на него. Жизнь в степи полна неожиданностей — зависти, коварства, предательства. Яд и нож решают здесь многое.

К юному хану были приставлены самые верные, самые преданные телохранители. Мальчик рос крепким, здоровым. Наступило время, когда он произнес первые слова, и с той поры Бату стал все чаще навещать его. Хан брал мальчика на колени, и лицо его, суровое, обожженное солнцем и исхлестанное ветрами дальних походов, светлело. И это тоже было незнакомо ему. Всегда равнодушный к детям, всегда подозрительный и жестокий, занятый войнами и распрями, Бату преображался, когда видел Барака. Шли годы, и мальчик все больше становился похожим на мать. И в гневе он был таким же, как она, — упрямым, яростным. Бату прижимал сына к груди и, по монгольскому обычаю, лаская его, нюхал лоб. Острый детский запах непривычно волновал хана. И все чаще стала появляться пока еще смутная мысль, что Барак со временем мог бы стать наследником, повелителем созданной им Золотой Орды. Бату не мог объяснить, откуда идет эта уверенность, но в юном хане было что-то такое, что заставляло так думать. Особенно окрепла эта мысль, когда Бату-хан понял, что дни его сочтены. Но он знал, что мечте его не дано осуществиться. Слишком мал и уязвим Барак, чтобы устоять в этом жестоком и коварном мире, где в погоне за властью брат не задумываясь прольет кровь брата.

Хан подумал, что, быть может, сына следовало назвать Кипчаком или Орусutom — по имени тех народов, которые Батый покорил. Древний монгольский обычай повелевал давать новорожденному имя врага. Это была добрая примета, потому что мальчик к тем годам, которые отпускала ему судьба, получал годы, прожитые врагом, и жизнь его становилась долгой. Если бы пожить еще хоть немного, дать сыну возможность окрепнуть, расправить крылья, закалить его волю и научить быть беспощадным к врагам. Если бы...

Бату-хан снова поднял к небу лицо. Орел все так же парил в безоблачной синеве, но теперь он был ближе к земле, и уже были видны его огромные крылья, похожие на могучие руки с растопыренными пальцами. И вдруг страшная мысль поразила хана. Он понял, что высматривала кровожадная птица в густых ковылях. Глаза Бату-хана метнулись к подножью кургана, туда, где, беспечный и счастливый, играл его сын. С диким, хриплым криком вскочил он на ноги, но орел опередил его. Сложив крылья, птица камнем ринулась к земле, туда, где мелькал красный чапан Барака.

— Сюда! Сюда!.. — рычал Бату-хан. Задыхаясь, спотыкаясь о камни, он бежал к Бараку, широко раскинув руки.

Черная птица тяжело оторвалась от земли, сжимая в когтях красный живой комочек, и пронзительный крик сына, полный боли, отчаяния и ужаса, ударил в уши Бату-хана. Он больше не мог бежать. Безумными глазами смотрел, как все выше и выше уходит в небо орел и как бьется в его железных когтях тельце сына, похожее с земли на маленькую капельку крови.

Бату-хан, железный Бату, с самого рождения не знавший жалости ко всему живущему на земле, тихо плакал. Он, привыкший посылать на смерть тысячи людей, получавший наслаждение оттого, что земля становилась красной от крови, понял, что смерть — это мука, смерть — ни с чем не сравнимая боль. Огонь пожарища, вопли побежденных, умирающих под не знающими пощады монгольскими мечами, картины, от которых могли бы подняться дыбом волосы, всегда доставляли ему радость. В этот миг они словно заново пронеслись перед его мысленным взором, и страшная дрожь сотрясла все его тело. Неужели смерть сына — это предначертание судьбы, рок, от которого не уйти и который все равно настигнет, кем бы ты ни был — простым воином или повелителем Золотой Орды? Достаточно было одного движения руки Бату, и рушились города и покорялись страны. Сегодня под рукой не оказалось простого лука и одной стрелы, чтобы спасти сына. Впервые за всю свою жизнь суровый Бату-хан ощутил любовь и нежность к живому существу, но судьба настигла его в образе черного орла и отняла радость. Рок неумолим, и нет такой силы, которая бы могла остановить его.

Бату представил, как терзают тело его сына кривые когти орла, и от бессильной ярости закричал зубами. Что мог сделать он, великий и могучий хан, против судьбы?

Перед глазами вдруг всплыла картина двадцатилетней давности. Его тумены, состоявшие из кэшиктэн⁵, осадили небольшую крепость маленького горного племени. Мужчины погибли в неравной схватке, и крепость обороняли только женщины. Они умирали от ран, голода и жажды, но не открыли ворот. В горы пришла осень, и пора было уводить тумены в степь, а крепость оставалась неприступной. И тогда Бату-хан пошел на хитрость. Он велел сказать ее защитницам: «Сдавайтесь. Мы убьем вас, но не тронем ваших детей».

Их было всего сто, защитниц крепости, — израненные, полуживые, они были непобедимы, потому что силы им давала любовь к детям. Ради детей они поверили хану. Но Бату не сдержал слова. На глазах матерей его воины изрубили детей кривыми монгольскими саблями. Сердце Бату не дрогнуло в тот миг. Он равнодушно смотрел, как лилась кровь, слушал страшные крики, и зарево пожарища играло в его зрачках. Эта жестокость поразила даже монголов. Воины шептали: «Жив еще Чингиз-хан. Его дух переселился в Бату».

Да, Бату-хан всегда был жесток и беспощаден. Тогда сто женщин были бессильны перед Бату — судьбой, сегодня он, непобедимый владыка, оказался бессильным перед судьбой в образе орла.

Хан считал, что жизнь — это борьба, и потому справедливо, что побеждает в ней сильный. Вчера таким был он сам, а сегодня сила оказалась за черным орлом. Так было, так будет всегда. Иной не представлял Бату себе жизнь, и потому одной из первых была мысль о мести. С того момента, когда он увидел солнце и степь, хан знал — врага нельзя щадить. Порой ему казалось, что все это вошло в него с молоком матери, и потому Бату всегда и повсюду был безжалостным к тем, кто вставал на его пути или стремился посягнуть на его честь. Только кровь могла искупить кровь. Иные решения были ему неведомы. Только когда Бату собственными руками убьет черного орла и напьется его горячей крови, только тогда будет отомщен Барак. Хан был сыном степи и знал повадки орлов. Проклятая птица рано или поздно вернется туда, где однажды нашла добычу.

О страшной смерти Барака Бату-хан не сказал никому. Народ, привыкший к его величию, веривший, что хану помогает само Небо, не должен был знать, что с внуком Чингиз-хана может случиться то же, что и с обычным смертным. Да и враги обрадуются, разнесут по всей земле весть о его горе.

В ставке никто не решился спросить, куда исчез мальчик. Сотня личных телохранителей хана, видевшая все издали, в эту же ночь была отравлена колдовским настоем. Бату действовал по завету, оставленному Чингиз-ханом: «О ханской тайне не должна знать ни одна живая душа».

Как и прежде, ежедневно он занимался делами Орды: принимал послов, отдавал приказы. Казалось, близкая смерть не пугала его. Хотя каждый, кто имел глаза, видел, как все более немощным становится тело Бату-хана. Немигающие, похожие на дедовские раскосые глаза его, всегда грозные, сделались теперь мутными и тусклыми.

Лишь после полудня, покончив со всеми делами, Бату надевал красный чапан и шапку, отороченную выдрой, — такие же, как носил Барак, — и уезжал в степь к заветному кургану. Телохранители следовали за ним на почтительном расстоянии, боясь потревожить хана. Иссохший болезнью, маленький и слабый, он медленно ехал по степи, и здесь, где никто не мог видеть его лица, к нему снова возвращались тяжелые и мрачные мысли. С каждым днем он все меньше боялся смерти и все дороже становился ему каждый прожитый миг. Месяц назад тибетский лекарь, присланный великим ханом Каракорума Менгу, чтобы лечить Бату, сказал: «Высо-кочтимый хан Золотой Орды, в подлунном мире нет такого лекарства, которое бы могло вылечить вашу болезнь. Человек покидает этот мир, когда из двадцати частей воды, которая есть в его теле, остается лишь одна. С этим ничего не поделаешь. Кровь становится густой, и никакие радости мира уже не заставят ее бежать по жилам. Сколько вам осталось жить — я не знаю. Все в руках Неба».

Они сидели в шатре одни, а Бату-хан, прикрыв глаза тяжелыми веками, слушал тихие слова лекаря. И ничего, кроме горечи, не было в этот миг у него в душе. Он никому не

⁵ Кэшиктэн — гвардейцы (монг.).

рассказывал об этом разговоре, но помнил о нем постоянно.

Конь хорошо знал привычный путь. Он легко поднимал Бату-хана на вершину кургана. Хан отпускал коня, и тот уходил в степь, туда, где на расстоянии полета стрелы прятались в высоких травах телохранители. Один Бату знал, зачем он приезжает сюда каждый день. Хан ждал орла. Для этого он надевал красный чапан, для этого прятал под его полый острый меч. Бату верил, что птица ошибется и примет его иссушенное болезнью тело за тело ребенка.

Пристально оглядев небо, хан садился на камень и терпеливо начинал ждать. Болезнь отняла у него силы, но разум по-прежнему был светел. Близкий уход тревожил Бату-хана. Он не мечтал о чудесном исцелении, а думал о будущем созданной им Золотой Орды. Он должен был оставить потомкам заветы, которым бы они вняли, — и каждый бы помог им не уронить остов великого ханства. Предстояло научить их, несмотря ни на что, оставаться судьбой, карающим мечом для покоренных народов.

Потомки... Человек приходит в жизнь и уходит из нее. У потомков своя судьба, свой путь, и, быть может, о них не стоит тревожиться? Великий дед Чингиз-хан когда-то сказал ему: «Всю свою жизнь я мечтал лишь о двух вещах. Первой — чтобы росла бесконечно моя слава, и второй — чтобы слава не оставила моих потомков и они всегда правили бы другими народами».

Бату-хану вдруг вспомнился разговор деда с одним из его военачальников — Боракулом.

— Что тебе дорого в этом мире? — спросил Чингиз-хан.

— Жизнь, — ответил Боракул.

— А чем ты сможешь доказать это?

— Благодаря великому из великих Чингиз-хану я стал сейчас одной из девяти главных опор, поддерживающих верхний круг остова Великой Орды, — заметил Боракул. — С плеча великого хана надел я горностаевую шубу, прошитую золотыми нитями, женился на тридцати девушках, превосходящих красотой друг друга, получил в управление улус и бесчисленные стада скота... Но я стал стар. Мне теперь ближе могила, чем почетное место. И если бы всевышний спросил меня: «Согласен ли ты, отказавшись от славы, достигнутого счастья, вернуться в пору молодости, когда был лишь простым пастухом? — я согласился бы, не раздумывая.

— Верно говоришь, — сказал Чингиз-хан. — Нет ничего на свете дороже жизни...

— А ты бы мог поступить так? — спросил его тогда Боракул.

Чингиз-хан надолго задумался, потом сказал:

— Нет. Я бы не смог. Тебе легко оставить славу, счастье, почет, потому что у тебя нет детей. У меня же четыре сына, и все они цари, каждый внук — хан, да и правнуки уже начали сами седлать коней... Благодаря им моя слава становится крылатой. Если бы всевышний вернул мне молодость, то кто знает, сумел бы я снова дать им то, что каждый из них имеет? Я ведь жил, боролся, проливал кровь непокорных не только ради себя. Нет. Я никогда не смогу решиться начать все сначала. Пусть лучше будут долгими и удачными дни моих потомков. Только тогда я буду много раз рождаться заново — в каждой их победе, в каждом шаге вперед. Дети — продолжение моей жизни. Если их слава делается вечной, то и я не умру никогда. А разве это не самое большое желание для человека?

Так говорил великий и мудрый Чингиз-хан с Боракулом...

Тяжкая истома овладела всем телом Бату-хана, клонило в сон. Он втянул голову в плечи и, казалось, задремал. Но это только казалось. Не затем приходил на курган Бату...

Среди семнадцати сыновей Джучи самым могущественным был Бату-хан. По положению и славе стояли вслед за ним старший из братьев — Орду и младший — Берке. Остальные же управляли обычными аймаками — округами.

Еще в те времена, когда Бату поднял над землями Дешт-и-Кипчак знамя Золотой Орды, он помог старшему брату превратить обычный улус Ибир-Сибир в ханство. Оно получило имя Синей Орды. Другие сыновья Джучи тоже правили покоренными народами, владели бесчисленными стадами скота, но ни один из них не поднялся до звания хана. По могуществу и славе среди всех внуков Чингиз-хана с Бату могли сравниться только хан Северного Китая — Кубылай и хан Кавказа, Азербайджана, Рума, Ирана и Багдада — Кулагу. Но ни один из них не

покорил столько народов, такого пространства, как Бату-хан. Их владения, по сравнению с владениями Золотой Орды, были похожи на шкуру овцы рядом со шкурой быка. В далеком Каракоруме, сменяя друг друга после Чингиз-хана, правили монгольским ханством Угедэй и Гуюк, а совсем недавно на белой кошме подняли Менгу. Бату-хан был равнодушен к родине предков. Он создал Золотую Орду сам, и все помыслы его были здесь.

В чем была причина удачи Бату-хана? Люди объясняли это тем, что с самой юности Бату свято чтит заветы предков. И если другие потомки Потрясателя вселенной часто предпочитали руководить набегам и походами из ставок, то Бату всегда шел впереди своих туменов. Управляя Золотой Ордой, он никогда не носил одежд из шелка, не украшал себя золотом — он жил так же просто, как и его великий дед. Летом на нем были чекмень из верблюжьей шерсти, на голове кипчакский борик, отороченный белкой, тело защищал нагрудник из шкуры жеребенка. С наступлением зимы Бату надевал темно-коричневый полушубок или волчью шубу и шапку — тымак из густого корсачьего меха.

И то, что хан вдруг начал носить нарядную одежду, поразило всех. Визири, нойоны, нукеры считали, что во всем виновата болезнь. Каждый догадывался — жить Бату-хану осталось немного, но никто не решался говорить об этом вслух, никто не решался спросить, что же будет дальше с каждым из них. А Бату-хану рано или поздно предстояло это сказать. Он помнил об этом и потому, отправляясь однажды на курган, взял с собой младшего сына — Улакши, рожденного от жены из рода тайжигут. Улакши, несмотря на молодость, был высокого роста, горбоносый, скуластый и походил скорее на иранца, чем на монгола.

Конечно, в эти тяжкие для него дни Бату следовало бы говорить со старшим сыном, потому что именно он, по законам Чингиз-хана, должен был унаследовать власть в Золотой Орде — он опора Бату-хана. Но Сартака не было в ставке. Из-за своей болезни хан отправил его вместо себя на великий курултай в Каракорум.

Улакши, как младшему, по обычаю, предстояло стать хранителем очага в доме Бату. Так предписывал Чингиз-хан. Но этот порядок соблюдался не всегда. Его потомки унаследовали от деда волчьих повадки, и потому чаще побеждал тот, кто сильнее, а не тот, кто имел право. Законный наследник порой становился добычей более хитрого, коварного и сильного.

Бату-хан все это хорошо знал, но до семи лет он воспитывался в Монгольской Орде деда и потому поступал так, как велел Чингиз-хан. Сартаку предстояла нелегкая борьба за власть, и Бату не без умысла послал его в Каракорум, надеясь, что он многому сможет там научиться из того, что потом пригодится, когда станет ханом Золотой Орды.

Улакши не Сартак, и все же он сейчас ближе всех для хана. Кто знает, продлятся ли дни Бату до той поры, когда вернется старший сын? Это известно одному Небу.

Они поднялись на курган, и Бату, сощурив свои раскосые глаза, долго в задумчивости смотрел в степь, потом сказал:

— С той поры, как наследник хана начинает сам садиться на коня, он уже не считается ребенком. Ты стал взрослым, сын, и потому нам надо поговорить с тобой, — Бату помолчал. Поймет ли его Улакши, сможет ли потом пересказать братьям то, о чем он сейчас услышит? — Я уже стар и болен. Пришла пора оглянуться на пройденное и подумать о том, что я успел сделать, а что — нет. И все ли вышло так, как было задумано, или ничего не получилось. Ты будущий хранитель очага. Иди садись рядом.

Улакши сел на каменную плиту у ног отца.

— Орел всегда охотится на то, что видел в детстве. Так было и со мной. Семь лет я прожил у деда Чингиз-хана. Однажды он посадил меня на луку своего седла и привез на место битвы. Вся степь, насколько хватал глаз, была устлана трупами врагов, павших под ударами дубин и сабель монгольских воинов. Чингиз-хан ничего не сказал. Он только посмотрел мне в глаза и увидел, что они блестят. А я мечтал стать таким же смелым и беспощадным, как наши багатуры, и научиться так же, как они, убивать врагов. Дед иногда давал мне советы. Три из них стали яркой звездой, которая освещала мой путь во тьме ночи, именуемой жизнью. Во время кровавых, сокрушительных походов советы Чингиз-хана грели мое сердце, давали уверенность и силу.

Однажды он сказал мне: «Если стаю собак возглавит тигр, то со временем собаки превратятся в стаю тигров. Если же во главе тигров окажется собака, то пройдет немного

времени — и тигры превратятся в свору собак».

Я долго не придавал значения этим словам деда, пока под копытами монгольских коней не пала великая степь Дешт-и-Кипчак. Мы покорили ее народ, но я вдруг заметил, что с каждым годом мои воины все чаще стали брать себе в жены местных женщин и перенимать кипчакские обычаи.

Вот когда мне сделались понятны слова Чингиз-хана, и я захотел стать тигром, чтобы не превратиться в собаку. Нас, монголов, было мало, и, чтобы удержать в повиновении народ, я стал приближать к себе лучших из кипчаков. Им нельзя было отказать в смелости, но, для того чтобы побеждать, они должны были сделаться такими же жестокими, как мои монголы.

Недаром народ говорит, что, кроме перелома костей, все болезни заразны. Мне удалось сделать так, как я хотел. Теперь уже кипчаки помогали нам управлять их народом. Страх превратил кипчакских воинов в смельчаков, а тех, кто не хотел следовать по нашему пути, мы уничтожали. У меня появилось большое войско, устроенное по подобию войска Чингиз-хана, и с ним я смог пойти на болгар, карлуков, гузов, аланов и на другие народы...

— Но ведь собака, превращенная в тигра с помощью кнута, могла затаить злобу. Что помешает ей, почувствовав себя тигром, показать клыки?.. — задумчиво сказал Улакши.

Бату чуть заметно улыбнулся. Ему нравилось, что сын думает над услышанным. Кто знает, может быть, Улакши повезет и он станет когда-нибудь неплохим ханом.

— Ты прав. Такое может случиться... Но чтобы все оставалось так, как ты хочешь, есть еще одно средство. Вспомни слова, сказанные Чингиз-ханом служившему ему с юности верой и правдой Джалме-нойону:

*— При моем рождении и ты родился,
При моем возмужании и ты мужал.
Благородного рода, в колыбели собачьей,
Счастливый, превосходный мой Джалме!*

Кроме этих слов, он подарил своему нойону право совершить девять проступков и не быть за них наказанным.

А что сказал мой дед Торган-Шире человеку, который спас его в молодости от врагов? Он сказал: «Пусть земля меркитов вдоль реки Селенги станет твоим кочевьем. Отныне она будет принадлежать твоим потомкам и потомкам твоих потомков». Чингиз-хан умел не только покорять, но и находить путь к сердцам преданных ему людей. Он был для них щедр на доброе слово и не скупился, награждая.

Я поступал так же. Лучшие воины получали от меня самые большие куски шелка, и в их ладони я сыпал больше золота. Род или племя, отличившиеся перед Ордой, получали лучшие выпасы для своего скота и лучшие места кочевков. — Бату-хан задумался. — Человек бессилен не только перед насилием. Он будет лизать тебе пятки, если ты сумеешь держать его благополучие в своих руках...

Бату-хан умолк, перевел дыхание, вытер испарину со лба. Ему трудно было говорить.

— В другой раз дед сказал мне: «Простой народ уважает и восхваляет того, кого он боится. Если хочешь, чтобы имя твое знал весь мир, не жалея никого: уничтожай, режь. Чем больше погибнет людей по твоей воле, тем большей будет твоя слава».

Улакши опустил голову. Бату усмехнулся:

— Зачем прячешь глаза? Или ты вспомнил о том, что ответил на эту мудрость деда Букенжи-кази?

Мальчик кивнул.

В Золотой Орде все знали эту историю. В год, когда тумены монголов впервые пришли в Хорасан, к ним в плен попал кази ⁶ Бахиддин Букенжи. Чингиз-хан, пораженный широтой его знаний, даровал ему жизнь и оставил подле себя. Он любил слушать рассказы кази об обычаях и нравах в различных странах. Однажды Потрясатель вселенной сказал своим друзьям: «Я

⁶ Казы — духовное лицо у мусульман, судья.

вырезал много народов, поэтому и прославился на весь мир. Слава моя возрастет еще больше, если я не оставлю в живых никого».

Кази, услышав эти слова, попросил: «Великий хан, если вы подарите мне жизнь, я посмею возразить вам».

У Чингиз-хана было хорошее настроение, и он пообещал не казнить Букенжи.

«Великий хан! — сказал кази. — Если вы и ваше войско уничтожат все народы, то кто же будет прославлять ваше имя?»

Чингиз-хан уставился на Букенжи неподвижными холодными глазами и вдруг засмеялся: «Я завоевал пока только полмира, и еще остались те, кто будет меня славить».

— Дед мой был мудр, — сказал Бату. — Он всегда хорошо знал то, о чем говорил. К завоеванным им землям я присоединил новые, но и я не смог истребить все народы. И на вашу долю хватит дальних походов и кровавых битв.

— Отец, но и ты не всегда и не все делал так, как завещал Чингиз-хан.

— Да. — сказал Бату. — Не все. Я не дарил никому из друзей своих жен. В этом Бату-хан не смог стать таким, каким был его великий дед...

В свое время Потрясатель вселенной покорил два рода — меркит и найман. Предводители этих родов были обезглавлены. Печальной участи избежали только керей. Их властитель Жаха-Гамбу отдал Чингиз-хану в жены свою красавицу дочь Ибахан-бегим. Табуны лошадей, караваны с дорогими шелками, золотой и серебряной посудой и двести рабов прибыли вместе с ней в ставку Чингиз-хана. Казалось бы, заключен прочный и долгий мир. Но Жаха-Гамбу нужна была только передышка, и прошло совсем немного времени, как он выступил против монголов. Преданный Чингиз-хану нойон Журшатай обманом завлек его в ловушку и отрубил изменнику голову. Он же помог разгромить кереев и в битве с ними спас великому Чингиз-хану жизнь, прикрыв его собственным телом.

Чингиз-хан остался доволен поступком Журшатай и подарил ему свою жену Ибахан-бегим. При этом он сказал: «Если напал враг — встретить его, вырыв яму. Если рядом с тобой друг — не пожалей для него куска мяса из своего тела».

Именно об этом думали сейчас отец и сын.

Улакши упрямо тряхнул головой.

— Наш великий предок дарил жен не только тем, кому был обязан жизнью. Ведь Кактай-нойон не совершил того, что совершил Журшатай?

— Да. И такое случалось. Твой предок был властителем вселенной, и потому любой проступок украшал его. Я знаю об этом случае... Дело было так. Во время борьбы с родами керей и тайжигут Кактай-нойон перешел на сторону Чингиз-хана. Больше за ним не было никаких заслуг. Даже в битве с Ван-ханом, когда мой дед обратился к нему за советом, он промолчал, поглаживая гриву своего коня. Вот и все достоинства этого человека.

Но вскоре Чингиз-хану приснился страшный сон, будто тело его обвила огромная пятнистая змея. Змея сказала человеческим голосом: «Если не отдашь жену — проглочу».

Чингиз-хан верил шаманам и знахарям и умел толковать сны. Утром он увидел, что рядом с ним лежит прекрасная, как лебедь, Абике-бегим. Совсем недавно сделал он ее своей женой. Хан разбудил ее. «С тех пор как я взял тебя в жены, душа моя пребывала в покое и радости. Но ты не должна обижаться. Я увидел плохой сон и обязан тебя кому-нибудь отдать».

Абике-бегим знала — хан ничего не повторяет дважды. Опечаленная, она сказала: «Пусть будет так, как велишь ты. Пусть радость проведенных вместе дней останется с нами. Позволь мне взять с собой только золотую чашу, из которой я пью кумыс, и преданную мне служанку по имени Конатай».

Чингиз-хан согласился и позвал стражу.

«Кто сегодня несет караул?» — спросил он.

«Я», — ответил Кактай-нойон.

«Свою жену, Абике-бегим, я дарю тебе».

Нойона слова эти бросили в дрожь.

«Не бойся, — властно сказал Чингиз-хан. — Я говорю всего один раз, и всегда правду».

Повинуясь властному взгляду хана, Абике-бегим перебросила косы на грудь. Так уж было заведено у монголов, что, когда женщина выходила замуж, она делила свои волосы на две

равные части. Это означало, что отныне половина ее жизни принадлежит мужу. Если же женщина поступала так, как это сделала сейчас Абики-бегим, она навсегда расставалась со своим любимым.

— Наш бесстрашный предок боялся плохих снов... Странно... Ни разу не дрогнув, он завоевал полмира.

Бату-хан печально покачал головой:

— Как мало ты еще понимаешь, сын. Если у человека впереди большая цель, то в молодости он не думает о смерти. Когда же наконец исполняется его мечта, а у порога стоит старость — для человека становится бесценным каждый оставшийся день. Люди ценят только то, чего им не хватает.

Улакши вдруг понял, что могущественный, бесстрашный отец боится смерти. Очень боится. Он не нашелся что сказать ему в ответ, и над курганом повисла гнетущая, тяжелая тишина.

Нарушил молчание Бату-хан.

— Мы научились у деда покорять страны, а властвовать, управлять ими вы должны учиться у нас, — сказал он. — Только в этом случае потомки Чингиз-хана смогут держать разноязычные народы в крепкой узде и заставят упасть на колени весь мир.

— Значит, наш дед ни у кого не учился? — спросил Улакши. — Выходит, мы идем дорогой, проторенной им одним?

— Да. Этот путь проложен им, — твердо сказал Бату. — Разрушить и сровнять с землей города, вытоптать посевы и сады хотел он для того, чтобы превратить все земли в огромное пастбище для монгольских коней. Это была его великая мечта. Ради нее Чингиз-хан не щадил никого, заливая мир кровью. Он презирал тех, кто жил в городах. Настоящие люди — только монголы. Им должен принадлежать весь мир, а они должны подчиняться только одному человеку. Ради этой цели Чингиз-хан железной рукой объединил все монгольские племена и был беспощаден ко всем, кто вставал на его пути. Это же он завещал и нам. Ты спрашиваешь, учился ли у кого-нибудь мой дед? Да. Он не стыдился это делать, если опыт других мог помочь в достижении цели.

— Кто был для него достойным учителем?

— Китайские мудрецы рассказывали ему, как вел свои войны Искандер Зулкарнайн ⁷, который, подобно Чингиз-хану, завоевал полмира. В армии Искандера не было, как у нас ахурука ⁸, но чтобы показать, что завоеванные земли принадлежат ему, он в каждой новой стране оставлял воинов, достигших сорока лет. Воины обзаводились семьями, строили дома и устанавливали порядки, предписанные Искандером. Наш дед перенял этот опыт. Покоряя города, он тоже оставлял там своих воинов, но, в отличие от Искандера, вместе с женами и детьми, которые следовали за войском в обозе. Утвердившись на новых землях, они диктовали покоренным народам монгольские законы и превращали пространство, завоеванное Чингиз-ханом, в земли монголов. И еще... Как и римские владыки, он создал высший совет Орды и назвал его «Девять орликов» ⁹. Если сам Чингиз-хан был золотым столбом, поддерживающим шатер Орды, то орлики — это девять серебряных опор, на которых покоился свод шатра. В совет входили достойнейшие из достойных. Мудрость их и доблесть были известны всем. Кроме специального дня, в который собирался совет, каждый из девяти орликов имел свой день и час для беседы с владыкой вселенной. Чингиз-хан не ввел в совет ни одного родственника. Он считал, что представитель родной крови не может быть умнее его самого. Наш дед никогда не враждовал с тем, кто стоял ниже его по богатству и славе. Если такой человек мешал ему, он поручал кому-нибудь из нойонов умертвить непокорного, а чаще

⁷ Искандер Зулкарнайн — Александр Македонский.

⁸ Ахурук — специальный семейный караван, следующий за войском.

⁹ Девять орликов — девять величин.

старался сделать его другом. «Если не совершишь насилие над менее знатным, чем ты, человеком, то он будет стремиться дружить с тобой, а не враждовать», — говорил Чингиз-хан...

Бату вздрогнул. Зоркие глаза его различили в знойном степном мареве крохотную точку. Он не мог ошибиться. Это возвращался к кургану орел, которого он ждал столько дней. Сердце Бату-хана замерло, потом застучало сильно и быстро. Близился час мести...

— Улакши, — тихо сказал он, — что говорят в Орде о Бараке?

Сын выжидательно посмотрел на отца, но лицо Бату-хана не предвещало гнева.

— Люди говорят, что Барака утащил орел... — Улакши помедлил. — Люди говорят — с Бату-ханом не мог справиться весь мир, и только птица осмелилась принести ему горе...

Бату побледнел. Сердцем он чувствовал, что в Орде все равно знают правду о смерти сына, но верить в это не хотел. Выходит, напрасно велел он убить сто воинов, видевших, как орел утащил Барака, выходит, правильно говорят в народе, что правда — это кинжал и ее не спрячешь в мешке. Вдруг шевельнулась мысль, что смерть сына — это, быть может, возмездие за безвинно пролитую кровь. Мысль эта вспыхнула и тут же погасла, как искра, улетевшая во мрак ночи.

— Дальше... — сказал Бату-хан, чуть повернувшись в сторону Улакши.

— Люди говорят: смерть Барака — это месть Неба за то, что Бату-хан решил нарушить закон своего великого деда.

Бату долго молчал.

— Да, это так... — наконец сказал он.

Глаза Улакши блеснули.

Хан словно не заметил этого.

— Моя вина не в том, что я пожелал жить до тех пор, пока не подрастет Барак и не заменит меня, хотя по праву ханом Золотой Орды должен быть Сартак... Я думал, что безразлично, который из сыновей займет мой трон, лишь бы росла слава Орды и подлунный мир по-прежнему трепетал перед грозным монгольским мечом... И здесь я не ошибся... Моя вина совершенно в ином...

— В чем? — нетерпеливо спросил Улакши.

Бату-хан сделал вид, что не обратил внимания на резкость сына. Времени на обиды и поучения не оставалось. «Будущее принадлежит ему, — подумал хан, — и сыну надо рассказать то, что пригодится завтра. Он не должен повторять ошибки тех, кому пришло время уйти».

— Моя вина в другом... Мы, потомки Чингиз-хана, должны думать о том, чтобы постоянно росло и крепло великое монгольское ханство, созданное нашим дедом. И если хотим, чтобы аруах — дух монголов и дух Чингиз-хана — всегда был с нами, мы не должны сажать на ханский трон сына, рожденного от дочери завоеванной страны. — Бату-хан помолчал. — Хан, вскормленный молоком женщины из побежденной страны, однажды может встать на сторону народа, покоренного его отцом. И если Небо когда-нибудь захочет разрушить Орду, то гибель ее начнется именно с этого... Я знаю это, я вижу это... Моя вина перед духом великого Чингиз-хана состоит в том, что я нарушил его завет и, поддавшись отцовской любви к Бараку, захотел вручить судьбу Золотой Орды сыну, рожденному от дочери врага. Но теперь грозная сила, по имени справедливость, приняв облик черного орла, исправила мою ошибку...

Улакши упрямо наклонил голову.

— Если великий хан считает смерть Барака справедливой, то почему... — он замолчал, боясь отцовского гнева, но все-таки пересилил свой страх и продолжал: — Почему тогда, надев яркие одежды, вы стараетесь привлечь внимание кровожадной птицы?

— Кто сказал, что я защитник справедливости? — Кожа на сморщенном лице Бату натянулась, подобие улыбки тронуло бледные губы. — Если ты хочешь диктовать миру свою волю, ты не должен вспоминать о справедливости. Это недостойно потомка Чингиз-хана. Если хочешь властвовать, то должен помнить, что есть на свете только одна настоящая сила и ее надо беречь в себе и не давать потухнуть, как костру, который согревает твоё жилище. Имя этой силы — месть. Человек, не знающий чувства мести, похож на глину, которую легко мять. Ты не должен оставлять что-либо неотомщенным. И не важно, кто твой враг: человек ли, зверь ли, птица... Умение мстить — признак величия и силы...

Улакши облегченно вздохнул:

— Прости отца, если я возвысил голос...

— Мне сейчас все равно, как ты будешь говорить... Я взял тебя сегодня на этот курган для другого.

Улакши весь превратился во внимание.

— Скоро я умру, — безжалостно сказал Бату. — С того дня, как меня не станет, на трон Золотой Орды поднимется твой брат Сартак, тебе же предстоит стать хозяином ханского дома и хранить очаг всей Орды. Сартак сейчас далеко, и я хочу говорить с тобой...

Сын побледнел, отвел глаза в сторону.

— Не говори такое, великий хан...

— Не мучай себя напрасно... — устало сказал Бату-хан. — Всякому своя судьба, и счастье дороже и ближе отца. И тебе тоже... Я хочу дать тебе три наказа, потому что, кто знает, может быть, в один из дней ты тоже станешь хозяином Золотой Орды...

К лицу Улакши прилила кровь.

— Я слушаю, великий хан...

— Ты наверное, знаешь, что рассказал однажды Чингиз-хану острослов по имени Мангутау?

Улакши отрицательно покачал головой.

— Тогда слушай. В давние времена на свете жили два дракона. У одного из них была тысяча голов и один хвост, а у другого — одна голова и тысяча хвостов. Однажды разразилась страшная буря и раньше времени в степь пришла зима. Тысячеголовый дракон хотел забраться в укрытие, но головы заспорили, как следует поступить. Они так и не сумели прийти к согласию, и дракон погиб. Другой, у которого была одна голова, вовремя укрылся от непогоды и спасся, потому что тысяча хвостов подчинилась желанию одной головы. Простой народ подобен тысяче хвостов. И если у него будет одна голова — хан, то никто не сокрушит его и он добьется того, чего пожелает. Потомки же Чингиз-хана подобны тысячеголовому дракону. Если они не сумеют быть едины и затеют распри, то быстро найдут смерть от рук своих врагов. Мой первый тебе наказ: «Сумей сохранить единство всех монгольских родов и потомков великого Чингиз-хана. Только тогда вы будете сильны всегда».

Улакши вдруг быстро потянулся к лежащему рядом луку. Черный орел плавно снижался над курганом.

— Не трогай... — сказал Бату-хан. — Пусть поживет пока... Уж если он прилетел, то знает зачем...

Орел словно услышал слова хана и снова стал набирать высоту.

— Слушай мой второй наказ, — сказал Бату, продолжая следить глазами за птицей. — Дешт-и-Кипчак завоевал мой отец Джучи по велению Чингиз-хана. Дед отдал ему эти земли и разрешил вершить над ними свою власть. У народов Дешт-и-Кипчак есть пословица: «Умен не тот, кто добыл скот, а тот, кто вырастил его». Великое свое ханство Чингиз-хан создал, объединив сто монгольских родов и покорив сорок народов. Мы — его внуки и правнуки, отпрыски знаменитых четырех сыновей-джихангиров: Джучи, Джагатая, Угедэя и Тули, — раздвинули границы великого ханства Каракорум и приумножили славу. Много славных дел совершили мои родственники Менгу, Гуюк, Орду, Арык-Буги, Алгуй, Кайду. Я же перешагнул границы Дешт-и-Кипчак, распространил свою власть на земли оруситов, покорил Северный Кавказ и дошел до столицы маджаров.

С горящими глазами слушал Улакши рассказ отца.

— Если бы не смерть Угедэя, вы бы пошли еще дальше — до земли немцев, франков... — горячо сказал он. — Как жалко, что вам пришлось повернуть своего коня...

Бату-хан тихо рассмеялся. Снова натянулась на лице дряблая кожа, остро проступили скулы.

— Значит, ты тоже видишь в этом причину моего возвращения? Если все связано со смертью великого хана Угедэя, то почему Кулагу, который в это время дошел до Багдада, не повернул назад свои тумены? Во главе небольшого войска он отправился в Каракорум, а главные силы оставил на месте, поручив их Кит-Буги-нойону. Я ведь тоже мог сделать так. — Бату помолчал. Воспоминания далекого прошлого нахлынули на него. — Нет. Я не мог пойти

на такое, — задумчиво сказал он. — Смерть великого Угедэя была только поводом. И друзья, и враги до сегодняшнего дня не знают истинной причины. А она совсем в другом.

Улакши весь напрягся. Отец собирался открыть ему тайну, о которой не знает никто.

— Так в чем же причина?

Бату-хан словно не слышал его вопроса. Он продолжал думать и вспоминать то, что было известно ему одному.

— Многие считают, что я перешел Итиль, чтобы завоевать земли мадьяр. Нет, не там был предел моей мечты. Но прежде я хотел разбить мадьяр и превратить их привольные степи в место для отдыха моих туменов, а потом напасть на немцев, франков и другие народы, живущие дальше к западу. Мечты мои были дерзкими, а желания — сильными. Свои тумены я двинул по древнему пути кочевников-завоевателей, проложенному еще предводителем хунну Этилем¹⁰. Я знал, что земли, по которым мне предстояло пройти, населены многими народами, и потому, чтобы не получить коварный удар в спину, я послал в Польшу войско во главе с внуком Сибана Байдар-султаном, в Чехию — восемнадцатилетнего внука великого хана Угедэя Кайду-султана, в Болгарию — внука не менее великого моего отца Джучи Ногая. Каждому я дал по одному тумену. И на этот раз я сделал так же, как поступил, когда шел на орусотов, — впереди войска я отправил послов, которые должны были сказать народам этих земель: «Покоритесь великому Бату-хану по собственной воле». Я знал, что никто добровольно не подставит шею под монгольский меч, но не это главным было для меня. Помнишь, что сказал однажды наш великий дед Шиги Хутуч-нойону: «Будь оком, которое увидит весь мир. Будь ухом, что сможет услышать весь мир». Именно для этого нужны были послы. И они сделали то, что я ожидал. Скоро я знал все, что мне хотелось знать. Еще в год курицы (1237) хан кипчаков Котян, убежав от меня с сорока тысячами кибиток, попросил убежища у короля мадьяр Белы Четвертого. Вместе они смогли бы стать грозной силой. Но дух Чингиз-хана не оставил монголов. Послы сказали мне, что мадьярская знать, боясь усиления короля, поссорила его с Котяном. Судьба жестоко расправилась с беглецами — в одну ночь больше половины кипчакских воинов было зарезано, хан Котян убит, а оставшиеся в живых, грабя и сжигая по пути мирные селения, ушли в Балканские горы. Бела Четвертый оказался плохим воином. Он видел не дальше, чем видит простой пастух. Ему казалось, что нет во всем мире такой силы, которая бы отважилась посягнуть на его земли, и потому он отказался от союза с оруситами. Когда мое стопятидесятитысячное войско под водительством Субедэя, Менгу, Гуюка, Орду, Кадана, Байдара, Бори, Пешек, Ногая, Бурундая и Кайду вошло в земли Харманкибе, черниговский князь Михаил послал к мадьярскому королю людей — он просил его выдать дочь за своего сына Ростислава. Породнившись, они бы смогли вместе выступить против нас. Но Бела Четвертый не дал согласия на этот союз. Так же поступил он и по отношению к князю Галицкому. Король мадьяр, видимо, считал, что у его дочери золотая голова, а зад отлит из серебра. — Бату-хан лукаво усмехнулся. — Но я во всем этом видел волю Неба. Что могло быть более благоприятным, чем отсутствие единства между мадьярами и оруситами? Сильными врагами могли оказаться немцы, но, как мне было известно от лазутчиков-купцов, они не верили, что копыто монгольского коня когда-нибудь ступит на их земли. Они рассчитывали, что мы не мусульмане, и потому даже надеялись использовать нас против арабов. В это время немцы стали готовиться к походу на северные княжества орусотов — на Новгород и Псков. Так начинался мой поход на мадьяр. Мы были верны заветам Чингиз-хана — не знали страха, не знали жалости. Приближенные короля не смогли стать его опорой, и потому, сколько бы ни собирал он войск, мои доблестные тумены обращали их в бегство и земля становилась красной от крови. Город за городом превращал я в развалины, черный дым пожаров закрывал солнце. Еще до наступления середины лета мы овладели столицей мадьяр Эстергомом. Десять тысяч воинов и тридцать стенобитных машин сокрушили ее стены. И чем отважнее сражались мадьярские воины, тем яростнее был наш штурм — кровь ручьями стекала со стен города. В это время монгольские тумены под предводительством Байдара, Ногая и Кайду залили кровью Польшу. Успех сопутствовал и среднему сыну Угедэя — Кадану. Одно за другим он покорил

¹⁰ Этил — Аттила, предводитель гуннов

южные государства. Под ударами стенобитных машин дрожали и рушились крепости Словакии. Байдар и Кайду, покорив Польшу, пьяные от удачи и крови, двинули свои тумены к землям восточных чехов. И здесь судьба словно отвернула от них свое лицо — каждый монастырь, каждую церковь приходилось брать штурмом. Монгольские воины, чтобы знать, сколько пало врагов, отрезали правое ухо у каждого убитого. Они шли вперед, и их становилось все меньше. Узнав об этом, я приказал Байдару и Кайду остановиться. Не вступив в битву с сорокатысячным войском короля чехов Воцлава, они вернулись под мое знамя. Именно в это время гонец черную весть о смерти хана Угедэя в Каракоруме. На великий курултай, чтобы избрать ему достойного преемника, должны были прибыть все представители рода Чингиз-хана. Тогда-то я и отдал приказ своим туменам вернуться на берега Итиля.

— Если бы вы тогда доверили войско кому-нибудь из своих доблестных нойонов... — прошептал Улакши.

Бату-хан долго молчал, смотрел, как в высоком небе парил орел. Мысли его были далеко отсюда. Он словно заново переживал дни своей молодости, упоение битвами, и перед глазами вставали города, охваченные пламенем пожаров.

— Я не мог этого сделать, — твердо сказал хан.

— Но почему?..

— Бесчисленны были земли и страны, завоеванные нами, но голос рассудка заставил меня быть осторожным. Я видел, что земли эти принадлежат нам только до тех пор, пока мы не повернули коней обратно. Мы завоевали эти страны, но не покорили их. Короли и цари, уцелевшие в битвах, поклялись нам в верности, но народ не повиновался им, и потому они не могли говорить от его имени. Отправляясь в этот поход, я думал, что долины мадьярских рек станут пастбищами для монгольских коней. Здесь мы отдохнем, соберем силы, чтобы снова двинуться дальше, на запад. Но из этого ничего не вышло. На покоренных землях не было мира. Не проходило дня, чтобы отряды, укрывшиеся в лесах, не нападали на моих воинов. Кровь продолжала литься, и редели мои тумены. И еще была одна причина, о которой нельзя было забывать...

Бату-хан закрыл глаза ладонью, словно воскрешая в памяти давно забытые времена и события. Улакши, с трудом сдерживая нетерпение, ждал, когда отец снова начнет говорить.

— Причина была в орусутских землях... Прежде чем двинуться на них, я поступил так, как это делал мой великий дед, — отправил туда купцов и лазутчиков. Скоро я знал все, что хотел знать: и какое у орусутов войско, и как правят их князья, и каким был этот народ раньше.

Орусуты жили отдельными княжествами, но были единым народом, и никогда и никто не покорял их. Порой в битвах с другими народами они терпели поражение, но ни разу не потеряли свободу.

Я знал, что покорить их будет нелегко. И не ошибся. Три с половиной года потребовалось для этого. И всего год, чтобы бросить под копыта монгольских коней другие земли.

— И все-таки вы покорили их! — горячо сказал Улакши.

— Да. Они не смогли устоять против моих бесстрашных туменов, потому что каждый князь считал себя сильнее и умнее другого. Я не стану говорить о мелких княжествах, но если бы Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское были дружны, кто знает, чем закончился бы наш поход... Но мы потомки великого Чингиз-хана, и с нами монгольский бог войны Сульдэ... Предав огню города Галицко-Волынского княжества, мы вошли в землю поляков, мадьяр и угров. Что было дальше, я говорил уже тебе. Конечно, мы могли бы еще долго продержаться в их владениях, но я всегда помнил об орусутах, оставшихся за спиной. Потерпевший поражение мечтает о мести, и я ждал ее, ждал удара в спину, потому что видел, как умеют сражаться орусуты. Легко было править в Дешт-и-Кипчак и в Хорезме, потому что местные жители, как и мы, были кочевниками. Здесь же, в землях мадьяр, поляков и болгар, все получалось по-иному. Увидев все это, я понял, что, если еще промедлю, народы покоренных стран объединятся и наши тумены не смогут одолеть их. За моею спиной была Золотая Орда, и силою, могуществом и славою ее нельзя было рисковать. Словно в подтверждение моих опасений началось восстание в Болгарии и Молдавии против Ногая. Когда умер Угедэй, я велел своему войску вернуться в Дешт-и-Кипчак.

— Получается, что монгольский меч, повергший в страх весь Восток, не испугал другие

народы? — спросил Улакши.

Бату-хан с удивлением посмотрел на сына:

— Кто тебе сказал, что нас боялся весь Восток? Да, монгольский воин внушал ужас покоренным народам своей жестокостью, но проходило время — и появлялись те, кто предпочитал смерть рабству. Нам подчинились правители, князья, знать завоеванных государств. Они пытались заставить делать это же свой народ, но из рассказов старых воинов ты знаешь, как простые люди защищали свои города и селения. Так было повсюду: в Хорезме и на Руси, в Дешт-и-Кипчак и на Кавказе. Бату посмотрел в глаза Улакши. — Наверное, ты слышал о кипчакском батыре Бошпане? Дерзость его не знала границ. Вместе со своими джигитами, ненавидящими нас, он нападал на монгольские отряды, угонял скот. Он поднял великую смуту в Орде. Тогда я приказал Менгу взять столько войска, сколько он сочтет нужным, и живым или мертвым доставить мне Бошпана. Двести парусников снарядил Менгу. Он прошел Итиль от устья до истоков, и наконец его воины захватили непокорного батыра. «Склони голову! Опустись на колени!» — приказал Менгу. «Я не верблюд, чтобы падать на колени, а голова моя не склоняется перед врагами», — ответил Бошпан. Один из нойонов, разъяренный такой дерзостью, надвое разрубил батыра. Всех его джигитов закололи как овец. Бошпан убит, но я знаю: по-прежнему в душах многих тлеет искра бунта. А теперь опять об орусутах. Если им удастся объединиться, если они встанут в один ряд, тогда увидишь, что они могут! Сейчас их сила разобщена, но страха уже нет. Я помню Евпатия Коловрата из сожженной нами Рязани. Я видел его мертвым... В свое время он собрал вокруг себя тысячу семьсот ратников. Они пришли из разных княжеств с неутоленной жаждой мести и были похожи на барсов — смелых и быстрых. Тысячи моих воинов остались в заснеженных лесах орусутов. Монголы сложили о Евпатии Коловрате и его людях легенду. В ней говорилось, что орусуты имеют крылья, а каждый ратник может биться против сотни воинов. Так это было... Не верь, что, завоевав страну, ты победишь ее народ. Будь зорким. Совсем недавно черниговский князь Андрей, не желая отдавать лошадей для нашего войска, перегнал их в другое место. Вину его доказать не удалось, но я, чтобы никто из князей не осмелился поступать так, велел забить его до смерти палками. А галицкий князь Даниил Романович... За то, что бояре вздумали помогать монголам, разграбил их вотчины, отнял земли, а самих привязал к хвостам необъезженных коней... Покоренные земли кипят, как вода в казане... Бунт в Твери, недовольство среди болгар, кочующих по берегам Итиля под водительством Бояна и Жеку... Десять тысяч монгольских воинов сложили свои головы, приводя в покорность восставшую Бухару. Ты не помнишь, тебя в то время еще не было на свете... Но случилось такое, что мои воины вынуждены были отступить, не сумев подчинить себе кавказских лезгин и черкесов... В трудное время остаетесь вы, мои дети, править Золотой Ордой. Сильна Орда, велика, но беспокойно в ее владениях. Нужен ум зоркий, рука железная... Теперь скажи: разве я мог поступить иначе, оказавшись в кольце врагов? Только я да самые преданные нойоны понимали, что нам не удержать завоеванные земли. Враг был повсюду. Даже женщины становились воинами и шли на смерть без страха. Казалось бы, мадьяры разгромлены, сожжены их города и растоптаны нивы, но те, кому удалось спастись от монгольского меча — воины, ремесленники, хлебопашцы, — словно потеряли разум и перестали дорожить жизнью. Они появлялись из лесных дебрей как призраки, вершили месть и исчезали, не оставив следа. Много бед принес нам отряд, которым руководила девушка по имени Ланка. Монголы называли ее красавицей Куралай. Это было под городом Чернхазе. Самому лучшему совему нойону Субедэй-бахадuru поручил я борьбу с этим отрядом. Ты знал Субедэя — хитрого и умного, как лиса, и отважного и кровожадного, как тигр. Его тумены окружили воинов Ланки, и она, чтобы не попасть в наши руки, бросилась на монгольские копыта. Субедэй-бахадур привез мне ее голову. Ланка, даже мертвая, действительно была прекрасна. Тогда я подумал, что такая женщина могла бы родить богатыря, не знающего страха, но война есть война, а враг — это враг... Верные люди доносили мне, что, оценив по достоинству силу Золотой Орды, покоренные государства и те, которых еще не достиг монгольский меч, начали вести переговоры о союзе для борьбы с нами. Теперь тебе понятно, почему я, воспользовавшись смертью Угедэя, повернул тумены?

— Да, — сказал Улакши. — Но вы забыли сказать о втором своем наказе...

— Нет, — возразил Бату-хан. — Тот, кому принадлежит трон Золотой Орды, до самого последнего своего часа должен помнить все.

Улакши заметил: отец неотрывно следит за парящим орлом и в его глазах, уже подернутых тусклым туманом смерти, вспыхивают порой искорки восхищения царственным полетом птицы.

— Сейчас, — сказал Бату, — сейчас я скажу тебе свой второй наказ. Помнишь, я уже говорил о кипчакской пословице: «Умен не тот, кто добыл скот, а тот, кто его вырастил». Так вот, умен не тот, кто напал на врага и победил его, умен тот, кто добился у него послушания и ловко накинул узду покорности. Мой второй наказ: «Побежденный враг должен стать твоим народом. Сумей до конца сделать его своим».

Дерзость проснулась вдруг в Улакши, и ему захотелось спросить у отца, почему же он не сделал то, о чем говорил сейчас, но он догадался, что хан сказал еще не все. Бату понял, о чем думает сын:

— Ты хочешь спросить, почему я сам не поступил так? Я должен был сделать это и делал насколько умел. Завоевано столько народов и земель. Разве мог бы это совершить мой отец Джучи с теми четырьмя тысячами монгольских воинов, которые дал ему Чингиз-хан? В моих походах принимали участие воины из Каракорума, но только с ними я никогда бы не создал Золотую Орду. Вся жизнь я стремился силу захваченных народов превратить в свою силу. Это удалось мне в Мавераннахре ¹¹ и Хорасане, в Хорезме и Дешт-и-Кипчак. Мужчины многих других, менее многочисленных народов тоже стали моими воинами. Сегодня вся Золотая Орда держится на них. Я дал им своих нойонов, и они стали похожи на монголов.

— А может быть, это мы становимся похожи на них? Ведь мы так далеко ушли от земли предков...

— Может быть... — задумчиво согласился Бату-хан. — Глубина затягивает... Их много... Но хозяевами Золотой Орды остаемся мы, монголы, и рука наша еще крепко держит повод. Пока так будет, добрыми поступками или страхом мы заставим следовать их туда, куда захотим. Для победы нужны сила и оружие, для управления — хитрость и умение. Ведь неспроста утверждают кипчаки: «Мягко будешь говорить — выманишь даже змею из норы. Станешь говорить грубо — даже мусульманин отречется от своей веры». Умей принуждение сгладить мягкостью, тогда завоеванная страна станет покорною, как становится взятая силою женщина твоею женою. Третий мой наказ вытекает из второго.

Улакши склонил голову.

— Я слушаю, великий хан...

— Прежде чем двинуться на орусотов, монголы пошли войной на Ибир-Сибир, Северный Китай, Среднюю Азию, кипчакские степи и Кавказ. Со дня своего сотворения мир не знал такой жестокости, какую проявил к встречающимся на его пути народам великий Чингиз-хан. Его доблестные воины не жалели никого. Врагами считались все: женщины, старики, дети. Ни одно живое существо не знало пощады. Мой дед был жесток. Но если бы все происходило иначе, я не знаю, сумел бы он объединить бесчисленные монгольские племена, разбросанные на огромных пространствах степей и гор, искоренить вековую вражду между ними и превратить их в один народ — всесильный и свободный. Потомки никогда не забудут того, что совершил Чингиз-хан. И мы, его внуки, во всем хотели походить на нашего деда — мы разрушали, жгли, убивали. Волчонок не может не делать того, чему его научили в стае.

Бату-хан замолчал, устало прикрыл глаза. Ему трудно было говорить. Продавленная болезнью грудь судорожно вздрагивала от частого, неровного дыхания. Наконец, справившись со слабостью, он сказал:

— Прежде чем дать тебе очередной наказ, я долго говорю. Я начинаю издали, потому что хочу, чтобы ты понял истоки моего опыта. Мудрые слова только тогда западают в сердце, когда они подтверждены примерами. Так слушай дальше. В год зайца (1219) отважные нойоны Чингиз-хана Джебе и Субедэй, утопив Азербайджан и Грузию в крови, осветив небо этих государств огнем пожаров, через горные ущелья вышли в степи, лежащие у подножья

¹¹ Мавераннахр — междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Кавказских гор. Здесь путь монгольским туменам преградили племена аланов и кипчаков. Джебе и Субедэй пошли на хитрость. Они отправили к кипчакам послов и велели сказать: «Мы с вами братья по крови. И монголы, и вы — кочевники. Отступитесь от аланов, и мы вас не тронем». Кипчаки послушались и ушли, предав аланов. Наши тумены смели с лица земли войско аланов и, догнав кипчаков, устроили им кровавую резню. Путь в привольные степи Дешт-и-Кипчак был открыт. Это об этих землях сказал мой отец Джучи: «Воздух здесь источает аромат, вода сладка как мед, а сочные травы скрывают коня с головой». Преследуя разрозненные отряды кипчаков, на южных границах степи монголы впервые столкнулись с орусутами. В те времена орусуты и кипчаки находились в крепком союзе. Степняки не раз брали в жены орусутских девушек, а князья — дочерей кипчаков. Трепетавший от страха хан Котян послал к своему зятю галицкому князю Мстиславу Удалому верного человека со словами: «Сегодня монголы отняли у нас наши степи, а завтра возьмут ваши города». Котян просил у Мстислава помощи. В Харманкибе на военный совет собрались орусутские князья. Они не знали нас, не знали нашей силы. Князья слышали просьбу Котяна и порешили двинуться нам навстречу. Но раньше, чем они собрали войско, хитрому Субедэю уже были известны планы орусутов. И тогда он решил поступить так же, как поступил накануне первой битвы. Он послал к князьям гонца: «Мы собираемся биться не с вами, а с кипчаками. Они не раз устраивали набеги на ваши земли. Они наши и ваши враги. Не мешайте нам свершить над кипчаками месть». Но князья орусутов не попались на эту хитрость. Их дружины близ острова Кортук ¹² переправились через Днепр и соединились с кипчаками. Первое сражение, казалось, было неудачным для монголов. Джебе и Субедэй отступили. Орусуты и кипчаки бросились в погоню, но не знающая усталости монгольская конница легко ушла от них. На восьмой день Джебе и Субедэй остановили свои тумены у реки Калки. Здесь и произошла битва, о которой рассказывают легенды. Воины великого Чингиз-хана победили, потому что знали — отступить некуда, позади разоренные земли с недружественными народами. Кроме того, нас было много и мы были едины. В орусутском же войске не утихали ссоры между князьями, а кипчацким воинам еще памятна была жестокая резня, которую устроили им монголы. Хан Котян с остатками войска бежал в земли мадьяр. Из дружин орусутов лишь один из десяти воинов вернулся в свое княжество. Только город Харманкибе потерял в этой битве десять тысяч мужчин. Опьяненные победой Джебе и Субедэй двинули свои тумены на итильских булгар. Но те не приняли открытого боя, предпочтя ему набеги и засады. Уставшее от бесконечных битв монгольское войско вынуждено было отступить, чтобы однажды вновь вернуться на берега Итиля. Хитрость умного и состоит в том, чтобы не идти по горячим красным углям, а ступить на них лишь в тот миг, когда спадет жар. Еще раньше Джучи овладел частью Мавераннахра и восточными землями кипчацкой степи. Теперь вся Дешт-и-Кипчак принадлежала монголам. Девятихвостое белое знамя Чингиз-хана прочно утвердилось на ее западных границах. Джучи-хан был мудр. Он захотел сделать эти земли навсегда своими. Джучи поставил свою ставку на берегу реки Сарыкенгир и прекратил без нужды уничтожать кипчаков. И если другой сын Чингиз-хана — Джагатай безжалостно вырезал побежденные народы, то Джучи был подобен пиявке — не причиняя боли, он пил кровь покоренных. Кипчаки, видевшие как Джагатай сровнял с землею Отрар, Бухару, Самарканд, видевшие реки пролитой им крови, стали преклоняться перед своим властелином, считая его мудрым и справедливым. Обманутый хитростью народ потерял силы к сопротивлению. Он был похож на большую оглушенную рыбу, которая ударилась головой о камни. Кипчаки все больше привыкали к монголам. Когда Чингиз-хан узнал о том, что делает Джучи, он не понял сына. Его хитрость показалась Потрясателю вселенной слабостью. Привыкший править огнем и мечом, он счел дела Джучи отступлением от его заветов. Молва утверждает, что Чингиз-хан велел убить сына. Я до сих пор не знаю, правда ли это. Но это может быть правдой. Ради величия созданного им монгольского государства Чингиз-хан не знал жалости ни к кому. Джучи умер, но то, что он сделал, уже нельзя было изменить. Он оставил нам народ, еще недавно бывший врагом, а теперь многое перенявший от нас, монголов. После смерти отца Потрясатель вселенной разделил

¹² Остров Кортук — Хортица

принадлежащие Джучи земли на две части. Половину Хорезма и всю Дешт-и-Кипчак он отдал мне, а огромный край Ибир-Сибир, покрытый густыми лесами, с многочисленными реками и озерами, стал принадлежать моему старшему брату Орду. С моей помощью брат через десять лет объявил ханской ставкой город Шанги-тара и организовал Синюю Орду, а я поднял непобедимое знамя Белой...

День умирал. Солнце клонилось к краю земли, и синяя дымка затягивала степные дали. Золотом и кровью играла поверхность великого Итиля, и жарко горели под закатным солнцем золотые крыши столицы Орды — Сарая.

— Наша Белая Орда превратилась в Золотую... — нарушил молчание Улакши.

Бату-хан кивнул:

— Да. Орусуты называют ее Золотой Ордой. Только народы Востока — кипчаки, болгары — все еще считают ее Белой. Мне самому нравится второе название... Когда я слышу его, мне кажется, что на мое государство падает ответ священного девятихвостого белого сульде ¹³ великого Чингиз-хана. И это прекрасно... А там, где золото, там всегда рядом предательство и коварство. Так было всегда. Я порою боюсь называть свою Орду золотой, потому что мне чудится — это слово ведет за собой зло и вражду... И гибель...

Улакши знал — и монгольские нойоны, и простые воины верят в злых духов, верят в приметы и предчувствия, но это, казалось ему, никак не могло относиться к его отцу, великому Бату-хану, на лице которого никто и никогда не видел сомнений и страха. Оказывается, и он верит...

— В год лошади (1235), — начал снова говорить хан, — монголы подчинили себе весь Кавказ, разгромили итильских болгар, привели к покорности земли башкир, мордвин и завладели низовьями Днепра и Итиля. На великом курултае было решено двинуть монгольские тумены дальше, на запад, в земли орусутов. Лашкаркаши ¹⁴ назначен был я. По решению курултая каждая ветвь рода Чингиз-хана должна была выделить для участия в походе по одному сыну и по два воина от каждых десяти, имеющих в подчинении. Сто сорок тысяч воинов собрались под моим знаменем. Из потомков Чингиз-хана вместе со своими туменами ко мне присоединились: Орду, Гуюк, Бори, Байдар, Кадан и Кайду. Ровно через год мы выступили в поход, а еще через год вошли в земли орусутов...

Бату-хан задумался. Видения прошлого проходили перед ним. Он забыл на миг, что рядом сидит сын и ждет продолжения.

— Это были счастливые дни, — сказал он вдруг хрипло. — Земля, где проходили мы, становилась соленой от слез побежденных, а ветер пах кровью. Начиная поход, я разделил свое войско. Одна его ветвь, переправившись через Итиль, двинулась к Суздалью, другая — потекла в сторону Рязани, третьей предстояло захватить Воронежское княжество.

За три года мы овладели южными и восточными землями орусутов. В развалинах лежали их самые большие города: Харманкибе, Рязань, Воронеж, Владимир, Суздаль, Чернигов... Непокоренными остались только Новгород и Псков. Леса и болота преградили нам путь и не дали возможности провезти туда стенобитные орудия. Я не отказался от захвата этих земель, но прежде решил дать отдых своим туменам, потому что победа нам досталась нелегко. Оставались невзятыми некоторые крепости. Не покорился нам и Смоленск. И мы поступили так, как учил нас в подобных случаях поступать Чингиз-хан. Мы обошли город стороной, зная, что наступит время и он, окруженный со всех сторон, все равно будет наш. В моем войске был раб старик ромей. Мне после рассказывали, что он тайно вел записи о походе. Так послушай же, что писал этот ромей: «Как могло выдержать сердце монгольских воинов, совершивших столько убийств? Путь войска был устлан трупами. Монголы сжигали храмы, уничтожали все живое...»

Бату-хан тихо рассмеялся. Лицо его сморщилось, глаза спрятались под тяжелыми веками:

— Как могло выдержать сердце монгольских воинов?.. А почему оно должно было не

¹³ Сульде — знамя (монг.).

¹⁴ Лашкаркаши — предводитель похода.

выдержать, если мы жаждали крови и знали, зачем идем в чужие земли? Путь, ведущий к победе, каким бы он жестоким ни был, — всегда правильный путь. Зачем нам чужие храмы? У нас есть свои боги, и они помогают нам побеждать. Зачем нам чужие города, где нет простора, а высокие стены не могут спасти их жителей от дерзких и сильных? Великий Чингиз-хан учил, что все народы должны жить так, как живут монголы, потому что нет лучших обычаев и нравов, чем у нас. Люди, как и звери, должны знать свободу, жить так, как велят Небо и земля, и подчиняться только одному человеку, который призван быть их властелином... Да. Так учил великий наш дед... И вот, когда мы закончили свой поход и, перед тем как вернуться на свою родину, собрались на большой праздник, между мной и Гуюком началась вражда. Отец его, Угедэй, — великий хан, но сам он чванлив и завистлив. Подвиги и слава всегда обходили его стороной, потому что он не отличался ни умом, ни смелостью. На празднике мне, как предводителю всего войска, первому предстояло поднять чашу с вином. И тогда-то, мучимые завистью, Гуюк и Бори стали говорить: «Разве может Бату раньше нас произносить слово и пить вино? Не пора ли его и всех его бородатых баб свалить на землю и как следует потоптать ногами? Пусть знают, что к чему!» На стороне этих двоих выступил и Аргусун —сын Елочидей-нойона, имевшего большие заслуги перед Чингиз-ханом. Видишь, сын, какими бывают потомки великого Чингиз-хана? На врага мы идем вместе, а когда приходит время делить славу и удачу, каждый думает лишь о себе и ради этого готов на все. Я поступил мудро и не сделал им ничего плохого. После их отцы, Угедэй и Джагатай, крепко наказали Гуюка и Бори. Свое получил и Аргусун. Но... Пусть глаза твои будут всегда зоркими... Это я тебе рассказал для будущего, а сейчас хватит говорить, потому что кое-кто из них уже покинул этот мир. И хорошее, и плохое ушло с ними...

На этот раз Бату-хан замолчал надолго, и Улакши не решился нарушить тишину. Он видел, что лицо отца заострилось еще больше, чем всегда, а глаза неотрывно следили за парящим в вечернем небе орлом.

А грозному хану вдруг вспомнился старый мореплаватель, захваченный в Крыму, и его рассказ о далеких странах. Старик говорил, что если на корабле кто-то должен умереть, то акулы-людоеды чувствуют это и не отстают до тех пор, пока не дождутся своей жертвы. Пришла вдруг мысль, что черный орел не прилетал столько дней потому, что знал — время Бату еще не истекло. А сегодня... Не оттого ли он не улетает до самой ночи и не пытается напасть, что все-таки пришел тот последний час? Может быть, эта зловещая птица, отнявшая у него сына, чувствует приближение смерти...

Больно вздрогнуло сердце. Нет! Не должно так быть! Только ворон питается падалью, а это орел... Он берет свою добычу живой... Только б хватило сил, когда это произойдет...

Бату-хан глубоко вздохнул и посмотрел вокруг. Прекрасна была вечерняя земля, и даль, затянута сизой мглой, казалась таинственной и звала к себе.

Хан подумал, что редко замечал красоту земли. Всегда и всюду его помыслами владела мечта о победе над врагами, о завоевании мира. Еще он боялся, чтобы чья-нибудь рука не протянулась к его трону...

Наконец Улакши не выдержал молчания:

— Отец, вы приумножили славу Чингиз-хана. Вы столько сделали хорошего...

Бату-хан вздрогнул и посмотрел на сына:

— Ты говоришь — хорошего? А хорошо ли я делал, убивая людей, сжигая города?.. Я, поднявший на дыбы своей жестокостью столько земель и народов...-Хан умолк. И вдруг в его глазах, тусклых, как осенняя вода, заметались отблески пламени. — Ты прав, — сказал Бату жестко. — То, что я совершил, — хорошее деяние. Оно угодно Небу. Оно угодно ханству, созданному великим дедом. Мои деяния прославили его и монголов во всей вселенной. А раз так — то это хорошо... Мне осталось сказать тебе совсем немного. Речь моя подходит к концу, так же, как и моя жизнь... Скоро твой брат Сартак сядет на трон Золотой Орды... По моей воле он стал анда ¹⁵ с новгородским князем Александром Невским. Сейчас это самый сильный князь орусутов. Он смел, отважен и умеет видеть то, что недоступно другим. К нему благоволит

¹⁵ Анда — побратим.

Небо, и его слушаются другие. Ты спросишь, зачем я сделал их побратимами? Я скажу. После похода на орусутов мы стали с Гуюком врагами, и когда он взошел на трон своего отца в Каракоруме, то захотел расправиться со мной. Под его рукой было более ста тысяч мужественных монгольских воинов. Тогда я понял, что, оказавшись меж двух огней, не должен озлоблять против себя орусутских князей. Покоренные силой, они только ждали момента, чтобы ударить на Золотую Орду. В то время когда Джебе и Субедэй пошли на орусутов, в таком же положении был и Александр Невский. С одной стороны грозили Новгороду и Пскову наши тумены, с другой — крестоносцы Ливонского ордена. Немцы покорили народы, живущие в лесах у Балтийского моря, и то же самое хотели сделать и с орусутами. Но случилось так, что Александр нанес им поражение на реке Неве, а наши тумены разбили польско-немецких ополченцев и немцев-рыцарей, нанятых польским князем у города Легнице. Еще через год немцы вновь двинулись на Новгород и Псков, и снова, в битве на Чудском озере, победа оказалась на стороне Александра. Битый не перестает драться. Крестоносцы стояли у границ орусутов, и князьям новгородским пришлось искать помощи. Из двух зол выбирают меньшее. Мы в эти годы уже прекратили походы на орусутские княжества и обложили их данью, немцы же грозили сделать орусутов рабами. Отец Александра Невского князь Ярослав, отправился на переговоры в Каракорум к хану Гуюку в надежде получить помощь. Я уже говорил, что Гуюк не отличался дальновидностью. По доносу одного из бояр из свиты князя Туракина-хатун — вдова Угедэя велела отравить Ярослава. Вот тогда-то его два сына — Александр Невский и Андрей Ярославович — пришли в Орду. Мне выгоден был этот союз. Сартак стал андой Александра.

— Сартак принял христианство... — неодобрительно сказал Улакши.

— Что такое вера? Это оружие, помогающее управлять и держать народ в узде. Если видишь, что вера помогает тебе хранить и приумножать могущество ханства, прими ту, которая необходима. Наш великий дед был мудр. Он говорил: «Кто более велик — аллах или христианский бог, я не знаю. Но если они действительно велики, то пусть оба помогут мне». Я не против того, что Сартак стал христианином, а Берке принял мусульманство. Пусть будет так. Я боюсь другого. Слишком далеки друг от друга эти веры, и если сыновья станут слишком ревностными их последователями и забудут главное, ради чего они их приняли, может начаться между ними вражда. Это ослабит Орду...

— Отец, такое может случиться? — с тревогой спросил Улакши.

— Да. Но не должно. Религия обязана быть возле трона всего лишь визирем. Править Ордой станет Сартак. Так будет, если Небо сохранит жизнь Менгу, которого не без нашей помощи подняли на белой кошме в Каракоруме. Но одно дело сесть на трон, а другое — управлять государством. Дед наш Чингиз-хан, собираясь завоевать весь мир, верил трем вещам. Первое — одни сильные руки могут объединить сотни монгольских племен, а страны, в которые он двинет свои тумены, никогда не договорятся между собой. Второе — нет сильнее и отважнее воинов на всей земле, чем монголы, и ни один народ не сможет противостоять им. И третье — нет во всей вселенной правителя мудрее, чем он сам, а все другие лишь прах у его ног. Я не знаю, насколько верил сам Чингиз-хан в то, что сказал. Он часто был хитрым, как степной волк, и произносил слова для других, чтобы верили они. Но до сих пор и друзья и враги не могут до конца понять, как сумел немногочисленный народ — монголы — покорить всю Азию, Китай и сотни других народов. Одни объясняют это умением вести войны так, как этого еще не делал никто, другие — железным порядком, установленным в войске Чингиз-хана. Наверное, это правильно. Разве смогли бы иначе монголы одолеть мужественных орусутов и гуджиян, превосходящих их числом? Я долго думал над этим, и все-таки главная причина наших побед в том, что страны, на которые указал грозный меч великого Чингиз-хана, не были готовы к войне с нами. Мы были молоды, и Небо послало нам человека, который сумел собрать все монгольские племена в один кулак. Он указал цель и превратил жестокость в главное достоинство воина. А государства, на которые обратил свой взор Чингиз-хан, сложились давно, и в них было много людей, которые хотели власти, но не умели управлять. Их грызня сеяла междоусобицы и раздоры. И так уж повелось, что новое государство всегда напоминает молодого тигра — он любит задиаться, старое же похоже на одряхлевшего льва и озабочено только одним — как спасти свою шкуру.

— Отец, не преувеличиваете ли вы отвагу орусутов и гуджиян?..

— Нет, — твердо сказал Бату-хан. — Жизнь научила меня уважать врага, если он действительно обладает мужеством. Я никогда не говорил этого громко, но помнил всегда. Если твой враг труслив, то велика ли цена твоей победы и приумножится ли твоя слава, оттого что ты уничтожаешь бегущих зайцев? Мы, монголы, были всегда наиболее жестоки в тех землях, чьи народы предпочитали смерть рабству. Ради своего величия и будущей безопасности мы не могли щадить их. Ты обязан, сын, знать прошлое и правду о всех наших завоеваниях. Чем выше дерево, тем глубже его корни. Вам предстоит заботиться о будущем величии Золотой Орды, а для этого вы должны постигнуть суть прошлого. Тот, кто замахнется на него плетью, получит удар дубинкой от будущего. Помни это. Ради победы можно пойти на все. Пришло время дать тебе третий наказ. Слушай его и запоминай: «Прежде чем выступить в поход, узнай все о силе и мощи врага, над головой которого ты собрался занести меч. И если поймешь, что еще не наступило то время, когда ты сможешь осилить его, обмани, подружись с этим народом, но не забывай, что он враг».

— Значит... — Улакши в растерянности посмотрел на отца. — Значит, и князя Александра Невского вы по этой причине сделали побратимом Сартака?

Глаза Бату-хана сузились:

— Да. Мы пока не тронули ни Новгорода, ни Пскова... Время еще не пришло... Я знаю, что князь Александр наш враг. Но все средства хороши, когда тебе надо достичь своей цели. Не дай возможности объединиться твоим врагам, будь зорким. Когда я узнал, что Сартак решил сделаться побратимом Александра, я не стал противиться этому. Александр Невский князь сильный... Теперь он крепко связан с Ордой, и другие князья будут относиться к нему кто с подозрением, а кто с завистью. Единство долго не придет к ним.

— Но ведь князь Александр неглуп...

Бату сощурился. В глазах его блеснули холодные злые искры:

— А разве я тебе говорил другое? Великая нужда толкнула его на этот поступок. Князь хочет быть уверен, что кривая монгольская сабля не обрушится на земли Новгорода и Пскова, по крайней мере до тех пор, пока он не почувствует, что со стороны немецких рыцарей ему ничто не угрожает. Сартак, быть может, не понимает всего, но Александр смотрит дальше. Мы боимся друг друга, и потому дружба между Ордой и князем похожа на дружбу волка и рыси, спасающихся от пожара. Минует опасность, и неизвестно еще, кто первым вцепится в горло другому... Не может быть настоящей дружбы между победителем и побежденным. Орусуты ищут нашего покровительства только потому, что у них сейчас нет иного выхода. Правда, есть среди князей и такие, кто ради своей корысти готов на все... Я всегда презирал их, но в интересах Орды никогда не отталкивал... Пусть сеют смуту, пусть льют кровь, а кто из них победит — не важно. Я еще раз повторю тебе — будь зорок, когда смотришь в сторону орусутских земель, и помни, что твой боевой конь всегда должен быть оседлан. Там живут люди, которые никогда не станут друзьями тех, кто принес им огонь и меч.

Бату-хан замолчал, провел по лицу сложенными ладонями.

— Я дал тебе три совета. Первый берет начало от нашего великого предка Чингиз-хана. Вторым руководствовался твой дед Джучи. Третий принадлежит мне. Каждый из нас делал то, что повелевало делать время, и слава монголов не померкла, а достигла небес. Значит, мы поступили верно. Если мои наказания станут для вас правилом, то шатер Золотой Орды будет стоять вечно.

Бату-хан взглядом, полным надежды, посмотрел на сына и не увидел его глаз.

— Иди, — сказал он через некоторое время тихо. — Иди. Я сказал тебе все, что мог сказать...

* * *

Откуда было знать Бату, что нет ничего вечного под вечным небом? Он жил так, как жил его великий дед Чингиз-хан, и думать он умел только так же. Тень предка закрывала от него даль, и потому он был подобен всаднику, едущему по степи, укрытой сумерками угасающего дня, когда узнать и рассмотреть можно только то, что вблизи тебя.

Бату верил, что вечной будет степь и вечно останутся покоренными побежденные. Даже сделавшись ханом, он ненавидел и презирал все, что ненавидел и презирал простой кочевник, а потому и не мог рассмотреть того, что готовит Золотой Орде будущее. Зная, что ему скоро придется уйти из жизни, он верил, что завещает потомкам мудрость, а на самом деле оставлял им всего лишь хитрость степного разбойника. Бату верил, что так останется всегда — другие народы будут пахать землю, сеять и растить хлеб, ткать шелка, добывать железо и золото, строить города, а его потомкам суждено приходить и с помощью кривой сабли собирать обильную жатву. Презирая покоренный народ, монгол не хотел знать, о чем он думает. Но кто мог научить Бату и открыть ему великую тайну человека, который в поте лица добывает хлеб свой? Откуда он мог знать, что, склоняясь над плугом и разминая в руках теплый пшеничный колос, люди думают не только о хлебе, но и о том, как они будут жить дальше? Строя города, крепко прирастая к земле, человек создает свой завтрашний день, думает о будущем своих детей, а значит — и о своем народе. И наступит такое время, когда конь кочевника остановится перед удивительной преградой, имя которой созидание и которую его хозяин ни понять, ни осмыслить уже не сможет, а оглянувшись в недоумении назад, увидит за своей спиной пустую, как и тысячу лет назад, бурую от ветров и солнца степь, с редкими ветхими юртами, которые все, вместе взятые, предки так и не смогли наполнить, как бездонную пропасть, богатствами, потому что все, что они приносили сюда, было чужим и пахло кровью. Гордясь своим детищем — Золотой Ордой, Бату даже в мыслях не мог допустить, что в самом ее рождении уже была заложена смерть.

Солнце коснулось края земли. Уже пора было Бату-хану вернуться в Орду, а черному орлу улететь в свое гнездо на ночлег. Но оба чего-то ждали. Освещенный закатным солнцем, весь в красной одежде, хан казался облитым кровью. Он сидел на вершине кургана, ссутулившись, втянув голову в плечи, и, казалось, дремал. Орел величественно парил в небе и с каждым кругом все ниже и ниже опускался к земле.

Бату не видел полета птицы, но тело его в предчувствии предстоящей схватки дрожало и сжималось в комок. Он был готов к своей последней битве, но вдруг чувство, похожее на страх, овладело им. Такого хан не знал никогда. Ему, не раз водившему свои тумены на врагов, не раз испытывавшему ощущение близкой смерти, сделалось жутко. И только непреодолимое желание мести помогло хану овладеть собой. Он мысленно возблагодарил Небо за то, что умирать приходится не в постели, а с мечом в руке, как и подобает монгольскому воину.

Вдруг черная распростертая тень пронеслась над землей, и тугой порыв ветра ударил хану в лицо. Бату вскинул голову. Пепельное, обескровленное его лицо залила смертельная белизна. Он увидел пестрое брюхо орла, его поджатые, с отливающим сталью когтями лапы... и на одной из них золотую пластинку на шелковом шнурке. Бату-хан не мог ошибиться. Это был его орел, которого он когда-то приручил и еще два года назад охотился с ним на волков.

Безумными глазами следил хан за черной птицей, набирающей высоту для нового броска, а перед мысленным взором встала бескрайняя, укрытая первым снегом степь и далекие горы с темными провалами ущелий. Стремительно мчался конь, в лицо бил ледяной ветер, и на луке седла, в кожаном колпачке, закрывающем глаза, сидел этот самый орел.

Бату-хан вспомнил, как подняли загонщики матерого седого зверя, и он, сорвав колпачок с головы любимой ловчей птицы, подкинул ее в синее, как шелк, небо. Один из нукеров, сопровождавших хана где-то позади, ударил несколько раз в кожаный барабан — дауылпаз.

Потом был ветер в лицо и пьянящая, как вино, радость от бешеной скачки.

Орел взял волка, но когда Бату-хан, бросив коня, подбежал к поверженному зверю, чтоб вонзить кинжал в его сердце, было уже поздно. Птица уже разорвала грудь волка и вырвала сердце.

Бату был взбешен. Орел не смел опередить своего хозяина. Хан в ярости поднял плеть...

На всю жизнь запомнились ему холодные неподвижные глаза птицы, огромные, распростертые на белом снегу черные крылья и дымящаяся на морозе разорванная грудь зверя. Орел издал пронзительный клекот и взмыл в небо. Он больше не вернулся к своему хозяину.

«Нет страшнее врага, чем друг, который возненавидел тебя», — прошептал Бату-хан. Еще он успел подумать, что не сможет сказать сыну то, чему научил его этот миг. «Будь другом — другу, врагом — врагу, не обижай друга, не дружи с врагом...» Орел, сложив крылья, камнем

ринулся вниз.

Бату-хан успел взмахнуть мечом... Орел с отрубленным крылом рухнул на землю. Хан сделал к нему шаг, увидел безжалостные, налитые кровью глаза птицы и неукротимую ярость в них...

Бату поднял меч, чтобы вонзить его в грудь друга, ставшего ему врагом, чтобы в последний раз ощутить радость от свершившейся мести, но тело сделалось непослушным, и небо, залитое кровью заката, надвинулось на него. Неведомая сила безжалостно бросила великого Бату-хана на землю...

На следующее утро, на рассвете, не приходя в сознание, ушел из жизни грозный Бату-хан. Слезы печали и скорби туманили глаза отважным нойонам и простым воинам.

Потомки Чингиз-хана, какой бы веры они ни придерживались, свято соблюдали монгольские обычаи. Где бы ни умер хан, его обязаны были похоронить в земле предков. Но слишком длинен и долог был путь от Сарая до Каракорума, и потому, не решаясь нарушить обычай, близкие решили поступить так: было сделано два черных гроба, в один положили одежду и оружие хана, и двести воинов, одетые во все черное, на черных конях отправились в монгольские степи, увозя на родину предков дух великого покорителя народов. В другой гроб, украшенный золотом, положили тело Бату-хана, дорогое оружие, золотые чаши, из которых он пил вино и кумыс.

Чтобы никого не прельстил блеск золота, а враги не могли надругаться над ним, гроб с телом Бату глубокой ночью самые близкие люди унесли на высокий, поросший густым лесом берег Итиля. Здесь его предали земле. И опять же, соблюдая обычай монголов, над могилой Бату-хана не поставили надгробья. В рыхлую землю были посажены молодые деревца. Несколько лет заповедный лес охранял отряд отборных туленгитов, уничтожая все живое, что пыталось приблизиться или пролететь над ним. Так было до тех пор, пока не выросли на могиле Бату-хана деревья и никто уже не смог бы узнать, где лежит великий хан Золотой Орды.

* * *

Печальная весть о смерти отца догнала Сартака в пути. Будучи христианином, он велел воину-орусу из отряда ночь и день читать молитвы по умершему, но коня своего вспять не повернул.

Великий хан монгольской степи Менгу, довольный тем, что Сартак, несмотря на смерть отца, прибыл в Каракорум на курултай, утвердил его ханом Золотой Орды.

ГЛАВА ВТОРАЯ

II

Зиму года зайца (1255) — года, который принес ему звание хана Золотой Орды, Сартак провел во дворце Гулистан города Сарай Бату. В подвластных землях было спокойно, и, начиная с осени, новый хан, отложив все заботы, занялся религиозными делами и укреплением связей с орусутскими княжествами.

С тех пор как Сартак стал побратимом с новгородским князем Александром Невским и принял христианство, многое изменилось в нем. Бывая в Новгороде, он посещал церкви и соборы, внимательно присматривался к тому, как жили орусуты.

Христианская вера нравилась молодому хану своими пышными обрядами, торжественностью. Подвластный ему народ кипчаки — главная опора Золотой Орды — исповедовали ислам, но это не смущало Сартака. Он верил, что со временем удастся обратить кочевников в христианство. По его повелению пленный немецкий мастер Госсет в низовьях Итиля, у небольшого городка Сумеркент, построил церковь. Вопреки ожиданиям хана, кипчаки отнеслись к этому равнодушно и не спешили совершить обряд крещения. Только часть знати да некоторые члены ханского рода последовали примеру Сартака.

Молодого хана это озадачило, но не сильно огорчило. Он считал, что всему свое время.

Сартак никого не стал принуждать. Православие нравилось ему, но назвать его последовательным христианином было нельзя. Выросший, как и все монголы, в седле, веривший с детства в шаманов и знахарей. Сартак не мог сразу принять душой множество непосильных для него условий и обязанностей, которые налагала вера. Так, будучи христианином, он в тридцать лет имел шесть жен. Две из них были из монгольских родов, три из кипчакских, одна — аланка. Все они рожали ему детей, но ни один из них не выжил. Старший сын Улакша в семилетнем возрасте, в том году, когда Сартак принял христианство, упал с коня и разбился. Остальные дети, дожив до одного-двух лет, умирали от неизвестной болезни.

Кипчаки шептались между собой о том, что, видимо, над их ханом тяготеет проклятие. Да и как может быть иначе, если две его жены буддистки, три — мусульманки, а сам он христианин. Как могут жить дети, если их родители поклоняются разным богам? Ведь давно известно, что если начнут тереться два верблюда, то между ними погибнет муха, а если за душу младенца ведут спор боги, то от проклятия одного из них обязательно умрет ребенок.

Эти слухи дошли до Сартака, и он решил взять седьмую жену — на этот раз христианку. Вот здесь-то, впервые, он и столкнулся с особенностями новой веры.

Однажды, когда хан гостил в Новгороде, на глаза ему попала шестнадцатилетняя девушка Наташа из знатного орусутского рода. Сердце Сартака дрогнуло. Белолицая, стройная, с длинной русой косой, с ясным взглядом ласковых голубых глаз, она сразу же покорила хана. Ее родители хоть и без особой радости, но дали согласие. Да и кто мог отказать сыну великого Бату-хана?

И тут вмешалась церковь. По христианскому обычаю, Сартак и Наташа должны были обвенчаться. Новгородский митрополит Даниил сказал: «Сын великого Бату-хана, нам по душе твое желание. Опора Золотой Орды, ты дорог нам, но дороже всего христианину его вера. По нашим законам, верящий в Христа может иметь только одну жену. И если мила тебе девушка Наталья и ты хочешь взять ее за себя, оставь своих прежних жен. Только тогда обвенчаю я вас».

Сартак упрашивал строптивого митрополита, угрожал, но тот был тверд. Хан накинул на плечи Даниила дорогую соболью шубу, подарил коня под серебряным седлом, осыпал золотыми монетами.

Митрополит принял подарки, сказав: «Пусть все, что ты дал, будет твоим пожертвованием на святую церковь, но меня проклянет бог, если я обвенчаю тебя до той поры, пока ты не оставишь своих прежних жен».

У молодого хана не хватило мужества поступить так, как того требовал митрополит. Хотя и всемогущ был Сартак, но, не желая разрушать единство Орды, опасаясь мести со стороны родственников своих жен, он решил выждать время.

Казалось бы, благоразумие победило, но страсть, проснувшаяся к орусутской девушке, жгла сердце.

Не зная, как быть, как поступить дальше, он однажды обратился к ромею Койаку, выполнявшему различные поручения в ставке.

— Скажи, — попросил Сартак, — разве святые, создавшие христианскую веру, всю свою жизнь проводили с одной женщиной?

Койак легко догадался, почему хан обратился к нему. Быстро погасив появившуюся на губах лукавую улыбку, он серьезно сказал:

— Да. Святые строго соблюдали закон. Кроме того, всем последователям христианской веры не разрешалось брать новую жену, пока жива первая или если он не был с ней разведен. Но те, кому божьей волей была дана царственная власть над людьми... Разве хан не слышал о споре, который состоялся между имамом Нуриддином Хорезми и православными священниками?

Сартак вопросительно посмотрел на ромея.

— Этот спор состоялся во дворце хана Гуюка в то время, когда он решил выступить против твоего отца великого Бату-хана.

— Я слушаю тебя, ромей.

Койак прикрыл глаза, словно вспоминая.

— Дело было так... Все знают, что Гуюк, так же как и вы, принял в свое время

христианскую веру. Но он был горяч и не терпел рядом с собой тех, кто исповедовал ислам, а потому всячески преследовал иноверцев. И спор, о котором говорю я, был устроен для того, чтобы опозорить мусульман. Я не стану рассказывать обо всем — это было состязание в мудрости, остроумии, знаниях. Спор был длинен и запутан, как след лисы. Так вот... Христиане спросили имама: «Что за человек был пророк Мухаммед? Расскажите о нем». Нуриддин Хорезми ответил: «Мухаммед — последний пророк, посланный на землю аллахом. Он вождь святых. Пророк Иса сказал: „Всевышний, не жалея добра для пророка, который придет после меня...“ Тогда христиане спросили: „Только того, кто имеет непорочную душу и не обращает своего взора на женщин, можно считать святым... А у пророка Мухаммеда было девять жен... Как же можно причислять его к лику святых?“ Имам не растерялся: „У пророка Давида было девяносто девять жен, у Соломона — триста да еще тысяча наложниц. Что вы ответите на это?“ Христиане возразили: „Давид и Соломон не пророки — они цари“. Спор затягивался, ему не было видно конца, как степной дороге в длинный летний день. И тогда православные священники пошли на хитрость. Они попросили хана Гуюка приказать мусульманам прочесть молитву — намаз с соблюдением всех канонов.

Имам Нуриддин Хорезми вместе с одним из ишанов, присутствующих при споре, начал читать намаз. Христиане всячески мешали им: щипали, били по голове, когда те склонялись к молитвенному коврику. Но творящие намаз были крепки в своей вере, и слова пророка Мухаммеда о том, что ничто не должно помешать им завершить начатое, иначе можно попасть в ад, завершили молитву последней сурой. Вот так это было... На следующее утро хан Гуюк со сотысячным войском двинулся в кипчакские степи на своего отца... Через три дня, заболев неизвестной болезнью, которая вызвала кровавую рвоту, он умер. Мусульмане тогда сказали: «Хан Гуюк позволил издеваться над нашей верой. Пророк Мухаммед покарал его...» Конечно, не из-за спора умер хан...

Сартак пропустил последние слова мимо ушей. Хитрый ромей подсказал ему нужную мысль. Действительно, если у Давида было девяносто девять жен, а у Соломона — триста и тысяча наложниц, то почему ему, властителю Золотой Орды, не взять еще одну жену? Митрополит Даниил должен прислушаться к тому, что он услышал от ромея, и обвенчать его с орусутской девушкой. А если и на этот раз не согласится...

Глаза Сартака недобро сверкнули, рука потянулась к кинжалу.

— Иди, — сказал он Койаку, — пусть сотник Сырмак собирается в путь...

Но Сырмак вошел сам. Это был смуглый, широкоплечий и широкогрудый воин. Его борик, украшенный шкуркой степной лисицы — корсака, короткий чапан из серой верблюжьей шерсти, отделанный по воротнику мехом выдры, удобные сапоги с войлочными чулками без слов говорили, что он принадлежит к одному из кипчакских родов.

Вместе с Сырмаком был желтолицый сухощавый человек. И так же как по одежде сотника безошибочно можно было определить, что он кипчак, так по одежде незнакомца было ясно, что он с низовьев Итиля.

Сартак был настолько занят своими мыслями, что не обратил внимания на незнакомца.

— Седлай коней, — приказал он. — Поедем в Новгород. За орусутской девушкой Натальей.

Сотник выжидал.

— О мой повелитель...

Только сейчас хан увидел чужака:

— Я слушаю...

Сотник схватил приведенного за шиворот, и тот упал перед Сартаком на колени. Весь вид его выражал испуг и повиновение.

— Кто это?

— Человек, убежавший от Берке-хана.

Уходя из жизни, великий Бату, по обычаю, завещанному Чингиз-ханом, отдал многие свои земли в управление родственникам, ходившим с ним в походы. Они самостоятельно управляли своими улусами, но в то же время находились в подчинении у хана Золотой Орды. По сложившейся традиции их называли владельцами улусов, но, когда Кулагу завоевал Иран и Ирак, их стали звать эмирами. Только тюркские племена продолжали именовать их ханами.

Таким ханом был младший брат Бату — Берке. Ставка его находилась на возвышенности Актюбе, на берегу Итиля, недалеко от городка Сарыкум ¹⁶.

Суровые зимы заставили Берке возвести небольшой дворец. Его примеру последовала и знать — появились дома из дерева, кирпича и камня. На Актюбе возник городок, который стали называть, как и главную ставку Золотой Орды, Сараем.

У Берке было сильное войско, и после Бату-хана он всегда считался первым человеком в Орде.

— Ты почему сбежал? — спросил Сартак, и брови его сурово сошлись на переносице. — Кто ты такой и как тебя зовут? — Я Сары-Буги, — торопливо сказал воин. — Из монгольского рода баргут. Мой отец Есу-Буги был начальником телохранителей у бесстрашного Субедэй-бахадур. Я выполнял обязанности сульгиши ¹⁷ при хане Берке...

— Нам не нужен раб!.. — нетерпеливо перебил Сартак. — Скажи: почему бежал?

Воин опустил голову.

— Берке-хан, сын великого Джучи и мой властитель... Я его раб. И я обязан ему повиноваться... Но он мусульманин, а я христианин... Видно, вера так повлияла на него, что с каждым днем он становится все более кровожадным и жестоким. С уст его не сходит имя аллаха, а с рук — кровь. Я не смог выдержать... Особенно то последнее, что он совершил...

— Что совершил он?

— Неделю назад, ссылаясь на волю пророка Мухаммеда, он взял четвертой женой орусутскую девушку из Новгорода...

У Сартака от недоброго предчувствия сжалось сердце.

— Как зовут эту девушку? — громко спросил он.

Воин наморщил лоб.

— На-та-ли-я... — трудно выговаривая чужое для него слово, сказал он.

Хан побледнел, а воин, не замечая состояния Сартака, продолжал:

— Ее привезли во дворец, Берке велел стегать ее прутьями и насильно заставил принять мусульманство. Девушка так кричала, так плакала... Я не смог выдержать насилий, которые творят мусульмане, и бежал к вам...

— Увести его! — крикнул Сартак сотнику. — Долой с моих глаз!..

С этого дня Сартак, и раньше недолюбливавший Берке, возненавидел его. Он стал искать пути отмщения мягкоязыкому и коварному брату отца.

Уже в седьмом-восьмом веках на юге Мавераннахра и в Дешт-и-Кипчак начали возникать очаги ислама. В таких городах Средней Азии, как Самарканд и Бухара, население исповедовало различные религии, и потому ислам не встретил здесь серьезного сопротивления. Незаметно мусульманство стало главенствующей верой, и начались жестокие гонения на всех иноверцев.

В тринадцатом веке, когда на земли Хорезма и Дешт-и-Кипчак пришли монголы, здесь уже прочно утвердился ислам. Продолжали еще существовать небольшие христианские общины, но дни их были сочтены.

Правда, монголы, следуя примеру Чингиз-хана, одинаково относились к представителям разных вер. По велению Потрясателя вселенной служители всех култов были освобождены от податей.

У самих же монголов, еще до того, как мир услышал имя грозного Чингиз-хана, христианство было распространено довольно широко. Его исповедовали целые монгольские роды. Многие потомки Чингиз-хана брали себе жен из этих родов, и дети их воспитывались по законам христианства. Вот почему получилось так, что в лице монголов христиане Хорезма и Дешт-и-Кипчак получили поддержку.

Во времена правления каракорумского хана Гуюка, рожденного от женщины из рода кереев и вместе с молоком матери впитавшего христианские заветы, обычная поддержка

¹⁶ Сарыкум — селение, которое находилось вблизи нынешнего Волгограда. Сейчас это место называется Царевым городищем.

¹⁷ Сульгиши — слуга, готовящий воду и полотенце для хана перед тем как тому совершить намаз.

перешла в яростное и непримиримое гонение мусульман. Гуюк правил всего два года, но этого было достаточно, чтобы сложился крепкий союз христиан Средней Азии, Армении и Грузии.

Севший после него на ханский трон Менгу не отдавал предпочтения ни одной из религий. При нем мусульмане и буддисты почувствовали себя в большей безопасности. Не обратил Менгу никакого внимания и на то, что сын Бату-хана Сартак — христианин. Он без колебаний дал согласие на то, чтобы Сартак взойшел на трон Золотой Орды.

Ослепленный ненавистью к Берке, молодой хан решил начать с ним борьбу. В Самарканде было много христиан, и он знал, что единоверцы поддержат его. Он послал туда своих людей, чтобы подготовить общее выступление против мусульман. Планы его были большими — Сартак мечтал Самарканд превратить со временем в свою главную ставку христианства.

Однако и мусульмане не сидели сложа руки. Ряды их медленно, но росли. На землях Хорезма и Мавераннахра набирала силу, ширилась религиозная борьба.

Но не только южные земли привлекали внимание молодого хана. Все чаще мысль его возвращалась к орусутским княжествам. Все чаще думал он о землях, лежащих к западу и северу от Орды...

Страшной моровой язвы было нашествие монголов на Русь. Народу погибло — не счесть, в развалинах лежали города, зарастали лебедой и полынью пашни, стон угоняемых в рабство стоял над землей.

Русские княжества не входили в состав Золотой Орды. Монголы обложили их тяжелой данью, а это было равносильно медленной, мучительной смерти, потому что платить было нечем — бесплодными сделались поля, монголы угнали скот, в битвах погибли мужчины-кормильцы.

Но не только печаль и отчаяние вызывали монгольские грабежи и насилие. Зрела ненависть, росло непокорство. На Руси понимали — нет иного выхода, чтобы сохранить жизнь и веру, кроме борьбы. Не только дань брала Золотая Орда, но не было года, чтобы не совершали ее отряды набегов на отдельные города и княжества.

Только начнут обстраиваться, входить в силу ремесленники и пахотные люди, как снова пылают избы, льется кровь и стон стоит над многострадальной землей. Один путь был, одна дорога — или победить, или умереть.

Не только монголы зарились на русскую землю. Ждали своего часа, удобного момента немцы и шведы. Лакомым куском были для них земли Пскова и Новгорода, потому что именно здесь проходили пути, связывающие Северную Европу с восточными странами.

Все тесней сжималось кольцо вокруг русских княжеств, не покоренных Ордой. Просить помощи у соседей было бессмысленно: разграбленные монголами, они сами оказались в безвыходном положении.

В такое время и сел на трон Золотой Орды хан Сартак. Воспользовавшись этим, князь Александр Невский снарядил к своему побратиму посольство. В Золотую Орду отправился боярин Данил. Задача у послов была нелегкая — получить от Сартака заверения, что Орда не двинет свои тумены на северные русские города. Это дало бы возможность, не оглядываясь на грозного соседа, сосредоточить все силы для борьбы с немцами. И еще наказывал князь Александр добиться хотя бы временного освобождения Новгорода и Пскова от дани, которую платили эти города Орде.

В середине зимы новгородское посольство с богатыми дарами двинулось в Золотую Орду. После многодневной вьюги утонули по пояс в снегах леса. Низины, заваленные сугробами, превратились в равнины. Короткая оттепель сменилась трескучими морозами. Снежный наст промерз так, что разрушить его не мог ни человек, ни зверь. Тропы, проложенные гонцами между русскими городами и Ордой, покрылись ледяной коркой.

Тревожно и угрюмо смотрели послы на укутанную снежным саваном землю. Нелегкая выпала им задача — удастся ли добиться от хана согласия на то, что задумал князь Александр? Удастся ли вообще вернуться в родные края? Что из того, что князь побратим с ханом? Не раз уже такое было, что пропадали по пути русские послы, словно земля разверзалась под ними. Коварны татары, и никому не ведомо, что у них на уме.

Орда встретила послов с почестями. В степи, далеко от города, окружили орусутов туленгиты из личной охраны хана. Свирепые, в лисьих малахях, надвинутых на самые глаза,

они секли плетью всякого, кто осмеливался близко подойти к посольскому каравану.

Сам хан Сартак вышел из дворца Гулистан, чтобы встретить знатного боярина. На голове его был пушистый тымак, из выдры, на плечи наброшена дорогая бобровая шуба. Хан встретил гостей безоружным, выказывая тем самым большое уважение и доверие. Только на широком золотом поясе висел небольшой кинжал с рукоятью из слоновой кости в золотых ножнах. С ним хан не расставался никогда.

Среди прибывших Сартак сразу же узнал княжеского родственника. Данил был высокий, крепкого сложения, с острым взглядом внимательных голубых глаз.

Не торопясь, хан начал спускаться по дворцовым ступеням навстречу всадникам. Увидев его, послы быстро спешили. Проворные воины-туленгиты молча подхватили поводья и увели коней к коновязи. Приблизившись к хану, орусутские послы, как того требовал обычай, низко поклонились.

С Данилом Сартак поздоровался по монгольскому обычаю, прижавшись грудью к груди гостя.

— С благополучным прибытием, боярин, — сказал хан.

— Спасибо на добром слове, великий хан Золотой Орды. — Данил поклонился. — Мы приехали издалека, чтобы передать тебе слово твоего побратима, князя Великого Новгорода Александра Ярославича.

Сартак улыбнулся.

— Я думаю, что слово князя не такое уж короткое, чтобы слушать его под открытым небом. Входи, будь гостем...

Хан взял Данила под руку и в сопровождении послов и телохранителей направился во дворец.

На миг Сартаку сделалось не по себе. Он почувствовал — чьи-то глаза, полные ненависти, смотрели ему в затылок. Хан резко обернулся. И сразу же встретился взглядом с этими глазами. В свите молодого боярина был человек, которого хан знал давно и хорошо. Ни с кем другим его спутать было нельзя. Время словно щадило этого человека — высокий, жилистый, с лицом, иссеченным глубокими морщинами, он запоминался с первого взгляда. Сартак не мог ошибиться. Это был Святослав. И невольно хан вдруг вспомнил давнее, затянутое дымкой времени. Именно там начиналось то, что через много лет свело этих двух людей. Те события, казалось бы, не имели никакого отношения к Святославу, и все-таки...

В тот год, когда орды Чингиз-хана вторглись в земли цветущего Хорезма, наибом — правителем города Отрара был Кадырхан Уланшик, двоюродный брат хорезмшаха Мухаммеда. Отрар представлял собой грозную, хорошо укрепленную крепость. В подчинении наиба было двадцать тысяч воинов.

И, как обычно делал Чингиз-хан, прежде чем двинуть свои тумены на сильного врага, он послал туда торговый караван. Более четырехсот переодетых воинов сопровождали мусульманских купцов-лазутчиков.

По базарам Отрара поползли слухи один страшнее другого. Заезжие купцы пугали людей неведомыми им монголами, говорили, что те ни к кому не знают пощады и уже идут на земли Хорезма, чтобы залить их кровью. «Нет силы, которая могла бы противостоять им», — шептали воины и купцы.

Кадырхан-наиб быстро догадался, что прибывший в город караван не совсем обычный. По его приказу ночью воины вырезали всех лазутчиков. Бежать удалось только одному.

Узнав о случившемся, Чингиз-хан пришел в ярость и отправил гонца к хорезмшаху Мухаммеду с требованием «выслать в ставку закованного по рукам и ногам наиба Кадырхана».

Мухаммед не решился выдать родственника. В Хорезме, потрясаемом бесконечными раздорами, знать не поняла его поступка, да и сам Кадырхан, имеющий под своим началом сильное войско, просто так в руки бы не дался. Не годилось правителю наказывать подданного за верность.

Хорезмшах приказал умертвить монгольских послов. В ответ Чингиз-хан двинул свои тумены. Сыновьям Джагатаю и Угедю он повелел разрушить город Отрар, старшему, Джучи, — овладеть городами, расположенными в низовьях Сейхуна.

Осенью того же года монголы остановились у стен Отрара. Наиб Кадырхан знал, что ни

ему, ни жителям города пощады не будет, и потому принял решение сражаться до конца.

Шесть месяцев держался осажденный город, и кто знает, что было бы дальше, если бы не предательство. Однажды ночью кочевники под предводительством Караша-батыра, присланные хорезмшахом в помощь городу накануне осады, предчувствуя гибель, открыли крепостные ворота и ушли в степь.

Монголам удалось воспользоваться предательством. Теперь уже в городе, на узких улочках и базарных площадях, завязались кровавые схватки. Жители сражались отчаянно. Каждый дом, каждый двор превратился в крепость.

Неравными были силы. Все меньше становилось защитников города, а монгольским воинам, казалось, нет числа. Повинуясь железной дисциплине, они упорно шли вперед, пьяные от крови, с горящими от предвкушения богатой добычи глазами.

Те, кто мог держать оружие, укрылись во дворце наиба Кадырхана. Город пылал, подожженный со всех сторон. Черные клубы дыма застилали солнце, скручивались от нестерпимого жара, опадала листва с деревьев и высыхали арыки.

Когда кончились стрелы и затупились мечи, последние защитники Отрара продолжали сражаться на крыше дворца. Женщины-служанки подносили тяжелые необожженные кирпичи, и воины бросали их на головы врагов.

Наконец монголам удалось схватить обессиленного, умирающего от ран Кадырхана. Его волоком притащили к старшему сыну Угедэя — Гуюку.

— Ты оказался настоящим воином, — сказал тот. — Монголы умеют ценить отвагу. Перед смертью ты можешь попросить все, что пожелаешь.

— У меня одно желание, — ответил наиб. — Я хочу умереть, чтобы не видеть ваших свиных рыл.

Гуюк выхватил меч и отрубил Кадырхану голову.

По высочайшему повелению сыновей Чингиз-хана монгольские воины получили право грабить захваченный город в течение десяти дней. Все, что нельзя было унести, предавалось огню. Пылали в огромных кострах бесценные книги из знаменитой на весь Восток отарской библиотеки, гнила, превращалась в пепел и золу мудрость столетий. Ветер и вода довершили разрушение, и некогда прекрасный, богатый и сильный город сровнялся с землей.

После взятия Отрара монгольское войско разделилось. Словно два черных крыла распростерлись над Хорезмом. Одно из них накрыло страшной тенью Самарканд и Бухару, другое — кипчакский город — Сыганак.

Смерть всему живому несли монгольские тумены, превращая в пустыню еще недавно цветущие оазисы. Рушились украшенные причудливыми узорами дворцы и храмы; чистые и светлые водоемы, когда-то утолявшие жажду тысяч людей, заваливались трупами. Дикая степь не знала пощады и была глуха к предсмертным крикам.

Семь дней и ночей сдерживал натиск врагов город-крепость Сыганак. Взбешенные упорным сопротивлением монголы вырезали всех его жителей.

Да, так было... Об этом рассказывали отец и старые воины, которым посчастливилось участвовать в тех походах и дожить до старости.

Сартак еще раз бросил взгляд на Святослава. Лицо воина было бесстрастным, только глаза, внимательные и холодные, недобро смотрели из-под густых бровей.

Кто мог предполагать, что там, на развалинах Хорезма, взойдет звезда человека по имени Кара-Буги, а потом, в орусутских землях, после встречи его со Святославом, закатится. Поистине все может быть в этом подлунном мире и всякое случается.

Именно там, в Хорезме, возшла звезда Кара-Буги... Тогда ему было всего восемнадцать лет. Невысокий, крепко сложенный, он вдруг сразу выделился среди других воинов. И не сказочной силой, не бесстрашием, а яростью и жестокостью. Он насиловал девушек на глазах у родителей и, если кто-нибудь пытался вступить или помешать, бросался на непокорного с яростью шакала. Особым, известным только монголам приемом Кара-Буги ломал ему шейные позвонки и, подставив ладони под хлещущую из горла жертвы кровь, пил ее.

Так уж случилось, что со временем он оказался в войске Бату-хана, ходил с ним на орусутские княжества, участвовал в битве с немцами. О его жестокости даже монгольские воины говорили вполголоса. Бату-хан заметил Кара-Буги и сделал его сотником.

Сартаку нравилась беззаветная преданность воина Золотой Орде. Кара-Буги стал тенью молодого хана, его правой рукой. И когда хан крестился, он вместе со своим хозяином принял христианство. Новая вера, однако, не изменила Кара-Буги. Он по-прежнему был жесток и кровожаден.

Но один поступок Кара-Буги заставил вздрогнуть даже выдавших виды монгольских нойонов и воинов.

Это случилось весной, когда скот бесчисленных монгольских стад уже узнал вкус молодой травы, а над озерами и речными протоками затрубили в золотые и серебряные трубы прилетевшие из теплых стран гуси и лебеди. Орусуты, пережившие голодную зиму, начали сев. Небольшой отряд монгольских воинов возвращался в Орду после сбора весенних податей с орусутских деревень.

Впереди отряда на черном жеребце ехал Кара-Буги. Он был одет в доспехи из черного железа и такой же шлем. Погрузневший с годами Кара-Буги походил издали на темную глыбу. Позади отряда медленно ползли тяжелые двухколесные арбы, груженные тем, что удалось получить или отнять в орусутских деревнях. Это в основном была пушнина. Шкуры волков, зайцев, лисиц, бобров и белок были старательно связаны в тюки, укрыты от непогоды.

Дорога была знакомая, опасаться некого, и воины расслабились, поснимали тяжелые лисьи тымаки, подставили головы теплomu весеннему солнцу.

Когда отряд обогнул озеро, чуть в стороне, на опушке леса, открылась небольшая деревня. Было видно, как по черным полям в длинных холщовых рубахах ходили за сохами орусутские мужики и бабы. Картина была привычной и знакомой.

Вдруг Кара-Буги остановил коня. Из зарослей густого камыша, окружающего озеро, выскочила стайка детей — мальчика и девочек лет семи — девяти. На них, как и на взрослых, были длинные белые рубахи. Веселый гомон нарушил тишину. Дети что-то несли в подолах — видимо, яйца птиц, собранные у озера.

Но вот кто-то из них заметил монгольский отряд, и отчаянный, пронзительный крик ударил в уши. Побросав свою добычу, дети побежали к деревне. Впереди всех бежала длинноногая худая девочка с густыми золотистыми волосами.

Кара-Буги тупо смотрел вслед детям, потом в глазах его зажглась искорка интереса. Он ударил пятками коня и, припав к луке седла, помчался за ними.

Девочка бежала из последних сил. Иногда она оборачивалась, и в ее огромных голубых глазах Кара-Буги видел только ужас. Он в бешенстве скалил зубы, пытаясь схватить девочку за волосы, но она увертывалась, и погоня начиналась снова.

Наконец силы оставили беглянку. Она упала один раз, второй. И когда Кара-Буги все-таки догнал ее, спрыгнул с коня и перевернул на спину, тело девочки затряслось в судорогах, она откинула голову и вдруг обмякла, вытянулась.

Когда крик детей услышали работавшие в поле мужики, они поняли — у озера случилась беда. Похватав то, что подвернулось под руку, люди бросились на помощь детям. Первым прибежал отец девочки — Святослав. Сердце-вещун словно придало ему силы. Но было поздно. Он увидел только спину Кара-Буги и все-таки узнал его. Очень хорошо знали в окрестных орусутских деревнях этого страшного черного человека.

Говорить было не о чем. В суровом молчании стояли над мертвым ребенком люди. Преступление требовало мести. Но разве плетть перешибет обух? Тяжелые ладони сжимались в кулаки, и глаза загорались ненавистью.

Святослав, сняв с себя рубаху, завернул в нее тело дочери, поднял на руки. Потом обвел собравшихся невидящим взглядом:

— Идите... Работайте... Я пойду к самому Бату-хану.

Никто не заступил ему дорогу, не посмел удерживать. И в напутствие ничего ему не сказали. Одна мысль была у всех, одно желание, но не наступило еще то время, когда суждено им сбыться.

Не знал Кара-Буги, когда творил свое черное дело, что три дня назад великий Бату-хан со своей свитой приехал на одно из ближних озер поохотиться на перелетных птиц.

Целый день шел воин к ставке хана. Огромное солнце, словно зная о его горе, остановилось у края земли и залило леса и долины тревожным красным светом. И шатры

ханской ставки, когда увидел их наконец Святослав, были от этого света словно обрызганные кровью.

Воин остановился лишь на миг. «Чем умирать каждый день, — подумал с горечью он, — лучше пусть это случится сразу». Святослав нащупал нож, спрятанный в складках штанов, передвинул его поближе к бедру, чтобы при случае можно было быстро выхватить, и шагнул вперед.

Ханские нукеры, окружив Святослава плотным кольцом, привели его к Бату.

Хан, только что вернувшийся с охоты, стоял у своего шатра.

Без страха приблизился к нему Святослав, держа на вытянутых руках тело ребенка. Глядя на лицо хана сухими, полными отчаяния и горя глазами, он рассказал о случившемся. Лицо Бату-хана окаменело, и рука потянулась к кинжалу. Жестом он велел своим туленгитам разыскать и привести Кара-Буги.

Нукеры проворно поставили перед шатром походный трон хана. В ожидании, когда приведут Кара-Буги, Бату велел позвать тибетского ламу Сакия — врачевателя великого каракорумского хана Угедэя, гостившего в Золотой Орде. И когда глубокий старец приблизился к нему, попросил:

— Узнай и скажи нам, отчего умерла девочка, которую принес орусут.

Выражая повиновение, лама склонился в глубоком поклоне.

Четыре туленгита, подталкивая остриями копий, пригнали к шатру хана Кара-Буги. Монгольский воин смотрел исподлобья. Темное лицо его сделалось совсем черным, и только белые зубы щерились злобно и хищно.

— Скрутить ему руки, — приказал Бату.

Нукеры повалили Кара-Буги на землю, завернули ему руки за спину, крепко стянули их у запястий сыромятными ремнями.

Из шатра вышли лама Сакия и Святослав. Вокруг ханского трона собрался народ, и все затаив дыхание смотрели то на Бату, то на запрокинутое лицо девочки, которую держал орусут, ожидая дальнейших событий.

— Так отчего умерла девочка? — хмуря брови, сурово спросил хан.

— У нее разорвалось сердце, о великий хан.

Бату перевел взгляд на стоящего на коленях Кара-Буги. Получалось, что хан обидел своего воина напрасно. Стоило ли бесчестить и наказывать его, одного из самых преданных, за смерть какой-то орусутской девочки?

Бату снова повернулся в сторону ламы:

— Значит орусут лжет, утверждая, что над его дочерью совершено надругательство?

Немигающие глаза хана сузились, и взгляд стал похож на взгляд змеи. Люди замерли, опустили головы, и только Святослав все так же дерзко и смело смотрел на Бату.

— Нет. Он говорит правду, — уронил в тишине лама. — Насилие совершено над мертвым телом...

Тихий вздох, как порыв ветра, пронесся по толпе. По монгольским обычаям, то, что совершил Кара-Буги, считалось величайшим преступлением.

Даже Бату-хан, сам не знавший ни к кому пощады, устраивавший пиры на телах поверженных врагов и равнодушно слушавший, как трещат и ломаются их кости под тяжелыми досками, побледнел.

Взгляд его замер на Кара-Буги:

— Верно ли говорит великий лекарь Сакия?

— Да, — прохрипел Кара-Буги. Лицо его исказила гримаса страха. — Но я не мучил душу ребенка, о великий хан! Ведь мертвому телу все равно...

Сартак вспомнил, как чувство омерзения затопило тогда все его существо. Он вспомнил, как отец повернулся к своему брату Менгу и спросил:

— Какое наказание для этого человека ты считаешь уместным?

Менгу, известный своей жестокостью, помедлил с ответом, потом сказал:

— Это преступление, бросающее тень на монгольского воина. Но Кара-Буги многое сделал для завоевания орусутов, и потому наказание можно смягчить. Сто ударов лозой...

Бату-хан глянул на младшего брата Берке:

— Что скажешь ты?

— Согласно мусульманской вере, такой человек после своей смерти должен вечно гореть в огне, ибо он совершил насилие над мертвым телом ребенка. Такое преступление нельзя прощать. Назначьте ему тысячу ударов.

Бату обвел взглядом лица собравшихся. Нойоны и воины, стоящие вокруг его трона, привыкли к человеческим смертям, их не пугала кровь, и сердца не знали сочувствия к чужим страданиям. Но поступок Кара-Буги был за гранью дозволенного. И каждый, какой бы он веры ни придерживался, какому бы богу ни поклонялся, понимал, что это преступление. От этого лица людей были угрюмы.

— Что бы ты хотел? — спросил вдруг Бату у Святослава.

— Отдай его мне, — все так же не отрывая взгляда от лица хана, сказал орусут.

Бату задумался. Менгу прав. Из-за смерти ребенка побежденного народа стоит ли лишать жизни воина, который всю жизнь преданно и верно служил Орде?.. Да, он виновен в страшном поступке. Может быть сделать, как советует Берке, — назначить тысячу ударов, и пусть надеется на счастье? Если Небо хранит его — Кара-Буги выживет. Но сочтет ли такое решение справедливым толпа? По лицам видно — воины ждут смертного приговора. Наивен и глуп народ. Можно уничтожить миллионы безвинных людей, но стоит однажды поступить по справедливости — и все будет забыто, прощено. Его будут звать Саин-ханом — справедливым ханом. А разве не стоит жизнь одного сотника мнения стотысячного народа?

Бату выпрямился, поднял голову и в упор посмотрел на Святослава:

— Пусть будет по-твоему, орусут.

Толпа всколыхнулась.

— Слава! Бату-хан — справедливый хан!

— Саин-хан! — закричали люди.

Кара-Буги рванулся, пытаясь на коленях подползти к Бату-хану, но острые копья туленгитов уперлись в грудь. В страхе и ярости катался он у подножья трона, выкрикивая слова мольбы, но за ревом толпы, повторяющей хвалу мудрости хана, его воплей не было слышно.

Святослав положил тело девочки на землю и пошел к монголу. Стража расступилась перед ним, давая дорогу. Орусут схватил Кара-Буги за волосы, в руке сверкнуло тонкое лезвие ножа. Огромная черная голова монгола покатила по земле...

Святослав спрятал нож, поднял тело дочери и, ни на кого не взглянув, пошел прочь. Толпа воинов почтительно расступилась.

Бату-хан повернулся к своему главному визирю Сауку — сыну младшего брата отца.

— Останови его! — властно приказал он. — Дай коня и выкуп за дочь.

Тулен-багадур, зять Бату, один из самых смелых военачальников Золотой Орды, довольный решением хана, склонил голову в знак одобрения и негромко сказал:

— Саин-хан! Справедливый хан...

Его слова услышали, и толпа воинов вновь закричала:

— Бату-хан — Саин-хан!..

Твердый в своих решениях, не знавший жалости и сострадания Бату умел изображать из себя справедливого человека, чтобы поддержать уважение в войске. Не хотелось ему терять отважного Кара-Буги, но что поделаешь, видно, такова воля Неба.

— Хорошо помнит Сартак тот случай. И сейчас, глядя на Святослава, он подумал, что время не властно над этим человеком. Прошло пятнадцать лет, а он по-прежнему крепок и силен, только волосы и борода в густой седине. Значит, Святослав сейчас в дружине князя Александра, раз приехал с посольством. Все больше орусутов собирается под знамена непокоренного Новгорода.

Думая сейчас о Святославе, Сартак не знал, что в толпе, встречающей русское посольство, есть еще один человек, который так же, как и он, хорошо помнит те далекие события у озера. Это был младший брат черного Кара-Буги. Он выполнял при дворе Сартака обязанности бакаула — распорядителя еды и напитков. Он помнил все и тоже узнал Святослава, но ни один мускул не дрогнул на его скуластом бронзовом лице, только в глазах на миг вспыхнули и тотчас же погасли недобрые волчьи огоньки.

Когда вошли во дворец, Сартак сказал:

— Уважаемые послы, мы не станем сегодня говорить о деле. Вы гости хана великой Золотой Орды...

Орусуты поклонились, выражая тем самым согласие с волей хана.

Сартак повернул голову в сторону человека с суровым, мрачным лицом:

— Я думаю, мой главный визирь не против?

Тот кивнул. Это был знаменитый Саук, выполнявший обязанности визиря еще у Бату-хана. Ему давно перевалило за шестьдесят, и некогда гладкое, круглое лицо избороздили морщины. Он был самым старым из потомков великого Чингиз-хана и потому имел особое влияние на дела Золотой Орды. Во время похода монголов на орусутские земли отец Саука — Кулкан возглавлял отдельное войско. Его тумены овладели городом Коломной, но во время битвы он погиб от орусутской стрелы.

По обычаю чингизидов, если при осаде города погибал кто-нибудь из их рода, должна была свершиться страшная месть. И здесь они не отступили от своего правила. Все жители Коломны, от грудных детей до древних стариков, были вырезаны.

Желание продолжать мстить за отца руководило всю жизнь поступками Саука. И, с тех пор как он стал главным визирем Бату, Саук постоянно твердил хану о необходимости разговаривать с орусутами только языком кривых монгольских сабель. «Бахадуры, пока они в ссоре, — не объединятся. Разграбленное тобою государство никогда не станет тебе другом. Дружбу ищут до тех пор, пока чувствуют силу. Если не хочешь, чтобы они выступили против тебя, — увеличь еще больше свою мощь, будь жесток и безжалостен», — не уставал повторять Саук.

Для орусутских гостей забили молодую кобылицу, принесли вино и кожаные мешки — сабы, полные свежего пенящегося кумыса. Известный кипчакский тайши — сказитель Сулунгут, подыгрывая себе на домбре, поведал собравшимся историю жизни великого Чингиз-хана.

Гортанным, хриплым голосом он пел о Торган Шире, который спас молодого Чингиз-хана, когда люди из рода тайжигут хотели убить его. И о том, как простой монгол Темуджин, сделавшийся великим Чингиз-ханом, подарил тому земли меркитов, протянувшиеся от монгольских степей до реки Селенги, и дал звание дархана, разрешив носить кольчугу ¹⁸ и перья орла на головном уборе ¹⁹.

Велика была щедрость Потрясателя вселенной, и потому он даровал Торган Шире девять прощений за будущие проступки.

Сказитель бил по струнам домбры, и глаза его сверкали вдохновением и верой. Для орусутских послов рассказывал он жизнь Чингиз-хана, прадеда Сартака, рассказывал, как Потрясатель вселенной умел за добро платить добром.

О покорности и преданности великому Чингиз-хану всех племен и народов говорил сказитель, повествуя о клятве, которую дали нойоны Алтай, Кучир и Сечей-беки, когда тот взошел на золотой трон:

— Если на врага пойдем—приведем
Во дворец к тебе девушек самых красивых
И жен его приведем прелестных,
Аргамаков отборных, тонкошеих,
Самых быстрых в степи.
Если на охоту поедем, то, весь мир обойдя,
Для тебя мы добудем и к седлу приторочим
Зверей самых ярких, соболей со шкурами черными.
Если же нарушим мы клятву свою,
Нас, рабов своих неблагодарных,

¹⁸ Воины Чингиз-хана не носили ни кольчуг, ни панцирей.

¹⁹ Перья орла на головном уборе считались признаком власти

Оставь у погасшего очага,
Разлучи с любимыми женами и детьми.

Закончив петь, сказитель обвел всех взглядом, полным торжества и достоинства. Своим видом он словно давал совет орусутским послам быть честными и преданными Сартак-хану, потомку великого Чингиза, так же как были преданы люди, жившие много десятилетий назад.

Это поняли все собравшиеся.

И если Саук мысленно одобрил слова, произнесенные сказителем, то Святослав помрачнел еще больше. Не по душе ему был этот прием, невыносимым казался сам воздух ханской ставки. Едва скрывая ненависть, смотрел Святослав на людей, одетых в шубы из волчьих и бобровых шкур, в лисьи малахай, с лоснящимися от жира лицами. Чванливо, высокомерно вели себя монголы, одетые в дорогие меха, увешанные оружием, украшенные золотом. Все это было отобрано у тех, кто пух сейчас от голода в курных избах, стонал под непосильным ярмом на истерзанной русской земле.

Еда не лезла в горло Святославу, не пьянел он и от вина и кумыса.

Его состояние заметил не только Сартак, но и остроглазый Саук. «Насколько я ненавижу орусутов, настолько и они ненавидят нас, — подумал он вдруг с необъяснимой тревогой. — Придет, видимо, время, когда дороги наши пересекутся...»

Пир по случаю прибытия орусутов заканчивался. И снова взял в руки домбру кипчакский сказитель Сулунгут, чтобы пропеть то, что ответил Чингиз-хан на клятву преданных нойонов:

— Добычу, отнятую вами у врага,
Не несите мне, а себе возьмите.
Соболей и волков, добытых на охоте,
Не отдавайте мне. Себе берите.

Наступила полночь. Торгоуты — стражники, охранявшие днем, уступили место коптегулам — воинам, стерегущим покой ханской семьи ночью. И до первых лучей солнца ничто живое не смело приблизиться к дворцу. Сабля и стрела кэшиктэна — гвардейца лишила бы жизни всякого, кто решился ослушаться воли повелителя Золотой Орды.

Прошло сорок лет, как ушел из жизни Чингиз-хан, а потомки по-прежнему свято следовали его наставлениям. Для охраны дворца и соблюдения порядка в Орде был создан специальный тумен кэшиктэнов — гвардейцев. Чингиз-хан учил: «Раньше в нашем подчинении было восемьсот коптегулов и семьсот торгоутов. Мы повелели образовать тумен кэшиктэнов. Стать гвардейцем может сын нойона и предводителя тысячи, сын сотника и десятника, и любой простой воин из народа. Для этого он должен хорошо знать военное дело и быть пригож лицом. Сын предводителя тысячи обязан привести с собою десять товарищей и младшего брата, сын сотника — пять товарищей и брата, сын десятника или простого человека — по три товарища и по брату. Каждый, желающий стать кэшиктэном, должен получить на прежней службе коня и оружие. Никто не смеет препятствовать воинам вступать в ряды кэшиктэнов».

Большие обязанности брал на себя каждый, кто становился гвардейцем Чингиз-хана, но и привилегии ему давались огромные. Потрясатель вселенной учил:

«Никто не имеет права сидеть выше кэшиктэна. Никто не имеет права, проходя мимо него, не назвать своего имени. В дом или шатер, охраняемый кэшиктэном, никто не смеет входить без его разрешения. Проходя мимо, запрещается разговаривать с ним о чем бы то ни было. Запрещается спрашивать гвардейца о количестве людей в том месте, где он несет охрану. Человек, расхаживающий без разрешения кэшиктэна, может быть задержан им и даже убит при неповиновении. Простые нойоны и тысячники обязаны сидеть на почтительном расстоянии от рядового гвардейца».

Опорой Орды Чингиз-хана было всегда войско, а лучшими в нем, самыми преданными были кэшиктэны. Они служили хану надежной дубинкой в борьбе с внешними и внутренними врагами.

«Мои потомки, которые после меня займут трон, и потомки их потомков, если хотят воздвигнуть мне золотой памятник, пусть берегут как собственные глаза кэшиктэнов, ибо

всегда больше собственной жизни берегли они меня», — говорил Чингиз-хан.

Когда Бату стал ханом Золотой Орды, он поступил так, как завещал великий дед. Преданные гвардейцы окружили его трон. Только назывались они не кэшиктэнами, а туленгитами.

Орусутских послов, уставших от долгой дороги и от устроенного в их честь Сартаком пира, отвели в покои. У двери в комнату, где предстояло спать Данилу, встал туленгит с обнаженной саблей. Боярин разделся, собираясь было лечь в постель, расстеленную на громадной шкуре тигра, как открылась дверь и с факелом в руке вошел советник Сартака ромей Койак. Отблески пламени заметались по коврам, которыми были увешаны стены комнаты, и их причудливые узоры заиграли таинственным светом, то наливаясь красками, то тускнея.

Ромей молча поклонился.

Данил выжидающе смотрел на вошедшего, ждал, что скажет Койак.

— Сейчас по велению великого хана для вас приведут девушку.

Боярин удивленно поднял голову.

— Девушку?

— По древнему монгольскому обычаю, если прибыл уважаемый гость, всегда поступают так...

— Но ведь христианская вера запрещает это. Разве великий хан Сартак не христианин?

Тонкие губы ромея тронула чуть заметная улыбка, но он тотчас же спрятал лицо в тень.

— Нет, — сказал он. — Хан — монгол...

Откуда было знать боярину, что Сартак, приняв христианскую веру, по-прежнему придерживался монгольских обычаев? Всякое было намешано в новом хане Золотой Орды. В нем сочетались и глубокая преданность языческим заветам Чингиз-хана, и хорошее знание правил и догм христианства. В своих делах и поступках он не всегда руководствовался ими...

Данил хотел подробнее расспросить Койака о хане, но ромей уже исчез, и тихонько стукнула закрывшаяся за ним дверь.

Вскоре туленгит огромного роста втолкнул в комнату девочку лет двенадцати-тринадцати — нежную, как шелк, и красивую, как цветок.

Согласно порядку, установленному еще Чингиз-ханом, дворцовая стража несла не только военную службу. В обязанность туленгитов входило проведение различных празднеств в Орде и даже снабжение продовольствием ханской ставки. Судьба мужчин и женщин, состоящих при дворце, кроме ханских родственников, находилась в их руках. Вот поэтому-то, получив от Сартака приказ, начальник стражи по своему усмотрению распорядился единственной дочерью вдовы, которая работала на ханской кухне.

Втолкнув девочку, туленгит, прижав руку к груди, молча поклонился боярину и исчез за дверью.

Девочка была удивительно красивой. Тонкая, как весенняя травинка, белолицая, с огромными, как у верблюдонка, глазами, с косами, черными словно ночь. Глаза, полные слез, со страхом смотрели на боярина.

Данил тихо подошел к ней и опустил руку на спину. Худенькое тельце девочки задрожало. Она закрыла лицо руками и громко заплакала.

Ласково подталкивая девочку, боярин подвел ее к двери.

— Не бойся. Я не трону тебя, — с трудом подбирая кипчакские слова, сказал он.

Но девочка, видимо, не услышала его. Она по-прежнему продолжала рыдать.

Данил открыл дверь и сказал туленгиту:

— Пусть идет к себе. Мне не нужна женщина.

И на следующий день хан Сартак не стал вести переговоры. Ему хотелось показать орусутским послам своего быстрого иноходца, свору гончих и похвастаться меткими воинами-стрелками. Поэтому он затеял охоту.

Орусутов подняли на рассвете. Зима в этом году выдалась суровая, снежная, и, казалось, со всей кипчакской степи собрались к ханским табунам волчьи стаи.

Специально выделенные для охраны табунов воины ничего не могли поделать с хищниками. Снег проваливался под копытами коней, и волки успевали уйти от погони. Только стремительные и легкие гончие да искусные стрелки могли помочь справиться с серыми

разбойниками.

Поздно вечером вернулись в Орду усталые охотники. Удача сопутствовала им — добыча была большой. Договорившись с ханом, что переговоры начнутся утром, орусутские послы разошлись по отведенным для них покоем.

Едва Данил лег в постель, как вчерашний туленгит вновь привел в его комнату девочку с глазами верблюжонка.

Она не плакала, как вчера, только тревожно и боязливо оглядывалась на дверь. Боярин понял — девочка хочет что-то сказать. Он жестами позвал ее к себе.

Преодолевая страх перед орусutom, девочка на цыпочках приблизилась к нему, наклонилась к самому его лицу и горячо зашептала:

— Не пей рашия — вино, которое подадут тебе завтра.

Данил понял только «рашия — вино». Он знал — так называется вино, которое обычно пьют монгольские ханы. Сердце вдруг подсказало — девочка предостерегает его. Боярин похолодел от недоброго предчувствия.

— Что ты сказала? Повтори...

Девочка удивилась, что орусут не понимает ее языка. Глаза ее потемнели от отчаяния, но вдруг в них сверкнула искорка, и она вновь зашептала, сопровождая слова жестами:

— Завтра тебя угостят вином — рашия, — девочка ткнула в грудь боярина пальцем. — А ты не пей. — Она замотала головой и показала, как отталкивает руками чашу. — Если выпьешь... — девочка поднесла сложенные ладони ко рту, словно собиралась пить напиток. — Умрешь! Погибнешь... — девочка изобразила умирающего человека.

Данил понял.

— Вино-рашия... — повторил он, пристально вглядываясь в взволнованное лицо девочки.

— Да! Да!

Боярин благодарно улыбнулся.

— Спасибо... — и погладил ее по голове. — А теперь иди... — Данил показал рукой на дверь.

Девочка проворно и неслышно бросилась к выходу.

В судьбах людей и даже целых народов заметное место всегда отводилось вину. История знает примеры, когда государство из-за того, что его подданные слишком любили вино, превращалось в прах и навсегда исчезало с лица земли. Могущественные страны, завоеывая земли более слабых соседей, вместе с насилием, творимым оружием, кроме обычной жестокости, несли вино. Захватчики, не добившись желаемого оружием, подчиняли себе людей религией, обычаями и опять же вином. Страшным бедствием для народов, у которых еще не сложилась государственность, было вино. Это хорошо понимал Чингиз-хан. Он знал: чтобы победить врага, мало иметь железную дисциплину. Помимо этого должна быть другая сила, которая бы подогревала, туманила ум и чувства воинов его многонациональной Орды. Поэтому Потрясатель вселенной разрешал грабить, насиловать женщин и пьянствовать. Он и сам любил вино и, употребляя его, часто не знал меры. Однажды, когда многодневная пьяная оргия в ставке едва не кончилась гибелью хана, его советник Шиги Хутуг с горечью сказал:

— О великий хан, я не знал раньше, что есть на свете сила, которая стоит выше тебя...

Чингиз-хан, уязвленный словами советника, снял с головы борик, положил его на трон и низко склонился перед ним.

— Выше меня только моя шапка, — сказал он высокомерно.

— Нет, — возразил Шиги Хутуг, — выше тебя вино.

Может быть, этот разговор, а быть может, и дальнейшие события вдруг изменили образ жизни Чингиз-хана. Он стал воздержан к вину и жестоко карал тех, кто поступал иначе.

После победы Угедэя и Джагатая над хорезмшахом Мухаммедом их войско едва не погибло. Захватив столицу Хорезма и отыскав дворцовые винные подвалы, монгольские воины ударились в пьянство. Сыновья Чингиз-хана, их нойоны, рядовые воины пили неделю, две, пили до потери сознания. Одуревших от вина монголов целыми сотнями вырезали уцелевшие жители Хорезма.

Узнав об этом, Чингиз-хан впал в ярость. Он отправил в Хорезм специальный отряд,

который с помощью китайского порошка, состоящего из измельченной серы и хлопка ²⁰, взорвал винные подвалы шаха.

Так было спасено монгольское войско.

Историки утверждают, что Чингиз-хан разгневался на своих сыновей за то, что они присвоили себе всю добычу. Но дело, видимо, не только в этом. Потрясателя вселенной напугало то, что дети его, предавшись пьянству, не смогли догнать и полностью уничтожить разгромленное войско хорезмшаха. Именно после этого события он велел записать свои слова:

«Пьяный человек глух и слеп, в нем нет ума и понятия. Его знания и талант ничего не стоят. Он ничего не добьется, кроме позора. Правитель, склонный к пьянству, не способен на великие деяния. Предводитель войска, отуманенный вином, не может вести воинов. Пьяный нойон не поймет, куда послал стрелу и попал ли в цель.

Если невозможно не пить, то самое большое надо ублажать себя три раза в месяц. Хорошо пить один раз. Еще лучше не пить совсем. Но трудно встретить непьющих...»

Потомки Потрясателя вселенной старались по мере сил выпонять его наказ, но не запрещали пить народам завоеванных и зависимых государств. Наоборот, чтобы ослабить их ум и чувства, всячески поощряли употребление вина.

Во времена хана Гуюка был такой эпизод. Хан спросил имама Нуриддина Хорезми:

— Вино помогает отдохнуть уставшему, уменьшает горе несчастного, поднимает настроение и дух. Оно готовится из чистых зерен проса и пшеницы, сладких виноградных ягод. И если пророк Мухаммед действительно любит людей и думает о том, чтобы они были счастливыми, то почему он запрещает пить своим последователям?

И Нуриддин Хорезми ответил:

— Давным-давно один из последователей пророка-сахиба, устав от долгого пути, решил остановиться на отдых у одинокой женщины. Молодая вдова не пустила его в дом. Она сказала: «Если хочешь заночевать у меня, то выполни одно из трех условий. Или переспи со мной, или убей моего пятилетнего сына, или выпей чашу виноградного вина».

Последователь пророка подумал: «Пересплю с женщиной — впаду в грех, убью безвинного ребенка — совершу преступление. Выпью-ка чашу вина, и будет мне от этого улада в жизни и радость».

Он пообещал женщине выполнить последнее ее условие. Женщина пустила его в дом. Но когда последователь пророка выпил вино и опьянел, он залез в постель женщины и убил ее ребенка. Что не сделает пьяный?

С той поры Мухаммед, любя людей, запретил мусульманам пить вино.

Вот так это было.

* * *

Утром следующего дня в Орде начались переговоры с орусутскими послами. Учитывая тяжелое положение Новгородского княжества, хан Сартак согласился в течение двух лет не брать с орусутов шулен ²¹, яман ²² и ундан ²³, а также сбор с урожая — авариз. От податей освобождались также другие князья, поддерживающие Александра Невского.

О том, окажет ли Золотая Орда помощь князю, если немцы пойдут на Новгород, Сартак ничего определенного не сказал.

На то были свои причины. Неодобрительно смотрели на его отношения с орусутами старейшины Чингизова рода. Приходилось остерегаться и Ногая, и Саука, и Бахадура, и Менгу,

²⁰ Китайский порох.

²¹ Шулен — подать с поголовья скота.

²² Яман — подать с воды, которая взималась согласно количеству людей и скота.

²³ Ундан — подать на содержание ямщиков.

и Темира. Те считали, что Орда не должна оказывать помощь тем, кто еще вчера был ее врагом.

С окончательным решением о помощи орусутам можно было не спешить. Если же немецкие рыцари двинутся на Новгород, тогда проще будет убедить несогласных в необходимости объединения с орусутскими князьями. Покорив новгородцев, немцы могут оказаться лицом к лицу с Золотой Ордой, а враг это сильный и его интересы, без всякого сомнения, столкнутся с интересами монголов. Этот довод хан Сартак решил приберечь на будущее, на случай борьбы со своими противниками.

Ему приходилось думать о завтрашнем дне Орды. Ханство по-прежнему казалось сильным и крепким, но уже отошли от него Кавказ и Азербайджан, и правил этими землями другой отпрыск Чингиз-хана — Кулагу. Сартак знал — много есть желающих прибрать к рукам Крым и Хорасан. Что будет, как сложатся дела через пять, десять, двадцать лет? Золотая Орда не должна отказываться от союза с орусутскими северными княжествами. Может случиться так, что для борьбы с внутренними врагами потребуется их помощь.

На переговорах с орусутами Сартак заметил, что не только Саук и Бахадур против его союза с Новгородом. Не по душе это и Святославу, но старый воин делал все, чтобы не выдать себя. Его нетрудно было понять. Мог ли человек, видевший, какое страшное разорение принесли монголы его земле, искать с ними союза? Только великая нужда толкала орусутов на это — у границ стояли немецкие рыцари и выбирать приходилось из двух зол.

От верных людей хан Сартак знал, что в Новгороде Святослав пользуется большим уважением у простого люда и имеет влияние на князя Александра.

Сартака это тревожило.

Великий Чингиз-хан учил: «Если у тебя есть подозрение, что завтра твой враг станет другом, а друг — врагом, то откажись от них, пока друг является другом, а враг — врагом».

Мудрая мысль. Но прадед был единым правителем всех покоренных земель, и ему не приходилось бояться близких, которые сегодня готовы в любой момент перерезать горло или насыпать в чашу яда.

После переговоров в честь отъезжающих послов был устроен пир. В комнатах дворца поставили низкие круговые столы, уставили их всем тем, чем могла похвалиться Золотая Орда. На деревянных блюдах дымились горы мяса, пенились в ковшах кумыс и торосун — монгольское вино, в серебряных чашах подали вино и рашию.

На почетном месте, по правую руку от хана, сидел его главный советник Саук, слева — боярин Данил.

По традиции, установленной еще Чингиз-ханом, дворцовый бакаул приблизился к Сартаку и попробовал кусочек мяса с поданного тому блюда, затем отпил из его чаши глоток вина. Хан должен был быть уверен, что его еда и питье не отравлены.

Сартак первым поднял золотую чашу и выпил ее до дна. То же самое сделала и его свита. Только орусутские послы, не пригубив своих чаш, поставили их на стол.

Хан удивился. Еще вчера орусуты с удовольствием пили вино, пили много и не пьянели, а сегодня... Чего-то остерегаются? Или не пьют оттого, что бакаул попробовал вино только из его чаши? Но точно так же было и в прежние дни... Значит, есть какая-то причина. Плохо, когда не доверяют хозяину гости.

— Что случилось? — нахмурившись, спросил Сартак. — Почему гости не захотели отведать нашего вина?

Хан смотрел на боярина Данила. Тот не успел ответить. Святослав медленно поднял свою чашу и осторожно, чтобы не расплескать вино, поставил ее перед Сауком.

Визирь, по обычаю монгольских воинов предпочитавший пить бузу торосун, понял, чего хочет орусутский воин. Он неторопливо взял чашу.

У Сартака мелькнула мысль, что орусут рассчитал верно. Если вино отравлено, то это вполне мог сделать Саук. Визирь не скрывал неприязни к новгородцам.

Но Саук, не дрогнув лицом, поднял чашу.

— С юности я приучен к монгольскому напитку — торосуну, а к кипчакскому вину никогда не лежала душа, — сказал он. — Но если так хочет гость... — визирь поднес чашу к губам.

Хан вдруг быстро протянул руку.

— Подождите... Мы знаем, что вы не пьете рашию... — Глаза Сартака заметались по лицам собравшихся. Нет, видимо, Саук ни в чем не виноват, коль так смело взял чашу... Можно было бы приказать вообще убрать со стола вино, но если оно даже не отравлено, то это даст повод новгородцам думать, что они не ошиблись в своих подозрениях и в вине был яд. А самое главное — подозрение в коварстве падет на самого хана.

Если бы Сартак видел в этот миг лицо своего бакаула, то все бы понял. Белее снега тот замер за его спиной.

Глаза хана остановились на туленгите, стоящем на страже у входа. Он поманил его рукой.

— Подойди сюда. Выпей. — Сартак указал глазами на чашу.

Оробевший воин, счастливый тем, что принимает милость из ханских рук, осторожно, двумя руками, взял чашу и приник к ней.

Никто в Орде не смел нарушить приказ хана, но туленгит вдруг перестал пить. Лицо его сделалось растерянным.

— Великий хан, — сказал он. — Разрешите не пить дальше, ведь я мусульманин и... — туленгит не закончил фразу. Лицо его перекосила гримаса боли, чаша выпала из задрожавших рук, и он, неловко завалившись на бок, рухнул на пол.

Звнящая тишина повисла в ханских покоях. Сотни глаз смотрели сейчас на Сартака, ожидая, как он поступит и что скажет. Ноздри хана подрагивали, глаза сузились, рука, чтобы скрыть дрожь, потянулась к кинжалу.

Сартак не проронил ни слова. Резко поднявшись из-за стола, он вышел из зала. Хану было теперь ясно, что кто-то хочет поссорить его с новгородцами. Видимо, не один он помнил, как много лет назад Турокин-хатун — мать хана Гуюка — отравила в Каракоруме отца Александра князя Ярослава. Именно тогда отшатнулись от Гуюка и Александр, и его брат Андрей и пришли к Бату-хану.

Кто-то обо всем этом помнил и хотел повторить то, что однажды уже было. Но кто?

По приказу хана была проверена вся дворцовая стража, все, кто так или иначе мог иметь доступ к сосудам с вином. Поиски были напрасными. Молчали, страшась за свои жизни, девочка Кундуз и ее мать, видевшая, как дворцовый бакаул влил в вино сок ядовитого цветка — кучелябы.

Два вопроса мучили Сартака — кто отравил вино и кто предупредил об этом орусотов? Выходит, нет единства в Орде, и даже во дворце есть такие, кто может в любой момент пожелать его смерти. «Неужели в случившемся замешан Саук? Он не любит орусотов, но едва ли хочет мне зла? Если бы он знал, что вино отравлено, Саук не решился бы его пить. Визирь хитер как лиса и потому нашел бы уловку, придумал повод, чтобы отказаться от роковой чаши...»

Молодой туленгит, отведавший вина, пролежал день и ночь без сознания. Дворцовый лекарь, вливавший ему в рот настои трав и молоко, сказал: «Его счастье, что он выпил так мало. Конец его был близок». Значит, где-то есть злобный и коварный враг. А здесь, в Орде, затаился и ждет своего часа человек, который в нужный момент исполнит его волю. У того, кто садится на трон Золотой Орды, всегда были враги. Сильна, богата Орда, и для завистника это лакомый кусок.

Сартак долго думал и решил, что единственный, кто мог бы надеяться занять его место, — это хан Берке. Возможно, ниточка заговора тянется к нему. Но в Орде как будто нет его людей, разве что бакаул, который когда-то бежал от него, но он ненавидит Берке, да и за годы, что живет при дворе, много раз имел возможность отравить хана.

Настораживало то, что Берке тоже давно поддерживал хорошие отношения с князем Александром. Ему выгодно была ссора Орды с орусутами.

* * *

С наступлением весны хан Сартак вместе со своими приближенными покинул город Сарай и откочевал на джайлау. А когда подсохла земля и реки вернулись в берега, Сартак отправился в Каракорум, чтобы приветствовать великого хана Менгу и посоветоваться с ним о делах Золотой Орды.

Как было заведено исстари, проезжая через улусы, которыми управляли потомки великого Чингиз-хана, посещал их ставки. Не захотел он увидеть только Берке. В душе хана неприязнь сменилась ненавистью к брату отца, а подозрения превратились в уверенность.

Узнав, что Сартак миновал его владения, разгневанный Берке с сотней нукеров догнал караван хана Золотой Орды у переправы через Яик.

— Из потомков Джучи в Орде я самый страшный! — сказал он, едва скрывая ярость. — Почему же ты позоришь меня перед другими, почему не заехал ко мне, чтобы посоветоваться про то, о чем будешь говорить с великим ханом Менгу в Каракоруме?

Сартак в упор посмотрел на Берке.

— Действительно, вы старший среди потомков Джучи... Но вы мусльманин, а я христианин... Было бы великим грехом смотреть в лицо такого мусульманина, как вы...

— Вот как! — Берке передернулся от ненависти. — Тогда прощай!

Он поднял к небу указательный палец, и на нем ярко блеснул перстень с крупным бриллиантом. Бакаул Сартака в страхе закрыл глаза ладонью.

— Прощай! — с угрозой повторил Берке и вскочил на иноходца, которого подвел к нему нукер.

Сартак не ответил. Он долго смотрел вслед Берке, пока его отряд не исчез в дрожащем степном мареве.

В этот же день караван хана и сопровождающая его тысяча отважных туленгитов переправились через Яик, и Сартак повернул своего коня в иртышские степи.

Через два дня они достигли берегов Иргиза и решили остановиться на дневку. Сартаку сделалось плохо, начался кровавый понос. Хан пожалел, что не взял с собой лекаря. С каждым часом ему становилось все хуже и хуже. Спустя двое суток, не приходя в сознание, хан Золотой Орды христианин Сартак скончался.

Хан Берке, вернувшийся после встречи с Сартаком в свою ставку, был мрачнее тучи. Сойдя с коня и бросив повод нукеру, он вошел в свой шатер, расстегнул украшенный золотом и дорогими камнями пояс, накиннул его на шею в знак печали и заголосил:

— Уа! Аллах! Если вера пророка Мухаммеда справедлива, то пусть твой гнев и твоя месть падут на голову неверного Сартака, порочащего ее!..

Хан выкрикивал проклятия долго и громко, так, чтобы люди, бывшие вблизи ставки, могли его слышать.

Аллах как будто не спешил исполнять его желание. Прошел день, второй, третий... И вот на рассвете через ставку пронесся на коне гонец, держа в руке черное знамя. Он кричал:

— Люди! Скончался хан Золотой Орды Сартак! Горе нам!...

Мусульмане, слышавшие причитания Берке, говорили между собой:

— Наш шах истинный приверженец веры. Аллах услышал его и покарал Сартака. Свершилось возмездие!

Берке отныне был твердо уверен, что пришло его время сесть на трон Золотой Орды, но великий хан Каракорума Менгу вновь обошел его и сделал ханом младшего сына Бату — Улакши.

Не прошло и полгода, как на одном из пиров юный хан скончался, выпив отравленное вино.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

III

Бывший бакаул хана Сартака Сары-Буги стоял на обрывистом берегу Итиля. Глубоко внизу, величественная и спокойная, катила, свивала в тугие жгуты свои волны река. Под синим небом, насколько хватал глаз, лежала степь в ярких цветах. От прохладного ветра клонились к земле высокие ковыли. Стремительные, как черные молнии, ласточки то взмывали в бездонную синь неба, то падали к самой воде. Сары-Буги неотрывно смотрел на волны великого Итиля. Душа его ликовала, но, глядя на неподвижную фигуру монгола, никто бы не угадал, какая буря

чувств бушует сейчас в нем.

Неделю назад самые знатные и уважаемые люди подняли Берке на белой кошме — он стал ханом Золотой Орды. Исполнилась его давняя, заветная мечта.

Новый хан сразу же послал к Сары-Буги своего человека. Туленгит, который пришел к бакаулу, почтительно прошептал:

«Великий хан сказал, что когда-то его брат Бату в пылу ярости велел казнить бахадура Кара-Буги — храброго и верного воина Золотой Орды. Настало время успокоить его дух, и пусть для этого наша милость обратится на младшего брата погибшего, на единственного брата — Сары-Буги. Я думаю, — глаза туленгита горели завистью, — хан сделает тебя управителем аймака или назначит начальником тысячи».

Тонкие губы Сары-Буги от воспоминаний растянулись в улыбке, раскосые глаза превратились в крошечные щелки, зубы хищно осерились, и он негромко, хрипло рассмеялся.

...Бату отдал Кара-Буги на растерзание орусуту... Нет, Сары-Буги ничего не забыл — он не старая баба, выжившая из ума. Ведь это Берке предложил наказать брата тысячью ударами и говорил, что за его проступок Кара-Буги, как мусульманин, будет вечно гореть в аду. А разве тысяча ударов — это не ад? Нет, совсем не жалость проявил Берке... А как, с каким презрением смотрел тогда на брата Сартак? Разве все это можно забыть?

Больше десяти лет пришлось ждать своего часа, прежде чем наступил миг мести... Нет, не ради заслуг Кара-Буги призывает его хан. Давно забыты подвиги брата при взятии Отрара и Харманкибе... Потомки Чингиз-хана крепко помнят только плохое. Не прошлое заставляет их быть добрыми... Все слова о подвигах Кара-Буги это для туленгита, чтобы он разнес славу о доброте хана среди людей. За сегодняшние заслуги должен вознаградить Берке-хан своего верного раба. Получив Золотую Орду, земли которой не обойти и за шесть месяцев, неужели хан не сделает его управителем улуса, равного шестидневному переходу? Сделает. Потому что Сары-Буги знает великую ханскую тайну...

Лицо бывшего бакаула вдруг побледнело, улыбка исчезла с губ, а душа наполнилась страхом. Сары-Буги услышал, как дрожит земля, как над степью катится зловещий гул. Он резко повернул голову. Гул ширился, рос, и привычное ухо монгола уловило топот копыт. Глаза Сары-Буги расширились от ужаса. Из-за крутой излучины Итиля неся прямо на него бесчисленный табун лошадей.

Бывший бакаул бросился к низине, где паслись стреноженные кони и стояла его юрта. Там были его жена и два малолетних сына. Но путь оказался отрезанным. И с той стороны, вздымая до неба пыль, сотрясая воздух тревожным ржанием, катилась живая лавина. Сары-Буги успел заметить, как мчится впереди табуна темно-чубарый жеребец Берке, никогда не знавший ни узды, ни волосяного аркана и легко справлявшийся с любым волком...

Спасая уже себя одного, Сары-Буги снова побежал к обрыву, но бешено мчавшиеся кони были близко и спасения не было. Монгол упал на колени, закрыл лицо ладонями...

Широкогрудый, длинногривый жеребец Берке ударил его железными копытами. Тело Сары-Буги покатилося под ноги табуна...

На том месте, где еще недавно стоял монгол, словно две реки встретились два полудиких табуна лошадей, принадлежавших хану Берке. И не было им числа. Сшибая грудью, кусая друг друга, яростно ржали жеребцы. Всхрапывали кобылицы, жалобные голоса потерявшихся жеребят летели над степью.

Потом оба табуна успокоились и бесконечным потоком медленно потекли на запад. Движение их было долгим. Только перед заходом солнца встретились табунщики. Они спешились, поздоровались, обнялись.

Земля, где промчались табуны, превратилась в пыль, и ничто не напоминало, что еще недавно здесь стояла юрта и жили люди.

Только главный ханский табунщик Салимгирей заметил то, на что другие не обратили внимания. В тот миг, когда лошади, подобно живой лавине, вырвались из-за излучины Итиля, ему показалось, что на высоком речном обрыве промелькнула крошечная фигурка человека.

Он никому не стал рассказывать об этом, но утром поехал на обрыв. Салимгерей не подвели его острые орлиные глаза. На том месте, где вчера ему померещился человек, на разбитой в прах земле табунщик увидел небольшой кинжал. Спрыгнув с коня, он поднял его.

Ничего не смогли сделать копыта диких лошадей с прекрасной дамаской сталью и с рукоятью, усыпанной мелкими алмазами.

Салимгерей вдруг начал догадываться, почему Берке-хан велел прогнать по самому берегу Итиля свои не знавшие счета косяки.

Любуясь яркой игрой камней, украшающих рукоять кинжала, он невесело подумал: «Видно, боялся тебя Берке-хан, если решил растоптать твоего хозяина своими табунами. Хитер хан, коварен, жесток, если задумал для неугодного ему человека такую смерть. Недаром говорят — хан всегда умнее сорока мудрецов».

Через несколько дней Салимгерей преподнес кинжал Берке-хану. «Вещь дорогая, достойная только ханов, — сказал он. — Я нашел его на берегу Итиля, там, где прошли табуны...»

Хан, сощутив раскосые глаза, пристально посмотрел на табунщика. Он узнал свой кинжал, который много лет назад вложил в руки Сары-Буги и объяснил, зачем он может понадобиться. Значит, бакаула больше нет. Ушла вместе с ним и тайна Берке. Навсегда. Для всех. Велик аллах! На все его воля!

Хан поблагодарил табунщика за дорогой подарок, а потом позвал визиря и велел ему назначить Салимгеря сотником.

* * *

Сделавшись ханом Золотой Орды, Берке не стал переезжать в город Сарай, во дворец Бату-хана. Ставка его по-прежнему оставалась на земле принадлежавшего ему аймака, в небольшом городке Актюбе, что находился в девяти фарсах²⁴ от Сарыкума. Но, подражая основателю Золотой Орды, хан велел называть свою ставку тоже Сараем, хотя официальной столицей Орды оставался по-прежнему Сарай-Бату. Одним из первых его деяний после вступления на престол был приказ воздвигнуть мечеть с золочеными минаретами.

Как и Бату, Берке не выделялся крупным телосложением — он был среднего роста, сухощав и подвижен.

Подобно большинству потомков Чингиз-хана, он унаследовал от деда злобу, зависть, жестокость и смелость в решениях. И так же как его великий предок, умел скрывать свои чувства и замыслы. В отличие от своего брата Бату, Берке никогда не мстил в открытую, предпочитая вершить дела чужими руками, оставаясь в тени.

По его наущению Менгу в год, когда стал повелителем великого монгольского ханства в Каракоруме, в одну ночь приказал вырезать семьдесят пять человек из монгольской знати вместе со старшим сыном Джагатая — Бори. Никто не знал, какую роль в этом сыграл Берке, опасавшийся растущего влияния потомков Угедэя и Джагатая.

Берке считал, что действовать открыто еще не пришло время. Да и зачем? Недаром говорят, что если аллах захочет услышать, то услышит даже шепот.

Далеко шли коварные замыслы Берке. Он только выжидал удобного случая, чтобы уничтожить всех потомков Угедэя и Джагатая, навсегда отрубить эти две громадные ветви на древе Чингизова рода.

Но все замыслы в свое время перепутал Бату-хан. Отправляясь в поход на орусутские и другие лежащие к западу земли, он взял с собою молодого Алгуя, рожденного от среднего сына Джагатая — Байдара и восемнадцатилетнего Кайду, рожденного от сына Угедэя — Хаши.

Особенно ненавидел и боялся Берке отважного и дерзкого Алгуя, в котором угадывал в будущем своего главного соперника. Он жаждал его смерти, но страх стать врагом Бату-хана заставлял откладывать исполнение задуманного.

Берке всегда пользовался уважением великого хана Менгу. Однажды по его просьбе хан даже открытие курултая велел начать с мусульманской молитвы. Это был знак большого доверия по отношению к родственнику, потому что сам Менгу не придерживался никакой веры, поклоняясь только тому, чему поклонялся его предок Чингиз-хан.

²⁴ Фарсах — мера длины, равная шести километрам.

Осторожность Берке, его хитрость позволяли ему всегда быть одним из первых среди потомков Потрясателя вселенной. Он неплохо показал себя при взятии Хорезма и подчинении кипчакских степей, в походах на оруситов. Он никогда не бросался в битву во главе своих туменов, но и не оставался позади. Никто не видел на его лице страха. Правда, он не был известен среди монголов своими подвигами так, как был известен Ногай, но порученным ему войском всегда руководил разумно.

И вот теперь, когда Берке перевалило за пятьдесят, он наконец сел на трон Золотой Орды. Осуществилось давнее, заветное. Казалось, что все было продумано много раз, и все-таки... С чего следовало начать? Давно известно — одно дело сесть на трон, а другое — править.

Сидеть на троне Золотой Орды равносильно тому, что сидеть на спине дракона. Чуть оказался неловок, неосмотрителен — и он сбросит на землю, а хищная пасть тут же проглотит недавнего своего повелителя.

От одного корня были рождены Бату и Берке, но тем не менее они мало походили друг на друга. Если первый был подобен орлу, то второй больше напоминал ястреба. И полетом они отличались, и добычу могли взять каждый только свою. Бату умел покорять другие народы, Берке же мечтал только о том, чтобы удержать их в повиновении. Он словно чувствовал, что стоит ему лишь развести в стороны руки, чтобы схватить, добавить что-нибудь к владениям Золотой Орды, как посыплется, начнет разваливаться то, что пока еще он крепко держит.

Внешне казалось, что все осталось точно так же, как было при Бату-хане, — на землях Орды царил мир, а народ был покорен. Но так только казалось. То в одном месте, то в другом появлялись люди, выступавшие против порядков, установленных монгольскими ханами. И странное дело, они не оставались одинокими — отряды их сразу же росли в числе, набирали силу и мощь. Выходит, что покорность народа была обманчива. Берке хорошо понимал, как страшны для Орды подобные выступления. Однажды увиденное запоминается людям лучше, чем сто раз услышанное, поэтому с бунтовщиками он был намеренно жесток и ни один из них не мог рассчитывать на милость и пощаду хана.

Над Золотой Ордой — сильной и могучей — словно была разлита вечная тревога и ожидание близкой беды или грозы. Мало кто мог в то время почувствовать это, но каждому было видно, как беднеет с каждым годом кочевник, переставший ходить в походы и набивать переметные суммы чужим добром; каждый мог видеть как после страшного опустошения вновь поднимаются и становятся многолюдными города оруситов. Ни дань с покоренных земель, ни налоги с проходящих через Орду купеческих караванов не могли укрепить созданное Бату государство, потому что все шло лишь в казну хана и тратилось на то, чтобы сильным оставалось войско. Даже ислам со всеми своими догмами и учением о рабской покорности своим повелителям не мог сплотить нищий народ, привыкший только брать, но ничего не давать другим.

И не от благородства, но по доброй воле ограничивался Берке только данью с оруситских земель. Ему, кочевнику, непонятным и загадочным казался народ, который после того как у него отняли все, не погиб, не превратился в бродягу, а с невиданным упорством продолжал возводить города и пахать землю. Таинственной и хмурой казалась земля оруситов, пределы которой терялись где-то далеко на севере за черными лесами и непроходимыми болотами, где вязли монгольские кони. Чутье кочевника подсказывало Берке, что от непонятного следует держаться подальше — достаточно лишь совершать набеги, чтобы враг никогда не стал сильным, и ссорить между собой князей, а там все в воле Великого Неба.

После смерти Бату-хана, почувствовав слабость его преемников, зашевелились головы, потянули в сторону наследников Угедэя и Джагатая — Хорезм, Хорасан. А Азербайджан прибрал незаметно Кулагу.

Страшно становилось Берке-хану, когда он думал, что от могучей Золотой Орды могут остаться только жалкие лоскутки ее прежнего величия. Усидеть на драконе можно было только при том условии, если на каждую из голов удастся накинута новая, взамен истлевшей, узду, а поводья взять в железные руки. А руки тех, кто потянулся к землям Орды, следовало отсечь. Это сделать не просто, но иного выхода не было. Не затем он столько лет вел борьбу за трон, чтобы, получив его, оказаться ханом без власти.

Так думал Берке, стоя на склоне холма и наблюдая, как возводится новая мечеть, которая

своим великолепием и красотой должна покорять мусульман и гостей его новой столицы.

Строил ее известный мастер — ромей Коломон. Давно, еще когда доблестное войско Кулагу вступило на земли армян, попал он в плен. Берке выпросил его у родственника. Уже тогда мечтал он возвести удивительную мечеть, но Коломон не подчинился приказу. «Я христианин, — сказал он, — и не годится мне строить дом для чужого бога».

Упрям был мастер, несколько раз пытался бежать, и потому Берке велел заковать его в цепи. Только теперь, когда он стал ханом Золотой Орды, Берке вспомнил и велел привести к нему Коломона.

— Если построишь мечеть, равной которой нет во всем мусульманском мире, я дам тебе волю, — сказал хан мастеру.

— Хан говорит правду? — спросил Коломон.

— Да. Хан не повторяет дважды и не берет свои слова обратно.

Ромей, стосковавшийся по свободе, задумался.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я люблю свою веру, но волю еще больше...

Этот разговор Берке вспомнил, увидев сейчас Коломона. Ромей, обнаженный по пояс, мускулистый, бронзовый от загара, выставив вперед рыжую бороду, рассматривал чертеж, нарисованный на черной доске. Вокруг, подобно муравьям, копошились рабы, подтаскивая кирпичи и доски.

Коломон чуть повернулся, и хан увидел цепи на ногах и руках мастера. Губы Берке тронула недобрая усмешка. Что ж, пришлось поступить так, иначе проклятый гяур может вновь попытаться убежать. Ему всего сорок лет, он еще полон сил, и никто не знает, что у него на уме.

Берке стоял неподвижно, глядя на то, что делалось внизу. Лицо его было бесстрастным. Так же неподвижно и молча, не смея нарушить размышления хана, стояла за его спиной свита.

А новому хану было о чем подумать. Он знал, что строительство мечети не сохранит ему Золотую Орду, и все-таки считал, что поступает правильно. Мечеть — символ власти, а это по душе народу.

Скрытным человеком был Берке. О его планах и думах не знали даже самые близкие люди. Страшным было то, что задумал он, и поэтому никому не мог доверить хан свою тайну.

Золотая Орда — великан. Третью часть всего царства, созданного Чингиз-ханом, занимает она, а по-прежнему, как и при нем, зависит от Каракорума и каждый свой шаг обязана согласовывать с сидящим там ханом.

В свое время Потрясатель вселенной хорошо продумал внутреннее устройство монгольского царства. Он разделил его на улусы и отдал каждый из них в управление одному из своих четырех сыновей. Дальше каждый улус делился на аймаки, которыми владели сыновья его сыновей. По строжайшему завету великого кагана, аймаки должны были подчиняться улусам, а все вместе — великому хану в Каракоруме.

Давно ушел из жизни грозный Чингиз-хан, а его потомки свято выполняли установленный им порядок. Ежегодно улусы отправляли в Каракорум всю дань, собранную ими с покоренных народов, все, что удавалось захватить в походах. Только великий хан Каракорума вправе был делить добычу и решать, кому что причитается. Заручившись поддержкой курултая, он мог вообще забрать все и отдать кому-нибудь одному для подготовки нового похода.

Велик и могуществен был тот, кого поднимали на белой кошме в Каракоруме.

Третий сын Чингиза — Угедэй, став ханом, не смог совершить того, что сделал его отец. Но он сумел сохранить монгольское царство и, послав в походы отважных волчат — Бату, Гуюка, Бори, Кубылая, Кулагу, Байдара, Менгу, Кайду и Ногая, — раздвинул границы.

Когда же на трон Каракорума сел Гуюк, счастье словно отвернулось от монголов. На смену славным битвам на чужих землях пришли внутренние распри, вражда и коварство.

Ныне монгольским великим ханом считается Менгу, но он не обладает железной волей своего предка. Оттого два его брата, два волчонка младшего сына Чингиз-хана — Тули, Кубылай и Кулагу, уже показывают зубы. Первый покорил Северный Китай, второй — Иран, и не сегодня, так завтра станет Кулагу ильханом всего Ирана, а придет время, Кубылай сам себя объявит императором Китая...

Близок час, когда должно распасться великое Чингизово царство. Так не пришло ли время

и Золотой Орде стать самостоятельной? До каких пор богатства, идущие из ее земель, будут питать Каракорум? Если и дальше поступать так, то сможет ли Орда оставаться всегда сильной и могущественной?

Змея, которая не растет, не станет драконом; трон, подножье которого не укреплено золотом, рано или поздно покачнется, и им овладеет всякий, кто этого захочет.

О самостоятельности подвластной отныне ему Орды думал Берке-хан, и это была его самая тайная и самая жгучая мысль. Никому не смел он о ней рассказать, потому что знал крутой нрав Менгу.

Предстояло ждать, когда кто-нибудь из потомков Чингиз-хана отважится на это первый, а уж затем...

Зрачки раскосых глаз Берке вдруг расширились, потемнели, а желтое скуластое лицо налилось кровью. Он обернулся к свите:

— Привести сюда раба Коломона.

Один из нукеров торопливо бросился вниз по склону холма.

Ромей, подгоняемый нукером, начал неторопливо взбираться на холм. Медлительность мастера бесила хана, но внешне он сохранял спокойствие.

Коломон держался независимо. Не доходя шагов двадцать до хана, он вдруг остановился, поднял лицо.

— Берке-хан, — сказал он, — цепи мои слишком тяжелы, чтобы мне быть проворным и быстрым. Пройдет много времени, прежде чем я успею приблизиться к месту, где стоишь ты, и упаду к твоим ногам. Считаю, что я уже сделал это. Я слушаю...

Непокорный ромей никогда не называл хана «великим». За это его неоднократно секли плетью, бросали в глубокую яму — зиндан, но ничто не могло сломить мастера.

Берке молчал, темными от ярости глазами смотрел на Коломона. Ромей сказал:

— Самоубийство у христиан считается страшным грехом. Если меня поразит твой меч, я буду считать себя счастливым человеком, потому что смерть — лучший способ перестать быть рабом...

Хан не ответил на его слова, не принял дерзкого вызова. Он спросил:

— Я велел тебе выложить основание мечети из камня — почему ты ослушался меня и делаешь его из кирпича? Мечеть может развалиться...

В голубых глазах ромея мелькнули смешинки.

— Все во власти аллаха. Зачем он станет разрушать то, что воздвигнуто в его честь?..

Берке заговорил вдруг тихо, и это было признаком того, что его душит ярость.

— Мечеть, построенная ханом Золотой Орды, должна стоять вечно...

Коломон покачал головой, делая вид, что не замечает гнева Берке.

— Храмы и мечети стоят долго не потому, что их возводят по велению правителей, а потому, что строят их люди знающие. Обожженный кирпич, положенный на растворе ганча, крепче камня...

— Значит, ты не хочешь исполнить мой приказ?.. — вкрадчиво спросил хан.

— Даже глупый исполняет умный приказ, но слова глупого человека сбивают с толку самого умного, — с вызовом сказал мастер.

— Выходит ты умнее меня?

Если бы Коломон стоял рядом, ему наверняка не сносить головы, за свою дерзость. Попяtilись в страхе от хана нукеры, советники, нойоны. Они знали своего повелителя, знали то, что охваченный тихой яростью, он может ударить мечом любого, кто окажется рядом.

Хан успокоился так же быстро и неожиданно, как и впал в ярость.

Коломон улыбнулся.

— Почему ты смеешься, ромей? — спросил Берке.

— Услышав ваши проклятия, я вспомнил притчу, которую рассказывают на моей родине...

— Ну что ж, расскажи ее нам, — милостиво разрешил хан.

Ромей сощурил голубые глаза:

— Однажды козел, взобравшись на высокий обрыв, начал ругать волка. Не было таких слов, которых бы он не сказал ему. Но прошло время, и козел успокоился. Тогда заговорил

волк: «Ты потому такой смелый козел, что я не могу добраться до тебя, но все еще может перемениться...»

Берке с трудом подавил снова вспыхнувшую в нем ярость.

— Пойди к ромею, — сказал он жестко одному из нукеров, — и отруби ему голову...

И вдруг хан увидел, как побелело лицо мастера и в глазах вспыхнул страх.

Берке рассмеялся:

— Готов ли ты к смерти, ромей?

— Я готов к ней с того дня, хан, как попал в плен. Смерть — избавление от мучений, которые выпали на мою долю... Но кто достроит твою мечеть?

Берке задумался. К нему наклонился Саук:

— Великий хан, сохрани дерзкому гяуру жизнь. Мечеть стоит этого. Ее величие донесет твоё имя до потомков...

Хан поднял руку, останавливая нукера, уже занесшего над головой Коломона кривую саблю.

— В твоих глазах, ромей, я впервые увидел страх. И это хорошо... Я дарю тебе жизнь. Всыпать ему сто плетей.

Берке отвернулся и пошел прочь. Он не видел, как посветлело лицо мастера и вздох облегчения вырвался из его груди. Хан шел и думал, что ромей, наверное, потерял разум. Ведь смерть действительно была бы для него избавлением от рабства. Он христианин, так почему же последние его слова были о мечети? Мне она нужна, чтобы укрепить дух мусульман, прославить свое имя. Ромей же прекрасно знает, что я не прощу его дерзости и как только мечеть будет закончена, его все равно ждет смерть. Хан не понял мастера. Откуда было знать ему, возвращенному в дикой степи, где даже воздух был напоен запахом крови и жаждой разрушения, что есть на свете другие люди, душа которых может расцвести чудесным цветком, даже если тело стонет от боли. Ему незнакомо было состояние упоения, когда у человека появляется большая цель и он получает возможность творить, созидать...

Низко кланяясь хану, торопливо приблизился Салимгирей.

— Великий хан, — сказал он шепотом, не поднимая на Берке глаза, — Баракши-хатун с десятью нукерами-женщинами перешла Кумбель.

Хан вскинул голову. Он все еще был во власти дум о ромее. И хотя Берке без труда понял, куда направилась Баракши-хатун, он с надеждой спросил:

— Возможно, она выехала на прогулку?

Салимгирей склонился еще ниже.

— Мои люди думали так же, пока ее отряд не начал спускаться с перевала. Женщины вооружены и, наверное, держат путь в Иран, к хану Кулагу.

Баракши-хатун была вдовою Бату, матерью последних ханов Золотой Орды — Сартака и Улакши, татаркой из рода алшин и исповедовала христианство. Тихая, почти незаметная для других, но яростная вражда шла между нею и Берке. Разделяла их вера, но еще больше — борьба за власть.

После смерти Сартака по воле монгольского великого хана в Каракоруме ханом Золотой Орды стал Улакши. Ему не было еще и семнадцати лет, а поэтому, учитывая светлый ум и умение смотреть вперед, регентшей назначили Баракши-хатун.

Но когда молодой хан неожиданно умер и Берке наконец добился того, что его подняли на белой кошме, Баракши-хатун поняла — дела ее плохи. Отлично зная характер Берке, ханша ждала смерти в любую минуту, понимая, что пощады ей не будет. Монголы не прощали обид, не терпели соперников. Не однажды пожалела она, что не уговорила в свое время Бату-хана умертвить Берке. Желание отомстить за сыновей, вернуть власть над Золотой Ордой требовало действия.

Баракши-хатун послала в Иран, к хану Кулагу, верного человека. Тот, движимый ненавистью к Берке и угадывая в нем соперника и врага, согласился принять под свою защиту старую хатун.

И вот теперь Баракши-хатун бежала. Берке не был бы самим собой, если бы не предвидел такого исхода, и поэтому за ханшей велась постоянная слежка. Сообщение Салимгирея не было для него неожиданным.

— Хорошо... — сказал хан, и кожа на его лице натянулась. — Решила искать помощи у единоверца Кулагу... — Он резко повернулся к Салимгирею: — Возьми свою сотню и догони ее. Я хочу видеть ее голову...

Саук вздрогнул:

— Она вдова Саин-хана, справедливого Бату... Она твоя родственница. Как ты можешь убить ее? Пусть уходит... Какой вред может причинить тебе женщина?..

Берке не удостоил старого советника даже взглядом:

— Если я пожалею ее сегодня, то завтра она, соединившись с Кулагу, не пожалеет меня... Скачите и сделайте то, что я сказал!..

Саук промолчал. Слишком хорошо знал он хана, помнил его коварство, когда по подсказке Берке Менгу вырезал в Каракоруме почти сотню потомков Угедэя и Джагатая. Каменное сердце было у нового хана Золотой Орды, и Баракши-хатун ничего не значила для него.

Берке вдруг нарушил тягостную тишину:

— Пусть народ знает меня не только как доброго хана, строящего мечети... Пусть знает, что я строг и ради справедливости велел отрезать голову жене родного брата — великого Бату... Мы должны помнить завет Чингиз-хана: «Народ уважает своего правителя только тогда, когда боится его...»

На следующую ночь широколицый, безбровый монгол, низко склонившись перед ханом, протянул ему шелковый платок, в котором была завернута голова Баракши-хатун...

Берке, глянув на лицо мертвой, медленно пребирая четки, как истинный мусульманин, прочитал молитву и велел похоронить голову со всеми почестями, какие полагались, когда умирал кто-нибудь из ханских родственников. Еще одного врага настигла месть...

Наступило время думать о другом, иные заботы нахлынули на хана. Покачнувшуюся Золотую Орду надо было укрепить, сделать могучей и грозной, такой, какой она была при великом Бату. Берке завидовал славе брата, завидовал и пытался понять, как удавалось тому совершать все, что бы он ни задумал.

Завоевая Мавераннахр, Чингиз-хан не встретил серьезного сопротивления. Пали один за другим Самарканд и Бухара, многие крепости открывали свои ворота, даже не пытаясь бороться с монголами. Повозиться пришлось с Отраром и Сыганаком, но только город Ходжент, словно доблестный воин, грудью встал на пути дикой орды.

Когда тумены монголов достигли верховьев реки Сейхун и осадили Ходжент, эмир города Темир Мелик не открыл крепостные ворота. Это был человек богатырского сложения, со смуглым красивым лицом, дерзкий и смелый. В крепости было мало воинов, конница кочевников, присланная хорезмшахом, изменила, еще утром оставила город, но эмир верил в бесстрашие и преданность своих людей. Вместе с воинами он постоянно находился на городских стенах — стрелял из лука, метал в нападающих камни.

После нескольких попыток овладеть городом монголы прекратили штурм, дожидаясь подхода свежих сил. Это о Темир Мелике напишет через годы иранский историк Джувейни: «Темир Мелик был истинным героем. И если бы богатырь Рустем, герой поэмы „Шахнаме“, жил в эту пору, то он годился бы ему в конюхи».

Силы монголов и защитников города были неравными. И когда наступил роковой час, Темир Мелик с оставшимися в живых воинами укрылся в каменной цитадели — Хазаре. Дворец стоял на небольшом острове посредине Сейхуна. Сюда не долетали вражеские стрелы и камни с китайских метательных машин.

Обозленные неудачей, упорством ходжентцев, монголы пригнали пятьдесят тысяч пленников из Отрара, Бухары, Самарканда и велели им строить мост к острову.

Камни для насыпного моста брали в трех фарсах от реки. Нескончаемая вереница измученных, голодных и оборванных людей день и ночь двигались от горы к берегу.

Но Темир Мелик не дал монголам довести до конца задуманное. Каждую ночь двенадцать лодок доставляли его воинов к переправе, и те разрушали уже построенное. Зажигательные стрелы монголов ничего не могли поделать с лодками, укрытыми кошмами, обмазанными сырой глиной.

На острове начался голод, и тогда Темир Мелик посадил своих воинов в лодки и решил

плыть вниз по Сейхуну.

Страшным было это плавание. По обе стороны реки их преследовали конные монгольские отряды и осыпали лодки градом стрел в тех местах, где русло реки становилось узким.

Все меньше воинов оставалось у Темир Мелика, а у крепости Джент их ждало новое испытание. По приказу Джучи монголы надули воловьшью шкуру, скрепили их стволами деревьев и перегородили Сейхун крепким плавучим мостом.

Высадившись на берег, Темир Мелик с небольшим отрядом ушел в пески Кызылкумы. Но погоня продолжалась. Враги настигли израненного, истекающего кровью батыра. Их было трое, он остался один. Лежа под кустом саксаула, уже не в силах передвигаться, Темир Мелик крикнул монголам:

— Вас трое, а у меня три стрелы! Если хотите жить — поворачивайте обратно!

Пораженные его мужеством, думая, что он все равно обречен на смерть, воины, посоветовавшись, ушли.

Но Темир Мелик не погиб. Ему удалось добраться до Хорезма. По повелению Мухаммеда он возглавил войско, обороняющее Ургенч. И здесь о его мужестве рассказывали легенды.

Когда стало ясно, что Хорезм обречен, Темир Мелик вместе с сыном шаха, бесстрашным Джалал ад-дином, в сопровождении трехсот воинов ушел в Хорасан.

Так это было в те далекие годы. Ходжент, разрушенный, залитый кровью побежденных, Джучи подарил пятнадцатилетнему Берке. Вместе с братом Беркежаром он воспитывался у одной из жен Джучи — Ханикей-бегим-бекринки, принявшей мусульманство. Здесь, постоянно окруженные учеными улемами, они стали ревностными последователями ислама.

Шло время. Беркежар сделался правителем Сузака, а Берке, по совету отца оставив Ходжент своей мачехе Ханикей-бегим, ушел с ним в кипчакские степи.

И вот теперь, когда Берке стал великим ханом Золотой Орды, мысли его все чаще возвращались к Ходженту, Бухаре и Самарканду.

У Берке, мечтающего сделать Золотую Орду вновь сильной и великой, объединить все земли и народы под знаменем ислама, были свои планы. Он верил, что только ислам поможет ему свести счеты со своими противниками, такими, как Кулагу.

Задуманное нельзя было откладывать. Но с чего начать? Основное войско Орды состояло из кипчаков, татар, болгар, гузов, аланов и из других кочевых племен, завоеванных монголами. Эти кочевые народы трудно было причислить к истинным мусульманам. Они не имели ни мечетей, ни медресе. Среди них мало было людей, которые бы, как требовал того ислам, пять раз в сутки читали намаз. Трудно, почти невозможно из таких людей сделать защитников веры.

Нет. Начинать надо было с городов Мавераннахра. Здесь большинство городских жителей были настоящими мусульманами. Здесь строились мечети и медресе, а улемы, мюриды, имамы крепко держали народ в руках.

Берке хотел прославить свое имя и показать миру, что среди потомков Чингиз-хана только он один надежда и опора ислама. Хан надеялся привлечь на свою сторону духовенство, призвать его в Дешт-и-Кипчак, чтобы оно служило в построенных им мечетях по городам Золотой Орды и учило кочевников законам ислама.

Для того, чтобы скрыть до поры до времени свои истинные замыслы, хан Берке объявил, что отправляется в Бухару познакомиться с великими богословами этого города и оказать им свое ханское покровительство.

Была и еще одна причина для поездки, но о ней хан пока молчал.

После покорения Мавераннахра Чингиз-хан разделил между своими сыновьями и внуками захваченных в плен ремесленников. Получил свою долю и Джучи.

В Бухаре жило около пяти тысяч золотых дел мастеров, кузнецов, строителей домов и мечетей, которые принадлежали Орде. Были такие люди в Ходженте и Бенакенте. Все, что они производили, вся плата за их работу должна была поступать в казну Орды. Но в последние годы золотой поток обмелел, и Берке подозревал, что тут не обошлось без вмешательства потомков Джагатая и Угедэя, которые утаивают часть того, что по праву должно принадлежать ему. Подобное прощать было нельзя.

Весной следующего года в сопровождении десятитысячного войска хан Берке прибыл в Бухару.

С подобающим хану почетом у западных ворот его встретил Мусабек — даргуши города, похожий обликом на перса. Ревели сырнай и карнай. Непривычные к этим звукам, храпели, вставали на дыбы кипчакские кони.

После того как были произнесены слова приветствия, Мусабек еще раз низко поклонился Берке:

— Великий хан, разрешите отвести вас и ваших доблестных воинов в ставку, которую мы устроили вне стен города...

Берке нахмурился:

— Разве в городских дворцах нам нет места?

Даргуши замялся:

— В городе есть дворцы, но, великий хан...

— Говори! — властно приказал Берке.

Мусабек поднял голову и посмотрел в лицо хана своими пронзительными темными глазами.

— В городе беспокойно... Узнав о вашем прибытии, горожане со вчерашнего дня забурлили, точно вода в казане. Особенно ремесленники и мастеровые, которые принадлежат Золотой Орде.

— Чем недовольны они?

— Люди говорят, что все заработанное уходит в Золотую Орду... Нечем кормить жен и детей... Они говорят: «Пусть хан или пожалеет нас, или прикажет вырезать».

Лицо Берке перекопилось от ярости.

— Истосковались по резне!.. — зло прошептал он. — Они хотят напугать меня. И ты советуешь мне остановиться за городом?..

— Зачем дразнить собак?..

— Нет! — сказал Берке. — Я не поверну своего коня! Я научу их встречать своего повелителя! — И, повернувшись к Салимгирею, приказал: — Веди караван!

В горле хана клокотал, бился гнев.

Медленно втягивался в городские ворота караван. Воины в сверкающих кольчугах, на темно-рыжих конях, окружавшие хана, взяли на изготовку длинные копья.

Густые сумерки окутывали город. От журчавших арыков тянуло влажной прохладой, и в темных садах пели соловья. На черном бархате неба вспыхнули большие мохнатые звезды.

Впереди процессии ехали даргуши Мусабек и сотник Салимгирей.

Жуткая, непривычная тишина окружила всадников. Берке сделалось не по себе. Он, степняк, всегда ненавидевший тесноту городов и знавший их только в моменты яростных битв, поежился. Может быть, следовало послушаться даргуши и отложить вступление в город до завтрашнего дня?

Улица, ведущая к городской площади, вдруг сделала поворот, и Берке от неожиданности даже вздрогнул, натянул повод коня. Улица была полна народом. Люди стояли молча, и тысячи чадных факелов пылали над их головами. Отблески пламени металась по лицам, по одежде, и оттого казалось, что толпа колыхается тяжело и грозно. Непривычной и жуткой была для хана эта картина.

Телохранители сомкнулись вокруг Берке, выхватили из ножен кривые сабли и подняли их над головами. Алые отблески пламени заиграли на лезвиях.

Толпа молчала, и отступать было некуда. Только выдержка могла спасти в этот миг золотоордынцев, потому что на узких улочках города они не смогли бы развернуться для битвы. Оставалось двигаться в неизвестное, и, пересилив себя, Берке дернул повод, послал коня вперед.

Молча расступилась толпа, пропуская хана. Тревожно храпели кони, косили влажными большими глазами на людей, кровавые всполохи тысяч огней играли в их зрачках.

Уже не тревога, а ужас овладел всем существом Берке. Он понял: стоит кому-нибудь в толпе бросить клич, и живая река раздавит и его самого, и нукеров с обнаженными саблями. Боя не будет. Все кончится в один миг.

Но люди безмолствовали. Караван вышел на главную площадь, и, когда казалось, что все уже позади, из боковой улицы хлынула новая огненная река и преградила путь.

Салимгирей и Мусабек остановили коней, тревожно оглядываясь на хана.

Вдруг из толпы выступил высокий худой человек в белой одежде, с голубой чалмой на голове.

Берке, задыхаясь от пережитого страха и ярости, двинул на него своего коня.

— Что тебе нужно? Кто посмел заступить путь хану Золотой Орды? — спросил он с угрозой.

— Великий хан! — Человек в белых одеждах без страха смотрел ему в лицо. — У народа есть к тебе три просьбы...

— Говори...

— Ханы не боги, чтобы всю жизнь держать человека в рабстве. Даже убийцу приговаривают к определенному сроку или снимают с него голову... Всему есть предел... Многие ремесленники, плененные монголами и отданные дому Джучидов, уже состарились и не могут делать то, что делали прежде. Первая просьба — дай им волю. Они родились свободными, так пусть же и умрут не рабами.

Берке уже овладел собой. Просьба была пустячная. Действительно, какой прок от стариков...

— Хорошо, — сказал он. — Я дам им волю...

— Вторая просьба народа... — человек на миг умолк. — Здесь почти пять тысяч кузнецов, чеканщиков, кожевников, принадлежащих Золотой Орде. Многие из них были молоды, когда твой дед Чингиз-хан сделал их рабами. Они давно обзавелись семьями, но от того, что твои люди забирают весь их заработок, они живут в вечной нищете — не наедаются досыта и не могут купить одежды. Великий хан, народ просит, чтобы ты приказал брать только третью часть их заработка...

Глаза Берке сузились:

— А что требуют ремесленники, принадлежащие другим ханам?

— Того же...

Берке посмотрел на толпу. Многие горожане были вооружены дубинками.

— Вот так требуют — с палками в руках?

Человек в голубой чалме не отвел взгляда:

— Когда речь идет о жизни, можно взять в руки не только палку...

Хан снова посмотрел на толпу. Отсветы пламени играли на суровых бронзовых лицах людей, в их глазах. «Такие могут все», — подумал Берке, и снова страх стиснул его сердце.

Немало видел Берке за свою жизнь восстаний против Золотой Орды, сам принимал участие в их подавлении, но вот так, лицом к лицу с народной ненавистью, оказался впервые. Было желание — отказать в просьбе, но не настолько еще прочно он чувствовал себя на троне Золотой Орды, чтобы действовать дерзко. Надо было выиграть время, прийти в себя, а потом...

— Третья просьба народа... Пусть дети твоих рабов, так же как и дети свободных мусульман, получают право посещать медресе и учиться грамоте.

Всего ожидал Берке, но не этого. У монголов не было письменности. Но когда великий Чингиз-хан создал свое непобедимое государство, он велел записывать монгольские слова буквами уйгурского алфавита. Так писалась и «Золотая книга» — история жизни и подвигов Потрясателя вселенной, предназначенная для его потомков. Учиться письменности могли только чингизиды и родовая монгольская знать. А здесь, в Бухаре, сумасшедшая толпа, чернь хотела уравниаться с белой костью.

— Не бывать этому! — жестко сказал хан.

Ему показалось, что толпа вдруг надвинулась на него. Тревожно заржали кони.

— Мы подумаем... — вдруг произнес Берке. — Завтра ты должен прийти во дворец, и мы продиктуем наше решение, — сказал он человеку в голубой чалме и ударил камчой коня.

Конь взвился на дыбы и, послушный воле всадника ринулся на толпу...

* * *

Утром следующего дня человек в голубой чалме отправился во дворец. Люди останавливали его на улицах, уговаривали не идти в одиночку, не верить степному волку. В

ответ он говорил:

— Все может случиться. Все в руках аллаха... Но пойду ли я один или нас будет десятеро, ничего не изменится, если хан задумал недоброе. С ним десять тысяч воинов, и ничто не заставит его изменить решение. Зачем лишние жертвы? Мне выпало исполнить свой долг, и я исполню его...

Человек в голубой чалме хорошо знал жизнь. Трудно увлечь за собой забитый, несчастный народ. Он подобен великому океану, но чтобы раскачать его, нужен ветер. Приезд хана Золотой Орды, казалось бы, всколыхнул народ. Но хан, даже и ненавистный, пообещал выполнить просьбы, и вера в непогрешимость его успокоила людей, казалось, их душевная боль утихла.

И все-таки впервые народ Бухары проявил неповиновение. Все видели вчера страх в глазах Берке и знали, что хан навсегда запомнит эту ночь, суровые лица людей и грозный отблеск пламени в их глазах.

Сорок лет топтали эти земли монгольские кони и народ склонял голову перед плетью завоевателя. События ночи показали: пусть пока несмело, но уже твердо зная, чего они хотят, люди будут и дальше отстаивать свои права. Велика сила Золотой Орды, но и она не сможет одолеть народ, соединенный одной мыслью. Нужно только время.

Без страха шел человек в голубой чалме во дворец, где остановился хан. Он знал: после вчерашнего ему не удастся ни спрятаться, ни бежать из города. Всю ночь вокруг его дома дежурили люди даргуши, следили за каждым шагом. Но то, что должно свершиться, все равно произойдет...

Человека в голубой чалме во дворце ждали. Туленгиты молча обыскали его и провели в зал, где сидел Берке.

Хан долго и пристально смотрел на вошедшего. Вдруг он спросил:

— Ты христианин?

Человек отметил про себя, что Берке выглядит совсем иначе, чем выглядел вчера. В глазах нет страха, лицо властное, жесткое, голос уверенный. Чему было удивляться? Сегодня сила была на его стороне. Прибывшие с ханом из Золотой Орды воины окружили дворец, по улицам ездили конные отряды Мусабeka и загоняли людей во дворы.

— Нет. Я человек.

— А может быть, ты мусульманин?

— Нет.

— Хорошо. Раз ты не христианин и не мусульманин, то будь человеком, — с усмешкой сказал Берке, медленно перебирая жемчужные четки. Пережитое вчера, видимо, не совсем изгладилось из памяти и жгло, требовало выхода. — Ты вчера сказал: «Ханы не боги...» Если ты упомянул о боге, значит, веришь в него?

— Да, верю... — сказал человек в голубой чалме. — Имя моему богу — правда.

Лицо Берке задрожало от беззвучного смеха.

— А может, ты скажешь, где находится твой бог?

— Сливки растворены в молоке... Так и правда. Она везде: на небе, на земле, во мне и в нем... — человек указал на туленгита, стоящего за спиной хана.

— А во мне она есть? Как ты думаешь? — Хан с издевкой посмотрел на человека в голубой чалме.

— Не знаю...

— Зато я знаю... Моя правда — в моей силе, в моей вере... А на свете нет бога, кроме аллаха, и пророк Мухаммед его посланник. Я же последователь пророка и защитник его дела...

Человек в чалме негромко рассмеялся. Под черными красивыми усами влажно блеснули белые, ровные, как жемчуг, зубы.

— Если великий хан говорит правду, — сказал он, — то ему следовало бы предпочесть Иисуса или Моисея. Они сильнее Мухаммеда.

Жемчужины на четках Берке замелькали быстрее.

— Кто сказал тебе это, гяур? Нет святого сильнее Мухаммеда. Он посланец бога на земле. Моисей тоже пророк, он младший брат Мухаммеда. Там, где ступал Моисей, обнажалось дно моря. Иисус мог воскресить мертвого, а на том месте, где Мухаммед молился аллаху, горы

превращались в камни, а камни — в прах. Это происходило потому, что аллах хотел видеть лицо своего святого сына. Он самый сильный пророк. Никто не смеет быть сильнее его...

Человек покачал головой:

— Все может быть в этом мире... Будь Иисус сильным, его бы не распяли на кресте.

— Ты носишь чалму, — многозначительно сказал хан, — но ты, наверное, не читал Коран и не беседовал с учеными улемами. Я знаю, что Иисус тоже сын божий, и я знаю, что не его, а совсем другого прибили гвоздями к кресту.

— Неужели? — Человек чуть заметно улыбнулся.

Берке не заметил усмешки. Он любил поучать, любил показать свою приверженность исламу и свои знания.

— Послушай меня, гяур, — сказал хан. — За чудеса, которые совершал Иисус, неверные приравняли его к богу. Сторонники Моисея — джуиты, сгорая от зависти, охотились за ним. Однажды, скрываясь от врагов, Иисус спрятался в одном доме. Почувствовав приближение джуитов, святой взлетел на небо. Врагам удалось схватить человека, похожего на него. Этого-то человека они пobiли камнями и распяли на кресте.

Человек в чалме, пряча в глазах усмешку, сказал:

— Выходит, что Иисус вместо себя позволил растерзать ни в чем не виновного... Конечно, если ты подобен богу, то можешь совершать все, что задумаешь... Наверное, потому Иисус пил вино?

— Нет. Он выпил вино случайно, — довольный произведенным на собеседника впечатлением, с достоинством сказал Берке. Руки его неторопливо перебирали четки. — По дороге в Иерусалим святой Иисус захотел пить. Он зашел в виноградник и стал искать там воду. Наконец он увидел глиняный кувшин. В нем была жидкость, похожая на воду, и Иисус стал пить ее. Жидкость оказалась горьковатой и кислой на вкус. Тогда Иисус спросил у кувшина, отчего это. И кувшин ответил, что кто-то украл иголку и продал ее за медную монету. Та монета попала в руки хозяина виноградника, и он отдал ее торговцу, покупая кувшин. Из-за этого вода в кувшине горчит. Вот видишь, гяур, небольшой грех, связанный с кражей иголки, превратил воду в коварное вино. Пророк Мухаммед был мудрее Иисуса, и потому он оставил нам заветы: не творить друг другу зла, не пить вина, а богатые должны всегда жалеть и помогать бедным. Так гласит пятая сура священного Корана...

Человек в чалме низко склонил голову.

— Теперь мне понятно, о великий хан, почему вы вчера согласились с требованиями народа. Вы во всем следуете пророку Мухаммеду...

Четки в руках хана замерли. Он словно вновь вернулся на землю. В раскосых узких глазах полыхнуло пламя ярости.

— Нет! — крикнул он. — Вчера я ничего и никому не обещал!

— Но слова ваши, великий хан, слышали люди...

— Какие люди? Толпа! Они не люди, а мои рабы! Ты знаешь, гяур, в Коране сказано, что обещание, вырванное принуждением или угрозой, не имеет силы!

Лицо человека в чалме покрылось мертвенной бледностью. Спокойно и негромко он сказал:

— Значит, вчера вам было страшно? Значит, есть сила, которая может заставить трепетать даже хана Золотой Орды...

Берке злобно рассмеялся:

— Трепетать будут от моего имени!.. Во веки веков!..

Хан схватил серебряный колокольчик и торопливо затряс им. Распахнулась дверь, на пороге появился личный телохранитель Берке, начальник сотни туленгитов Салимгирей.

Хан ткнул пальцем в сторону человека в чалме.

— Я приговариваю его к смерти за то, что он устроил в священной Бухаре смуту и призывал чернь не повиноваться мне! Пусть кровь этого гяура не осквернит стены дворца! Отведи его за город и отруби голову! Да станет его тело пищей для шакалов!

Берке впился взглядом в человека в голубой чалме, но лицо того было спокойно.

Хан вдруг вспомнил, что во время разговора тот несколько раз вытаскивал чакчу, искусно сделанную из рога оленя.

— Для того чтобы я не забыл о беседе с этим человеком, принесешь мне его чакчу...

Салимгирей молча поклонился, выхватил из ножен саблю и, подгоняя ею человека в чалме, погнал его к выходу.

Берке прикрыл глаза и долго сидел неподвижно. Медленно возвращалось к нему спокойствие — перестали дрожать пальцы, утих гнев.

Хан хлопнул в ладоши. На пороге появился визирь:

— Пусть войдут мусульмане, приехавшие из Самарканда...

Пятясь, визирь исчез за дверью. Через некоторое время в зал вошли люди в белых чалмах. Низко кланяясь, они приблизились к возвышению, на котором сидел хан, и опустились на пол, подобрав под себя по-восточному ноги. Один из них, тучный с красным лицом, красивым бархатным голосом начал читать молитву. Когда он закончил, каждый провел сложенными ладонями по лицу. И Берке, как истинный мусульманин, повторил их жест.

— Аминь!

Немного выждав, тот, что читал молитву, сказал печальным голосом:

— Высокочитимый хан Золотой Орды, вы за прошлый год потеряли сразу двух близких вам людей: хана Сартака и хана Улакши. Пусть будет земля им пухом... Примите наши соболезнования...

— Спасибо вам, почтенные люди. Все совершается по воле всемогущего аллаха... Нам ли роптать на несчастья? — Он помолчал. — Вы пришли ко мне с делом?

Слово взял черный человек, похожий на выросшее в песках корявое дерево — саксаул.

— Великоуважаемый Берке-хан, — начал он негромким, скрипучим голосом. — Пришли мы к вам с сердцами, полными печали. Ваши сторонники мусульмане терпят в Самарканде от неверных страшные насилия. Какие только унижения не выпали на нашу долю!.. Недавно они предали огню юношу, принявшего нашу веру. Даргуши города поддерживает христиан и отнял у нас все права. Зная вас как справедливого хана и истинного мусульманина, мы пришли к вам просить защиты... Спасите нас от неверных.

Берке нахмурился:

— Разве у вас недостаточно сил, чтобы справляться с неверными? Или в Самарканде мусульмане разучились защищать свою веру?

— Нас много... — уловив тайный смысл в речи хана, сказал самаркандец. — Но как посмотрит на это Золотая Орда? До сих пор никто и никогда не сказал нам слова одобрения и не пытался помочь...

Он говорил правду, и Берке об этом знал.

Христианство утвердилось в Самарканде задолго до того, как пришли сюда монголы. Ему покровительствовали потомки саманидов и караханидов. Кроме того, падение Хорезма, где мусульмане всегда находили поддержку, привело к тому, что ислам начал терять своих приверженцев. Пришедшие же монголы не отдавали предпочтения ни одной из религий.

Все это было на пользу христианам, и их община окрепла. Сильный любит припоминать обиды и мстить поверженному врагу. Заручившись поддержкой потомков Чингиз-хана, многие из которых приняли в свое время христианство, церковь устроила гонение на мусульман.

Видя, что хан молчит, самаркандец снова начал говорить:

— Юноша христианин отказался от своей веры и пришел в мечеть... С его согласия было совершено обрезание, и он поклялся на Коране быть верным последователем пророка Мухаммеда... Христиане пожаловались даргуши города, что мы насильно совершили все это. Даргуши приказал юноше вернуться в прежнюю веру, но тот отказался, потому что аллах осветил его душу светом истины... Тогда христиане поймали его и сожгли на костре...

Хан поморщился. Его не интересовали такие мелочи.

— Какого слова вы ждете? — нетерпеливо спросил он. — Какой помощи?

— Христиан много... — уклончиво сказал самаркандец.

Берке задумался.

— Во имя аллаха да простится все... С вами будут мои воины, переодетые в одежды простых людей...

— Да поможет тебе аллах, о великий хан... Это лучше всего сделать в воскресенье, когда неверные соберутся в своих церквах...

— Аминь! — сказал хан.

Как эхо повторили за ним самаркандцы:

— Аминь!..

В этот же день Берке принял во дворце всех знатных людей города, ученых улемов, мюридов и кари бухарских мечетей. Раздав им щедрые подарки, привезенные из Золотой Орды, хан посчитал день законченным и удалился на покой.

* * *

В час, когда на землю опустилась ночь, Салимгирей, взяв с собой несколько туленгитов, погнал человека в голубой чалме за город, чтобы совершить то, что повелел хан.

Узкие, погруженные в кромешную тьму улочки города казались загадочными и таинственными. Степнякам, непривычным к тесноте, было страшно. Но Салимгирей шел уверенно, словно чутьем угадывая путь в лабиринте тупиков и улиц, похожих на лисьи норы. Вскоре воины оказались возле городских ворот.

Салимгирей остановился, задумался, потом повернулся к туленгитам:

— Ладно. Дальше со мной вы можете не ходить. Я сам разделаюсь с гяуром. Возвращайтесь назад.

Из-за высокой городской стены показался узкий серп месяца, глинобитные дома, облитые его мутным таинственным светом, стали похожими на надгробья. В узких улочках тьма сделалась еще гуще.

Околдованные призрачным лунным светом, туленгиты стояли в нерешительности. Им страшно было возвращаться одним, еще страшнее казалось выйти за городские ворота, где в зарослях, по склонам глухих оврагов рыдали, хрипло взлаивали шакалы.

— Мы согласны вернуться... Но как мы отыщем дорогу?... — сказал один из туленгитов.

Салимгирей ободряюще засмеялся:

— Смотрите хорошенько... Вон виднеется минарет мечети. Если вы пойдете по этой улице, то выйдете прямо к ней. Там есть наши воины. Они укажут вам путь к дворцу.

Стражники, знавшие в лицо личного телохранителя хана, открыли ему узкую калитку и выпустили из города.

Когда Салимгирей и человек в голубой чалме отошли достаточно далеко от городских стен и их уже никто не мог услышать, они, словно сговорившись, остановились

— Зачем надо было идти так далеко, Салимгирей? — с горечью сказал человек в голубой чалме. — Разве не проще было зарезать меня где-нибудь на темной улице?

— Ты известный ученый, Тамдам. И хан об этом знает. Если бы мы убили тебя где-нибудь в городе, об этом завтра же заговорил бы весь народ. Хан хочет, чтобы о том, где и как ты умер, не узнал никто.

— Хан мудр... — невесело усмехнулся Тамдам. — Кто мог знать, что вот так, однажды, встретятся два волчонка, два ученика Мухаммеда Тараби ²⁵? И один перережет другому горло...

Салимгирей не ответил. Друзья долго стояли молча, смотрели, как растекался, плыл над возделанными полями, над глубокими оврагами дрожащий лунный свет.

— Где ты был все это время? — спросил Салимгирей.

— Сначала бежал в Багдад, но и туда пришли монголы. Жажда мести не давала мне жить спокойно, и я вернулся сюда, в Бухару...

— Ты не терял время даром... Люди говорят, что постиг мудрость многих книг, наизусть знаешь Коран и ведомы тебе все законы шариата...

— Это так...

— Я же бежал в кипчакские степи. Кто мог узнать меня там? Разве что перелетные птицы. Я был табунщиком и пас лошадей многие годы. Сегодня я юзбаши сотни туленгитов,

²⁵ Мухаммед Тараби — руководитель восстания в Самарканде в год собаки, то есть в 1238 году. При подавлении восстания монголы потеряли десять тысяч воинов.

охраняющих самого хана...

— Ты добился многого... — с издевкой сказал Тамдам. — Сколько крови братьев пролил ты, чтобы заслужить такую честь?

Салимгирей вскинул голову:

— Зачем ты говоришь это? Руки мои чисты. Еще не пришло время обагрить их кровью. И чья это будет кровь — ты знаешь.

Друзья долго молчали. Салимгирей вдруг протянул к Тамдаму руку:

— Я дальше не пойду. Возьми это, пригодится. Дорога твоя нелегкая и дальняя. — Под лунным светом тускло сверкнуло золото.

Тамдам помедлил, потом взял монеты:

— Спасибо...

— Подожди, — сказал Салимгирей и приблизил свое лицо к лицу друга, пытаясь увидеть его глаза. — Не подумай, что я стал волком... Я помню, сколько крови кипчаков и уйгуров пролили ханы... Разве можно забыть нашего учителя и то, что он завещал нам?.. Ну, прощай!

— Подожди... — Тамдам положил руку на плечо Салимгирея. — Вот тебе чакча. Отнеси ее хану, а то он не поверит в мою смерть. Очень давно мне сделал ее пленный старик кипчак в Багдаде. Очень давно... Он так тосковал о родине...

Друзья обнялись, и вскоре фигура Тамдама, одетая во все белое, растаяла в призрачном лунном свете.

* * *

У плохой вести крылья птицы. О том, что мусульмане вырезали в Самарканде всех христиан, скоро стало известно в больших и малых городах. Разное говорили люди. Самые яростные приверженцы ислама радовались; те же, кому вера в аллаха не затмила разум, скорбели о погибших, потому что и христиане, и мусульмане были народом одной крови. Халиф Мысыра, увидя в Берке истинного последователя пророка Мухаммеда, отправил к нему своего посла с дорогими подарками.

Хан Берке затаился. Вслух он не хвалил самаркандских мусульман, но и не сказал слов осуждения. Хан ждал, как будут развиваться события дальше.

Пробыв еще неделю в Бухаре, он решил возвращаться в Золотую Орду. Поездка не принесла ему удовлетворения. На душе было беспокойно. Все, что он узнал здесь, не радовало. Великая империя Чингиз-хана пошатнулась. Злоба и соперничество правили делами и поступками потомков Потрясателя вселенной. В Мавераннахре, Хорасане и Восточном Туркестане набирали силу сторонники отделения от Каракорума улуса Джагатая. А это значило, что пройдет какое-то время, и они выступят против потомков Туле.

После того как Менгу стал великим ханом монголов в Каракоруме, усилилась вражда между чингизидами. Особенно острой была она среди детей и внуков Джагатая и Угедэя. По завещанию Чингиз-хана, если кто-либо из его отпрысков совершал неправо дело или преступление, судить его должны были все чингизиды. Однако завет Потрясателя вселенной был забыт. Судил тот, на чьей стороне была сила. Так потомки Угедэя умертвили младшую дочь Чингиз-хана Алтан-бегим, а вместо Ширамуна, который должен был после смерти отца стать великим ханом монголов в Каракоруме, они же подняли на белой кошме Гуюка. Когда после его смерти Бату-хан помог Менгу сделаться монгольским великим ханом, против него поднялся сын Джагатая Есу Монке. Однако внук Джагатая — Кара-Кулагу, рожденный от его сына Мутигена, принял сторону Менгу. Нового хана поддержали и внуки Угедэя, рожденные от сыновей Кадана и Кутана.

В год свиньи (1252), когда потомки Чингиз-хана съехались на суд нойонов, Менгу жестоко расправился со своими врагами. Поощаил он только Ширамуна, но и тому не поверил до конца. Через три года Ширамуна по его приказу утопили в реке. Менгу без всякого суда казнил мать Ширамуна — Баракши-хатун и вдову хана Гуюка — Огиль-Гаймаш. Улус, принадлежащий Джагатаю, он отдал Кара-Кулагу, и тот, чтобы избавиться от жены Есу Монке, управлявшей до этого улусом, велел ее растоптать табуном коней.

Сразу же после смерти великого Чингиз-хана началась резня между его потомками. Ханы

и правители быстро сменяли друг друга. Кинжал и яд сделались главным оружием в борьбе за власть. Но род Чингиз-хана был многочисленным, и потому вражда не прекращалась десятилетиями — всегда было кого травить и резать.

Хуже всего приходилось покоренным народам. Это их посылали друг на друга чингизиды, пытаясь утвердить себя в том или ином улусе.

Едва хан Берке вернулся в Орду, как черный всадник принес из Каракорума весть о том, что монгольский великий хан Менгу в год овцы (1259) навеки закрыл глаза. Сорок тысяч человек съехались на его похороны, две тысячи белых юрт выросло в монгольской степи. Похороны были совершены по всем правилам, завещанным Чингиз-ханом. Менгу предали земле тайно, уничтожив всех причастных к погребению. Над могилой промчались тысячные табуны лошадей, чтобы навсегда скрыть то место, где погребен был хан.

Если смерть Угедэя явилась началом вражды между чингизидами, то уход из жизни Менгу послужил сигналом к разделу империи, созданной Чингиз-ханом.

В год обезьяны (1260) случилось небывалое. Впервые появилось два великих хана. Ими стали сыновья Тули: Кубылай — в Китае и Арик-Буги — в Каракоруме.

В одном котле тесно двум бараньим головам. Жестокая вражда началась между новыми ханами. На курултае, где их выбирали, не присутствовали два самых влиятельных представителя рода Чингиз-хана — Кулагу и Берке. На это были свои причины.

Средний сын Туле — Кулагу, выполняя волю Менгу, покорил за эти годы Иран и Ирак, а Менгу объявил его ильханом всех завоеванных им земель. Кулагу был христианином и потому должен был оказать поддержку Арик-Буги, но обстоятельства сложились так, что Каракоруму на его помощь рассчитывать не приходилось. Мамлюки Бейбарса нанесли поражение его войску и начали поход на Сирию. В это время царь Грузии Большой Давид поднял восстание против ильхана.

Кулагу жестоко расправился с грузинами.

Но не было спокойствия в его землях. Следовало думать и искать себе верного союзника, на которого бы можно было опереться в трудную пору. Не грузины пугали ильхана. Набирали силу мамлюки Египта. Их предводитель Бейбарс успешно сражался с крестоносцами и не хотел уступать Сирию, которую стремился подчинить себе Кулагу.

Все чаще смотрел с надеждой на улус Джагатай ильхан. Золотая Орда, в свою очередь, опасаясь усиления Кулагу, стремилась укрепить свои связи с Бейбарсом. Берке не хотел терять Азербайджан, но выступать против Кулагу открыто он еще не решался. Тот, видимо, тоже знал, на что идет, потому что не побоялся отравить несколько родственников Берке, находящихся в Ираке.

Одна мысль владела Берке — вернуть прежнюю силу и величие Золотой Орде. И, выжидая удобного случая, чтобы расправиться со своими внешними врагами, он решил пока заняться внутренними делами.

Столица Золотой Орды, по замыслам Берке, должна была потрясать своей красотой и друзей и врагов, свидетельствовать о мощи и богатстве.

Берке был рассержен тем, как работает ромей. Строительство началось давно, сразу же, как только хан стал полновластным хозяином Орды, а мечеть была готова лишь наполовину. Похоже, Коломон нарочно не спешил. Следовало бы наказать его, но когда Берке осмотрел то, что уже было сделано, он остался доволен. Мечеть поражала красотой. Мастер умело использовал мрамор, стеклоподобные синие камни с армянских гор, самаркандскую голубую краску — лазурь, резьбу по белому ганчу. Стены мечети игрой узоров и красок напоминали фарсидский ковер.

Хан с нетерпением ожидал завершения строительства мечети. Она поможет ему объединить всех мусульман, утвердит за ним славу защитника ислама. Берке уже мысленно видел, как будут гореть на солнце золотые минареты, внушая людям веру в величие Орды, владеющей половиной мира.

Как заставить непокорного ромея поторопиться? Быть может, утихла его тоска по родине, а скорее всего, он догадывается, что и после завершения работ Берке не отпустит, не даст ему воли.

Коломон же действительно не спешил со строительством, хотя это было и странно. Какой

мастер не мечтает увидеть осуществленной свою мечту? Коломон не был исключением. Но были причины, заставляющие его поступать иначе. Откуда мог знать хан Золотой Орды мысли простого ромея, пленника, раба...

Выехав из дворца, Берке направил коня к небольшому степному озеру, окруженному зеленой стеной камыша. Там жили его лебеди.

Каждое утро приезжал сюда хан, чтобы полюбоваться прекрасными птицами. Легко проливающий кровь и человека, и зверя, Берке боготворил своих лебедей. Созерцание их вселяло в него уверенность и покой.

Лебеди были ручные. С наступлением холодов их держали в специальном теплом помещении, а когда приходила весна — выпускали на это озеро. Никто не смел выстрелить или напугать птиц. За этим следили специально приставленные люди. Жестокая кара ждала ослушника.

Однажды поздней осенью дежуривший у озера мальчик ушел домой. Кто мог знать, что ночью пойдет снег и ударит мороз?

Лебеди не умели летать. И когда утром, по своему обыкновению, хан приехал на озеро, он увидел вмерзших в лед, полуживых птиц. Ярости Берке не было предела. По его приказу два нукера разделись догола и, ломая своими телами лед, вынесли лебедей на берег. Завернув их в одежду, нукеры принесли птиц в ханскую ставку. В тепле птицы ожили, хан накормил их из собственных рук. Этой же ночью приставленный к лебедям мальчик умер от побоев.

В Орде знали, что Берке любит птиц, но никто и предположить не мог, что хан боготворит лебедей. Им принадлежала его душа.

Берке было одиннадцать лет, когда его дед Чингиз-хан, покорив один из китайских городов, подарил внуку этих прирученных лебедей. Птицы были почти птенцами. Чингиз-хан сказал Берке: «Лебеди — священные птицы. Пусть они всегда будут с тобой. Никому не позволяй их обижать».

В словах деда была какая-то тайна, и Берке, покоренный ею, свято выполнял его завет. Когда же приходилось отправляться в походы, к лебедям приставлялся самый надежный человек. Хан, никогда и никому не плативший за службу, щедро одаривал человека-хранителя...

Давно нет в живых Чингиз-хана, давно оставил этот мир отец — Джучи. Да и он сам прожил уже шестьдесят лет, а время словно не властно над птицами — они по-прежнему красивы, по-прежнему несутся над озером их клики, похожие на звуки серебряных труб. И с каждым годом все сильнее привязывается к лебедям хан. Его всегда удивлял такой долгий век птиц.

Однажды хан позвал к себе кусбеги, известного в Орде ловца птиц, и спросил:

— Скажи мне, сколько лет живут лебеди?

— Сто семьдесят — сто восемьдесят, — ответил старик.

— А беркут?

— У него век короткий, как и у человека, семьдесят — восемьдесят лет.

Берке с недоверием смотрел на кусбеги:

— Почему же сильный беркут живет меньше, чем слабые лебеди?

Старик усмехнулся:

— Беркут жесток и кровожаден. Его жертва — слабый. А лебеди питаются лепестками цветов, травами и белыми корешками, что достают со дна чистых водоемов...

Ответ кусбеги не понравился хану:

— Быть может, ты скажешь нам тогда, отчего умирают лебеди?

Старик посмотрел на Берке выцветшими от долгих лет жизни глазами.

— От стрелы человека, от зубов зверя, от хищной птицы или от горя...

— Какое может быть горе у птицы?

Кусбеги покачал головой:

— Разве великий хан не знает, что лебедь не может жить без пары? Народ сложил даже об этом песню. Послушай, о великий хан...

Старик запел хриплым, надтреснутым голосом:

*— Лебедь долго может жить на озере,
Коль с парой обитает в радости.
Несчастный, постареет и умрет он,
Коль рано потеряет друга.*

Прошло почти пятьдесят лет, как дед подарил Берке этих птиц. В последние годы стало казаться, что он наконец постиг тайну, которую не открыл Чингиз-хан. Лебеди были не просто подарком. Две белые птицы стали судьбой Берке. И, пока они живы, хану нечего бояться.

Что бы ни случилось, все минет, любые невзгоды обойдут стороной. И чем больше думал об этом Берке, тем больше верил в чудодейственную связь между его жизнью и жизнью птиц.

Любуясь лебедями, хан забывал о битвах, о врагах, о мести... Кто знает, быть может, они напоминали ему далекую пору детства, когда душа его была светла и чиста, а разум не пьянел от пролитой крови. А быть может, вечная молодость птиц давала утешение, обманывала его близкую старость, обещая долгие годы жизни и исполнение всех желаний, какими бы недостижимыми они ни казались. Кто знает?..

Не спеша, опутив повод коня, ехал сегодня к озеру Берке. Позади, не отставая ни на шаг, следовали верные нукеры. И вдруг хан увидел всадника. Он всмотрелся и не поверил своим глазам. Навстречу на прекрасном иноходце ехала юная девушка в атласной шапочке — борике, отороченной соболем, в камзоле из красного бархата.

Девушка не узнала хана. Она, видимо, спешила и даже не посмотрела на встречных всадников. Хан успел увидеть ее юное чистое лицо, большие и темные, как у верблюжонка, глаза. Алые губы девушки улыбались — она, наверное, думала о чем-то очень хорошем.

Берке уже редко волновали женщины, но красота юной наездницы заставила сердце хана забиться горячо и сильно.

— Чья это дочь? — сердясь неизвестно на кого, спросил хан.

Один из нукеров, приблизившись к Берке, почтительно сказал:

— Это дочь женщины, которая прислуживала на кухне во дворце хана Сартака. Ее зовут Кундуз.

— Дочь прислуги? — Хан нахмурился еще больше. — Тогда кто дал ей иноходца и такую одежду?

— Это произошло совсем недавно, о великий хан. Это сделал хан Ногай. Мать Кундуз дальняя родственница одной из его жен.

Берке недобро усмехнулся. Дальние родственники ханских жен начали вести себя так, словно они происходят от белой кости.

— Как позволяет мать молодой девушке разгуливать где ей вздумается? Она не замужем?

— Нет, великий хан. Но она сосватана.

— Кто станет ее мужем?

— Она сосватана за Данила — боярина великого князя Александра Невского.

Хан нахмурился и пристально посмотрел в лицо нукера:

— Ты ничего не путаешь?

— Нет. — Нукер перегнулся в седле, понизил голос: — Я служил во дворце хана Сартака. В год, когда его подняли на белой кошме, в Орду приезжал Данил...

— Я это знаю... — нетерпеливо перебил Берке.

— Эту девушку по приказу хана я отводил ночью к молодому боярину. Тогда ей было тринадцать лет. Нверное, она понравилась Данилу... Уезжая, он попросил хана Сартака отдать Кундуз ему в жены...

Откуда было знать нукеру, что все произошло по-другому. Данил решил отплатить девочке добром за то, что она спасла ему жизнь. Не открыв истинную причину хану Сартаку, Данил попросил, чтобы тот, как только Кундуз подрастет, прислал ее погостить в Новгород. Хан, думая, что девочка понравилась боярину, дал согласие. И поэтому после отъезда Данила, кто бы ни сватал Кундуз, Сартак всем отказывал.

Могущество Орды после смерти Бату-хана покачнулось, и каждый из потомков Джучи, предвидя в скором времени междоусобную борьбу, старался заручиться поддержкой сильного союзника. Таким был Великий Новгород.

Из-за этого вспомнил Ногай о дальнем родстве жены с матерью девочки, из-за этого слал ей подарки. Кундуз могла стать новгородской боярыней и оказаться полезной.

Слушай нукера, Берке думал о своем. И ему для осуществления задуманного мог пригодиться союз с Новгородом. Поэтому не стоило из-за девушки-кипчачки, пусть даже и очень красивой, портить отношения с нязем Александром.

— Вот почему она ведет себя так... — с усмешкой сказал Берке. — Но если она будет носиться словно красная лисица, на нее наверняка найдется ловчий кречет... — Хан обернулся к нукеру. — Смотри, чтобы не заклевали ее завистливые вороны. Беречь ее надо, как собственный зрачок. Орда должна держать свое слово, даже если оно дано орусутскому князю...

— Если еще не поздно... — робко сказал нукер.

Хан резко вздернул голову:

— Продолжай...

— Люди говорят, что каждое утро она ездит к ромею Коломону, который строит мечеть...

— Зачем?

— Не знаю...

Берке больше не спросил ни о чем. Ему ли, великому хану, задавать вопросы простому нукеру? Во дворце есть люди, которые сегодня же расскажут ему все о Кундуз и Коломоне, расскажут о том, что было, и даже о том, что будет. На миг перед глазами встало счастливое лицо девушки.

На этот раз Берке подъехал к строящейся мечети со стороны Итиля. Сотни рабов копошились на берегу, месили глину, тесали камни. Хан остановил коня, пораженный увиденным. Стена мечети сверкала радугой красок. Цветные узоры сплетались в удивительный орнамент, приковывали взор. Что-то удивительно светлое, праздничное было в творении мастера Коломона. Хан пытался мучительно вспомнить, где он видел подобное, и не мог. Потом вдруг вспомнился весенний луг на берегу голубого Керулена, на родине предков, который он видел в далеком детстве. Тогда так же сверкала земля радугой красок, а здесь эту радугу создал человек. И это было удивительно...

«О великий аллах, дай силы мастеру завершить это чудо в срок! — подумал Берке. — Во всей вселенной не будет мечети, равной по красоте этой!»

— Берке-хан! Нравится вам настенная роспись?

Хан вздрогнул и обернулся на голос. Совсем рядом стоял ромей Коломон и смотрел на него. Волосы и борода отросли так сильно, что почти закрывали лицо мастера. Он был худ, темен от постоянного пребывания на солнце, и только голубые глаза, ясные и чистые, излучали яркий пугающий свет.

Берке не смог скрыть своих чувств и поэтому сказал:

— Нравится...

— Если нравится, значит, хорошо...

В голосе ромея хану послышалась насмешка.

Берке, недовольный тем, что не сумел скрыть своих чувств, нахмурился и сухо спросил:

— Когда закончишь работу?

— Осенью... — спокойно сказал Коломон.

— Хорошо...

Берке тронул повод коня, но, проехав несколько шагов, не удержался, чтобы еще раз не взглянуть на мечеть.

То, что он увидел, лишило хана дара речи. Он только заметил, как лицо Коломона медленно заливала смертельная бледность.

Берке торопливо слез с коня, сделал несколько шагов к мечети, потом вернулся на прежнее место. И, словно не веря своим глазам, провел ладонью по лицу. Нет. Глаза не обманывали его. Видение не исчезло.

На стене сквозь вязь узоров он рассмотрел фигуру девушки верхом на иноходце. Хан не мог ошибиться. Это была Кундуз. Он всмотрелся в ее лицо — та же улыбка, то же счастье в глазах, даже одежда и конь были те же, что он увидел сегодня, когда встретил девушку на пути к озеру.

Вновь и вновь Берке уходил и возвращался на заколдованное место. Изображение Кундуз то исчезало, то появлялось. Только что была девушка на иноходце, и вот уже просто яркое сияние красок.

Губы хана беззвучно шевелились. Ему много приходилось слышать о чудесах. Знал он о замечательной иранской мечети с семью куполами. Там, если стать точно под центральным куполом и произнести слово, во всех остальных эхо повторит его, но стоит сойти с места, и гробовое молчание будет тебе ответом, если ты даже начнешь кричать.

Много тайн и чудес на свете, но о таком, которое он увидел сегодня, ему еще не доводилось слышать.

Мастер надеялся, что секрет его будет раскрыт не скоро. Иначе он не решился бы на подобную дерзость. Видимо, само провидение захотело, чтобы хан оказался сегодня здесь. Тайный трепет охватил Берке. «На все воля аллаха...» — суеверно подумал он.

Коломон стоял неподвижно, и только глаза его с потемневшими огромными зрачками неотрывно следили за каждым движением хана. Берке, не проронив ни слова, медленно подошел к коню и тяжело взобрался в седло...

* * *

...Нет на свете чувства сильнее, чем любовь. Ради нее трус может стать героем, а человек, не знающий грамоты, сложить прекрасные стихи.

Коломон увидел впервые Кундуз, когда весеннее солнце оплавляло землю и небо, а душистые травы Дешт-и-Кипчак уже поднялись до колен и ветер из степи нес их пьянящий, волнующий аромат.

Два верховых туленгита гнали по улицам Сарая Коломона. Мастер, как и обычно, весь день провел на строительстве мечети и теперь возвращался в свою темницу.

Ромей устал и, несмотря на покрикивание туленгитов, шел медленно. Ему были безразличны красоты весенней ночи: и радостное перемигивание звезд во влажном темном небе, и призрачное сияние луны, бросающее густые тени на пыльные узкие улочки. Коломон был весь во власти своих дум. Он медленно перебирал все, что было сделано за день, думал о строящейся мечети. Негромко и тоскливо позвякивали цепи на ногах мастера.

Ромей не заметил, откуда вдруг появились две женщины. Они шли навстречу ему, и он, занятый своими мыслями, равнодушно скользнул по их лицам глазами. К звону его цепей вдруг прибавился мелодичный звон серебряных монет, вплетенных в девичьи косы.

— Здравствуйте, агай.

Коломон удивленно поднял голову. Голос был глубоким, ласковым. Ромей всмотрелся в прохожих. Лунный свет был ярким и чистым, и он без труда увидел лица женщин. Одно было уже немолодое, со следами былой красоты, другое — наверняка ему принадлежал голос — юное и прекрасное. Глаза мастера не могли ошибиться.

Девушка была высокой, стройной, большеглазой. В две тяжелые косы, длинные, почти до земли, заброшенные за спину, были вплетены нитки серебряных монет, которые при каждом ее шаге мелодично звенели.

— Здравствуйте... — растерянно сказал ромей.

Женщины прошли, а он все смотрел им вслед, пока один из туленгитов не хлестнул его камчой:

— Пошли, пошли...

Коломон двинулся вперед, а перед глазами неотступно стояло лицо девушки, залитое мерцающим лунным светом, ее шапочка — борик с султаном из птичьих перьев, ее тяжелые косы... Ромею показалось, что он увидел во взгляде, брошенном на него девушкой, восхищение...

С этой ночи покой ушел от Коломона, пропал интерес к работе, поблекли и казались дешевой подделкой родившиеся бессонными ночами в его голове орнаменты. Он мог подолгу смотреть на то, что уже было сделано, и огонь неудовлетворенности сжигал его душу. Мастеру казалось, что краски сделались тусклыми, что из его творения ушла жизнь. Так продолжалось долго, работа на строительстве мечети начала замирать, и все чаще Коломона охватывало

отчаяние.

Лето подходило к концу. Холодные ветры прилетали на берега Итиля из темных лесов орусутской земли. Вода в реке сделалась густой, и омуты под обрывами уже больше не просматривались до дна. Печальным и хмурым, как близкая осень, был мастер Коломон.

Однажды, как обычно, с первыми лучами солнца ромей пришел к мечети. То, что он увидел, показалось ему сном. На коне темно-серой масти, в седле, отделанном серебром, сидела девушка, которую он встретил той удивительно лунной весенней ночью.

Коломон не отрываясь смотрел на нее. Опершись рукоятью камчи из красной таволги на луку седла, она откинула голову в соболином борике и зачарованно рассматривала узоры на стене мечети. Девушка была так увлечена, что даже не услышала звона цепей на ногах ромея. А он был поражен ее красотой и остановился, не решаясь сделать шага, чтобы не потревожить, не спугнуть ее.

Вдруг озарение, стремительное, как полет стрижа, пронеслось в мозгу Коломона. Теперь он знал, чего ему не хватало и что надо делать. От дерзкой мысли зашло сердце, но потушить ее, забыть уже не было сил. Мастер знал, на что он решался, знал, чем это может кончиться для него, пленника могущественного Берке-хана, и все-таки...

— Здравствуй, сестричка... — тихо сказал он.

— Здравствуйте...

Кундуз вздрогнула и обернулась. Лицо ее залила краска смущения. Она узнала Коломона.

— Кто сделал это чудо? — спросила девушка.

— Я...

Коломон пристально, не отрываясь смотрел в лицо Кундуз, словно навсегда пытался запомнить ее.

— Когда закончите всю мечеть?

Ромей вдруг засмеялся, и на заросшем густой бородой лице сверкнули ровные белые зубы.

— Когда прикажешь ты...

Кундуз недоверчиво смотрела на мастера.

— Так не бывает, — вдруг резко, решительно потрянула головой, отчего монеты, вплетенные в черные как ночь косы, зазвенели, точно серебряные колокольчики. — Сделай это сегодня, прямо сейчас!..

— Ты права. Так не бывает... — грустно сказал Коломон, и тотчас же в глазах его вспыхнули сумасшедшие, дерзкие огоньки. — Но если ты действительно хочешь, чтобы я быстро завершил работу, приезжай сюда каждый день в это же время.

Кундуз независимо пожала плечами:

— Зачем?

— Я не могу пока сказать... Но ведь ты хочешь скорее увидеть мечеть построенной?

Лицо Кундуз было спокойным, и Коломону вдруг показалось, что сейчас она хлестнет иноходца камчой и ускачет с берега Итиля, навсегда уйдет из его жизни.

— Приезжай! — страстно попросил ромей. — Это очень нужно! Приезжай, когда весь Сарай еще спит и только рабы принимают за свой тяжкий труд!..

Слова мастера таили загадку, но было в них и что-то такое, что заставило девушку поверить ему. Она увидела толстые, тяжелые цепи на его ногах, увидела горящие синие, словно весеннее небо, глаза и сказала:

— Хорошо. Я выполню вашу просьбу...

* * *

С этого дня мастер-ромей словно умылся живой водой. Вдохновение охватило его, и глубокая, тихая радость засветилась в глазах. Кундуз приезжала теперь ежедневно.

Сердце неподвластно приказу, и с каждой встречей девушку все сильнее тянуло к Коломону. Она еще не знала, что такое любовь, и поэтому не противилась появившемуся в ней чувству.

Но однажды Кундуз поняла, что полюбила, и ей сделалось страшно. Показалось, что конь

несет ее по самому краю пропасти, а сил усидеть в седле, удержаться — нет.

Коломон замечательный человек, великий мастер, но у него другой бог, другая вера. Разве отдадут ее за него? И еще он раб, а это, по законам Орды, не человек. Жизнь раба дешевле жизни скотины. Ни один мусульманин не скажет ей слова одобрения, не согласится мать. Что может быть страшнее, чем нарушить закон предков?

Кундуз боялась думать обо всем этом, гнала от себя мысли о ромее, но они приходили незванными и не давали покоя, мешали жить, как прежде, беззаботно.

Девушка вдруг стала догадываться, что ее частые встречи с Коломоном опасны для них обоих. Если кто-то узнает об их чувствах, может случиться беда.

Но сердце не хотело знать обычаев предков и звало ее днем и ночью на берег Итиля. Кундуз уже и дня не могла прожить без того, чтобы не увидеть чудесных орнаментов, созданных руками любимого.

Любовь и красота всегда побеждали разум. Она клялась себе не ехать больше к мастеру, но едва занимался рассвет, Кундуз торопливо седлала коня. Она боялась признаться, что уже не может представить себе жизнь без Коломона, этого сильного, порывистого в движениях, доброго человека.

Так было и в тот день, когда она приехала к мечети раньше обычного. Солнце еще не взошло, и на берегу никого не было, кроме рабов и стерегущих их туленгитов.

Кундуз легко соскочила с седла, привязала иноходца к тонкому дереву и радостно улыбнулась Коломону.

Мастер бережно взял ее за руку и повел к мечети. Роспись одной из стен уже была почти завершена, и строительные леса были убраны. Кундуз видела; ромей чем-то сильно взволнован. Он отпустил ее руку, быстрый и стремительный, прошел возле стены, потом отошел от нее на такое расстояние, чтобы можно было одним взглядом охватить ее всю.

— Иди сюда! — позвал он Кундуз.

Кундуз послушно подошла и встала с ним рядом.

Первые лучи солнца ударились в стену, и сказочной красоты заиграли на ней краски. Десятки раз уже видела она эту картину и в недоумении повернулась к Коломону, не понимая, что он от нее хочет и зачем привел сюда.

— Смотри же!.. — нетерпеливо рошептал ромей. — Смотри! Сейчас совершиться чудо!..

Кундуз смотрела. И вдруг солнце словно сдвинуло свои лучи — потускнели, выцвели краски, и сквозь таинственные узоры орнамента она увидела такое, отчего у нее закружилась голова и возглас удивления вырвался из груди.

Кундуз увидела себя верхом на иноходце. Картина занимала всю огромную стену, и девушка не могла ошибиться. Впервые она видела себя со стороны: счастливое лицо, гордо поднятая голова с тяжелыми жгутами кос и иноходец, совсем как живой, казалось, готов был ступить с картины на землю.

Кундуз невольно сделала шаг вперед, чтобы потрогать увиденное руками, но чудесная картина тут же исчезла, и ничего не было на стене, кроме яркого сияния красок. В растерянности она отступила назад и тотчас же снова увидела картину.

Девушка повернула свое лицо к Коломону. Восхищение и мольба были в ее взгляде.

— Что это? — едва слышно спросила она.

Ромей положил ей руку на плечо:

— Тише, девочка! Тише! Держи себя в руках. Об этом, кроме тебя, никто не должен даже догадываться... — речь Коломона была тороплива и сбивчива. — Я мечтал сделать такое чудо всю жизнь... Я берег это для будущего... Но появилась ты... Теперь понятно, для чего я просил тебя приезжать сюда каждое утро? Эту картину можно видеть только с этого места и только тогда, когда восходит солнце... Стоит солнцу изменить свое положение в небе, и никто, даже с этого места, не сможет увидеть то, что увидела ты!.. Лишь великое и доброе солнце, дающее людям тепло и свет, открывает своими лучами невидимые краски, заставляет их явиться миру.

Кундуз все еще не могла прийти в себя:

— Как же ты сумел сделать такое?

— Нет предела для человеческого разума. Я сделал совсем немного — открыл одну из тайн ученого, который жил во времена Искандера Двурогого... — Коломон вдруг перестал

говорить. Прямо к ним шел один из туленгитов, стерегущих рабов. — Я обо всем расскажу тебе после. — Ромей своими пронзительными глазами посмотрел в глаза девушки:

— Кундуз! Я хочу видеть тебя! Сегодня, как только зажгутся первые звезды, приходи к озеру! У меня есть несколько золотых монет, и я куплю эту ночь у стражника!.. Я буду ждать!..

— Хорошо. Я приду, — тихо, но твердо сказала девушка.

Вернувшись во дворец, Берке не велел никого к себе пускать и долго сидел в одиночестве. Мысли о том, что он увидел, не давали ему покоя. Потрясение прошло, и все можно было обдумать не торопясь.

Надо было что-то предпринять. Но что? Коварный ромей, зная, что мусульманская религия запрещает изображать людей, животных и птиц, все-таки обманул его.

Если кто-то догадается о том, что видел сегодня он, мусульмане отвернутся от хана, который позволил гяуру совершить такое святотатство.

Мечеть прекрасна. Подобных орнаментов и красок ни разу не видел Берке, хотя за долгую жизнь он побывал в землях разных народов. Закралась вдруг мысль: быть может, никто и никогда не узнает, что под орнаментом скрыто изображение человека, может, не стоит разрушать то, что создал мастер-ромей? Или приказать построить что-нибудь на том месте, с которого открывается тайна?

Но сейчас же на смену сомнениям пришла подозрительность. А что, если это не единственный секрет мастера? Кто знает, что у гяура может быть на уме?

Кровь отлила от лица хана, когда он подумал об этом. Нет! Выход был один — уничтожить всю роспись, которую сделал на этой стене ромей, и заставить его подчиниться ханской воле.

Перед глазами вдруг поразительно четко и ясно появилось изображение красавицы верхом на иноходце. Трудно было поднять на такое руку. Но зачем, почему решился на этот безумный поступок мастер? Туленгит наемкнул сегодня хану кое о чем, но он только показал голову змеи, спрятав ее тело в воде. Так в чем же все-таки дело?

Берке думал о ромее, а перед глазами стоял образ девушки. Давно не охватывало его сердце волнение и не просыпалось желание обладать юным телом. Можно было бы приказать нукерам отыскать ее и привести сейчас же во дворец, но что-то удерживало хана от этого...

Так как же поступить с мастером? Раб осмелился полюбить свободную девушку, юную, прекрасную, как утренняя звезда Шолпан...

Хан схватил серебряный колокольчик и затряс им.

В комнату торопливо вошел сотник Салимгирей.

— Приведи сюда мастера-ромея.

— Слушаюсь и повинуюсь, великий хан.

Через некоторое время воины с обнаженными саблями приволокли во дворец Коломона и втолкнули его в комнату к хану.

— Оставьте нас двоих! — приказал Берке.

Воины удалились. Хан долго и пристально рассматривал мастера, словно пытаясь прочесть его мысли. Лицо ромея было неподвижным и бледным. Крупные капли пота блестели на его высоком лбу.

Недобрая улыбка тронула губы Берке.

— Рассказывай, — велел он.

— О чем, Берке-хан?

— Начнем хотя бы с того, когда ты закончишь строительство мечети?

— Я уже говорил... Осенью.

— Хорошо. А теперь скажи мне, зачем ты нарисовал на стене эту девушку?

Коломон резко вскинул голову.

— Я люблю ее!

— Ну, а она тебя?

— И она любит...

Лицо хана передернулось, но он справился с охватившим его гневом и по-прежнему спокойным голосом сказал:

— Разве тебе неизвестно, что она сосватана?

— Я знаю об этом. Но разве это имеет какое-то значение, если люди любят друг друга?

Дерзость ромея, его упрямые и смелые ответы бесили Берке:

— У вас разная вера. Девушка мусульманка...

Мастер не спрятал глаз:

— Самая великая религия, которой поклоняются люди всей земли, — это любовь...

Лицо хана побледнело и заострилось. Он чувствовал, как охватывает его, подступает к горлу знакомое состояние дикой ярости. Стоит только расслабиться, и оно захлестнет его, закроет глаза пеленой кровавого тумана, и тогда...

— Ты знаешь... что наша религия... запрещает рисовать людей... — Берке с трудом выталкивал слова из сведенного судорогой горла.

— Я люблю ее... И у меня не было иного способа выразить это. Она не понимала и боялась моих слов, потому что слова могут лгать.

— Дальше...

— Дальше? Когда она увидела свое изображение — оно сказала ей обо всем. Кундуз хорошо знает, чем это грозит мне. И если я не побоялся, значит, слова мои не лживы. Я совершил, согласно высшей религии, страшный грех. Девушка узнала, что я люблю ее больше, чем свою жизнь. И она согласилась...

В уголках губ хана появилась пена, а узкие глаза превратились в крохотные щелки.

— Согласилась?

— Да. Она согласилась навсегда стать моей, — Коломон вдруг опустился на колени. — Великий хан, в своей жизни я ни разу и никого ни о чем не просил... Ради своей любви я сам встал на колени... Я прошу одного... Мне не нужна свобода... Пусть я навсегда останусь рабом, я построю для вас тысячу прекрасных мечетей, только разрешите Кундуз стать моей женой...

Рука Берке скользнула к лежащему рядом кинжалу.

— А девушка согласится стать женой раба?

— Да, великий хан, она тоже просит вас об этом...

— Значит, мечеть закончишь, как обещал?

— Я сдержу свое слово, великий хан.

Лицо Берке посветлело. Он позвонил в серебряный колокольчик, и в дверях тотчас появился Салимгирей.

— Мы договорились с мастером Коломоном... — Губы хана вдруг растянулись в улыбке, но глаза не смеялись — они были по-прежнему недобрыми и холодными. — Я решил соединить его с девушкой, о которой он говорит, если, конечно, он сдержит свое слово и завершит строительство мечети нынешней осенью. Не так ли, мастер-ромей?

— Да, — Коломон всем телом подался вперед.

— Теперь слушайте мое повеление, — от лица Берке вдруг снова отхлынула кровь, — за рисунок, который он сделал на стене мечети, наказать его ста ударами. За желание взять в жены мусульманку повелеваю оскотить его. Все это надлежит сделать в присутствии девушки и всех рабов. Затем, согласно уговору, соединить ромея с девушкой.

Коломон зашатался. Он знал обычаи того страшного мира, в котором жил, — хан Золотой Орды никогда не меняет своего решения.

— Лучше вели зарубить меня на этом месте! Зачем мне жизнь?.. — хрипло попросил ромей.

— Нет, — властно сказал Берке. — Мне еще нужна твоя жизнь. Ты должен достроить мечеть...

Страшная была ночь. Почти десять тысяч рабов велел согнать хан Берке на майданхану — главную площадь города. Рабов плотным кольцом окружили конные туленгиты с обнаженными саблями в руках. Коломон, закованный в цепи, стоял на высоком помосте в окружении стражи и был виден всем. По углам помоста пылали огромные, в рост человека, багровые костры, и их пламя тревожными отсветами играло в расширенных зрачках рабов, на узких клинках сабель туленгитов.

Ночь словно придвинулась к главной площади города, и небо, черное и тяжелое, опустилось к самой земле и готово было рухнуть на головы собравшихся здесь людей.

Два стражника привели Кундуз и втащили ее на помост. Тихий ропот, похожий на стон, пронесся над площадью. Девушка была прекрасна. Бледное лицо, закрытые глаза, похожие на черную волну волосы, разметавшиеся по плечам...

— Слушайте! Слушайте! Об этом должны знать все! — закричал ханский глашатай, огромный, словно отлитый из бронзы, монгол. — По повелению хана Золотой Орды, великочтимого Берке раб-ромей за то, что испоганил стену мечети — обители аллаха, наказывается ста ударами.

Палач — высокий худой человек в лисьем малахае, надвинутом на самые глаза, — поднял руку.

Туленгиты, охраняющие Коломона, свалили мастера на помост...

— Раз, два, три...

Над площадью, над головами застывших в молчании людей засвистела, рассекая воздух, лоза. Тишину нарушал только ровный и бесстрастный голос глашатая, считавшего удары:

— Четыре, пять, шесть...

Багровое пламя костров шевелилось над помостом, выхватывая из мрака суровые лица рабов, гневно сведенные брови. В тревожно шевелящихся отсветах кровь раба Коломона казалась черной.

— Пятьдесят... шестьдесят один... — считал глашатай.

И вдруг пронзительный женский крик взметнулся над площадью. Это был голос Кундуз:

— Люди! Родные! Спасите его! Ведь это великий мастер Коломон!

Толпа качнулась к помосту, но тут же отхлынула и снова замерла в тяжелом молчании.

— Девяносто, девяносто один... — падали на головы рабов бесстрастные слова.

Туленгиты, подхватив под руки ромея, поставили его на помост. Кожа на спине мастера висела клочьями. Он истекал кровью.

— Слушайте, слушайте! — вновь закричал глашатай. — По велению хана Золотой Орды великого Берке за то, что неверный ромей захотел взять в жены мусульманку, девушку-кипчачку Кундуз, его надлежит оскотить! Пусть исполнится мудрое решение хана!

На помост поднялся мулла в белой чалме. В руках его сверкнул нож.

— Сорвите одежду с раба, положите его на спину и крепко держите, — приказал он туленгитам.

Кундуз зашаталась, уронила на грудь голову.

— Поднимите голову этой потаскухе! — крикнул палач державшим девушку туленгитам. — Пусть она увидит, как ее будущий муж станет евнухом!

И вдруг властный, сильный голос упал в гнетущую тишину:

— Люди! Разве можно терпеть такое насилие?! Или вы забыли, что вы люди?

Головы всех повернулись на голос. Высокий человек, одетый во все черное, стоял чуть поодаль от помоста. Лицо его было до самых глаз закрыто платком. И никто не смог в этот миг даже подумать, что это был сотник личной охраны Берке-хана Салимгирей.

Толпа заволновалась, растревоженно загудела:

— Освободить ромея!

— Лучше умереть, чем так жить!

Так в год курицы (1261) в столице Золотой Орды — Сарай Берке началось восстание рабов. Три дня лилась кровь и пылали дома. Хан Берке, укрывшись в своем дворце, вызвал из степи на подмогу тумены лашкаркаши Ногая.

Рабы упорно сопротивлялись. Они знали — пощады не будет, а потому каждый из них стоил в этом сражении десяти воинов. Каждый дом, каждый глинобитный дувал превратился в маленькую крепость. Обезумевшие, в большинстве своем без-оружные люди в ярости бросались на всадников с крыш домов.

Теснимые воинами Ногая, рабы укрылись в недостроенной мечети на берегу Итиля. Стрел уже не было, и они разбирали стены, чтобы отбиться камнями и кирпичами.

На третью ночь, понимая, что им не совладать с ханским войском, рабы целыми отрядами прорывались в степь, уходили вплавь через Итиль.

Страшной была ханская месть. Всех, кто остался в живых, Берке велел вывести за город, и воины рубили пленников саблями, топтали конями...

Хан торжествовал победу, но страх, поселившийся в его душе, не проходил. Впервые не где-то в далеком Самарканде или Бухаре подняла голову чернь, а здесь, в сердце Золотой Орды, непоколебимо стоявшей с тех времен, когда создал ее великий Бату-хан. Происходило непонятное, и Берке не знал, что ему следует предпринять дальше.

Когда свершилась расправа над рабами, хан послал нукеров на озеро узнать, целы ли его лебеди, велел отыскать мастера-ромея и девушку Кундуз.

Лебеди не пострадали во время смуты, но ни ромея, ни девушки не было ни среди живых, ни среди мертвых.

...Скрываясь днем в лесных чащах, Коломон и Кундуз с небольшим отрядом беглых рабов шли по ночам в сторону реки Тан ²⁶.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

IV

Ногаю, единственному сыну Татара, рожденного от младшего сына Джучи —Буала, во времена, когда Бату-хан двинулся на Европу, исполнилось двадцать лет. Был он смел и горяч. Ни его дед Буал, ни отец Татар не прославили себя в походах, не добились звания хана. По заведенному Чингиз-ханом порядку, они принимали участие во всех делах Орды, но после походов непременно возвращались в свой улус, чтобы предаться усладам мирной жизни.

Последним улусом Татара после возвращения его из Восточной Европы стала крымская земля. Ставку же свою он устроил в городе Кафа.

Под началом Ногая во время походов на оруситов и угров были тумены, состоящие из монголов-хадаркинцев и мангитских всадников.

И те, и другие славились как отличные воины, замечательные стрелки из луков. Хадаркинцы, кроме того, отличались неукоснительным выполнением заветов Чингиз-хана и свято придерживались введенной им железной дисциплины. Недаром глава их рода Мунир Куран был в свое время эмиром и командовал правым крылом Чингизова войска.

Тумены Ногая не знали поражений. По этой причине Бату-хан сделал его наибом ²⁷ в завоеванных им Болгарии и Молдавии. Но, после того как основное войско монголов вернулось на берега Итиля, Ногай, оставшийся всего с двумя туменами, не смог долго удерживать в повиновении покоренные народы. Обстоятельства сложились так, что он вынужден был через два года привести свое поредевшее войско в улус отца, в Крым. Татар уже умер, и улус по праву принадлежал Ногаю.

Но великий Бату-хан рассудил иначе. Он повелел Ногаю прибыть в Сарай и сделал его лашкаркаши всего золотоордынского войска.

Ногай повиновался приказу, но природная осторожность, умение предугадывать будущее заставили его оставить в отцовском улусе большую часть преданных ему воинов-хадаркинцев. Он оставил им все, что награбили они в походах, и кроме того наградил каждого из своей казны.

Пользу от своего поступка Ногай ощутил много лет спустя, когда решил вступить в борьбу с ханом Золотой Орды — Токтаем. Монгольские воины не забыли его доброты. Все, как один, они пришли под его знамя и стали верной и надежной опорой. Уже тогда хадаркинцы и мангуты, населявшие Крым, назывались ногайцами. И не того, кто сидел на троне Золотой Орды, величали они ханом, а своего повелителя Ногая.

После смерти Бату менялись в Орде ханы, а Ногай по-прежнему оставался лашкаркаши всего войска, потому что не было ему равных в смелости и прозорливости. Простые воины

²⁶ Тан — река Дон.

²⁷ Наиб — наместник.

ценили его за щедрость и справедливость и готовы были идти за ним в огонь и воду.

Сила всегда на стороне того, в чьих руках многочисленное и преданное войско. Берке не был похож на великого Бату-хана. Тот сумел создать могучую Золотую Орду. Берке же старался хотя бы сохранить ее в целости, не дать другим отпрыскам Чингиз-хана растащить земли, завоеванные братом. Огромное тщеславие, тайные, далеко идущие замыслы заставляли его думать о близкой вражде с ильханом Кулагу, с потомками Джагатая, с Кубылаем и Арик-Буги.

Не понимая, что ему не дано совершить то, что сделал Бату-хан, Берке помышлял об огромном государстве, в которое бы вновь, как при великом Чингиз-хане, вошли все земли, принадлежавшие когда-то единовластно его деду. И править всей этой империей должен был не Каракорум, а Золотая Орда.

Подолгу обдумывая в одиночестве свои замыслы, Берке вдруг начал опасаться Ногая. Что из того, что ни дед его, ни отец не являлись ханами? Ханство — удел старших сыновей Джучи. Таков закон чингизидов. Но кто сейчас придерживается порядков, установленных Потрясателем вселенной? Свои законы диктует каждый, на чьей стороне сила. Тому пример Кубылай. Не он ли, опираясь на свое войско, первым из многочисленных потомков Чингиз-хана отделился от Каракорума и дерзнул создать свое ханство? При великом деде за такой поступок его бы ожидала жестокая смерть, а сейчас? Некому стало карать отступников.

Кто может поручиться за то, что Ногай, посчитав себя потомком Чингиз-хана, достойным стать властителем Золотой Орды, не посягнет однажды на трон? Именно в его руках войско, и оно предано ему.

Нет. От Ногая следовало отделаться. И чем скорее это свершится, тем лучше. Берке понимал, что одинаково трудно и опасно отнять у него сейчас должность лашкаркаши или отравить. Слишком влиятелен Ногай, и поэтому было страшно решиться на открытую вражду с ним.

А что, если послать его в поход на ханство Кулагу, чтобы вернуть Орде Азербайджан и Ширван? Война есть война. И случится может всякое. Если победа будет за Ногаем, то Золотая Орда станет сильнее, и тогда не поздно подумать, как отделаться от соперников. Если же Ногай потерпит поражение — появится повод лишить его звания лашкаркаши.

Берке страстно мечтал о победе над сильным и жестоким Кулагу и в то же время ненавидел Ногая.

Чтобы глаза не могли оклеветать друг друга, бог создал между ними нос. Между братьями Кубылаем и Арик-Буги аллах забыл поставить преграду, и поэтому со временем между сыновьями Туле появилась огромная яма. Имя ей было — зависть. Другие потомки Чингиз-хана, тоже мечтающие о власти и славе, о троне деда, ссылаясь на то, что Кубылай первым нарушил закон предков и без решения курултая назвался ханом, усердно углубляли эту яму, превращая ее в пропасть.

Все смешалось под вечным небом. Потомки Потрясателя вселенной, позабыв о единой крови, текущей в их жилах, сделались врагами.

На сторону Кубылая встали: сын Угедэя — Кадан, сын Темугэ-очигана, младшего брата Чингиз-хана, — Тогушар. Под их рукой оказалось закаленное в многочисленных сражениях, приученное к повиновению, храброе войско, под ударами которого пал когда-то Северный Китай.

* * *

Но и у Арик-Буги были надежные и грозные союзники — отпрыски знаменитого Байдара, сына Джагатая, — Алгуй. Он участвовал во взятии Харманкибе и в покорении польских земель. На стороне Арик-Буги оказался внук Угедэя — Кайду. Это был отважный воин, участник многих походов. В это время он владел Мекринским аймаком в Восточном Тянь-Шане.

Силы, казалось, были равны. Но так только казалось.

Арик-Буги, сидевший на троне в Каракоруме, хорошо понимал, что Золотая Орда, подчиняющаяся номинально ему, была ненадежным союзником. Хан Берке давно мечтал отделиться и только ждал благоприятных для него обстоятельств.

Войска старшего сына Туле — Кубылая и самого младшего — Арик-Буги сошлись на берегах реки Онгин. Небо отвернуло свое лицо от младшего из братьев — тумены его были разбиты, а сам Арик-Буги бежал на Енисей к киргизским племенам.

Захватив Каракорум и оставив там небольшой войско, окрыленный победой Кубылай вернулся к себе в Китай, в главную свою ставку город Шанду. Вскоре сюда прибыл с повинной доверенный человек Арик-Буги. Кубылай, зная горячий нрав брата, его склонность прислушиваться к нашептыванию и сплетням, простил Арик-Буги.

Но другие потомки Чингиз-хана, ненавидящие удачливого Кубылая и сделавшие своим знаменем в борьбе с ним Арик-Буги, собрали войско и, напав на Каракорум, овладели им.

Арик-Буги, забыв о том, что еще недавно просил пощады, двинул свои тумены на юг, к владениям старшего брата, надеясь на этот раз одержать победу. Знаменитая конница Кубылая, состоящая из отборных воинов — кэшиктэнэ, остановила их на краю пустыни Гоби и вновь наголову разбила войско Арик-Буги.

Кубылай мог бы навсегда избавиться от монгольского великого хана в Каракоруме, но он не разрешил своей коннице преследовать бегущие тумены брата, поскольку не хотел, чтобы кровь монголов окропила ту землю, где когда-то великий Чингиз-хан поднял свое знамя и где родилось могущество монголов. Вместо этого Кубылай запретил посылать в Каракорум продовольствие. И там, где еще недавно наступали ногами на хлеб и масло, начался голод.

Накануне этих событий в ставку Арик-Буги прибыла Эргене-бегим — вдова Кара-Кулагу, правительница бывшего Джагатаева улуса. Не ради праздного любопытства проделала она долгий и трудный путь от Каракорума. Эргене-бегим искала союза с Арик-Буги. Она прекрасно понимала, что пожар междоусобицы с каждым годом будет разгораться все сильнее и не останется ни одного Чингизова потомка, которого бы он не коснулся. Любой ценой хотела она сохранить за собой улус. А на него уже жадно поглядывали два кровожадных соперника — Берке и Кулагу, — ожидали счастливого для себя часа. Нужен был надежный, сильный союзник, а вокруг в ближайших землях сидели или недруги, или такие, кто сам, замирая сердцем, ждал решения своей участи от более сильного соседа.

Стараясь заручиться поддержкой Каракорума, Эргене-бегим пообещала Арик-Буги, что, если Берке и Кулагу решат двинуть свои тумены на помощь Кубылаю, она пошлет своего сына Алгуя с войском в Восточный Туркестан, и тот преградит им путь.

Но Кулагу, похоже, пока не собирался ввязываться в борьбу между братьями. Зная, что рано или поздно это придется сделать, он спешно укреплял свое ильханство. Опыт подсказывал, что совсем скоро главным его врагом сделается Золотая Орда, и потому он стремился всеми силами поспорить Берке и Алгуя.

Но, пока вдова Кара-Кулагу вела переговоры в Каракоруме, Алгуй, не дожидаясь, как развернутся дальнейшие события, повел свои тумены в Кашгарию, где у него было много надежных и верных людей, усилил здесь свое войско и объявил себя ханом Восточного Туркестана.

Действовал новый хан стремительно и энергично. По его приказу двоюродный брат Никпей-Оглан с отрядом в пять тысяч воинов вторгся в пределы междуречья рек Сейхуна и Джейхуна. Почти без боя сдались ему главные города Мавераннахра — Бухара и Самарканд.

Алгуй, давно недолголюбивший Берке, по совету Кулагу приказал вырезать всех, кто имел какое-то отношение к Золотой Орде. Те же, кому удалось спастись, побросав свое имущество и скот, в страхе бежали из Мавераннахра. Это вынудило Берке искать союзника в лице Арик-Буги.

Недолгим и непрочным виделся всякому, кто имел глаза, союз между Берке и Арик-Буги. Великие пространства разделяли их, да и нетрудно было угадать, что Золотая Орда только ждет подходящего случая, чтобы навсегда отделиться от Каракорума.

Алгуй, чувствуя за собой силу, отважился пойти дальше и своими действиями заявить, что он больше не собирается поддерживать Каракорум. Покорив Мавераннахр, новый хан велел казнить эмиров захваченных городов, отнял у сборщиков податей казну, которая обычно отправлялась Арик-Буги. Не боясь мести за содеянное, Алгуй, заручившись словом Кулагу, что тот не будет мешать, двинул свои тумены к Хорезму и в Афганистан.

Все эти события произошли настолько быстро, что Золотая Орда не успела прийти в себя,

растерялась от ошеломляющих, дерзких действий еще недавно незаметного среди других чингизидов Алгуя.

Хан Берке был взбешен. Он понимал, что это еще не конец Золотой Орды, но развязка была где-то не за горами. Близок был час, когда огромная бычья шкура, какой он представлял себе земли Орды, изорванная, обкромсанная по краям другими чингизидами, могла превратиться в шкуру овцы. Если все ее владения ограничатся только степью Дешт-и-Кипчак, закат неминуем. Безбрежна степь, но земли ее родят только травы, и неоткуда будет брать хлеб, золото, шелка. А уйдет богатство — не станет и силы.

Нужны новые союзники, а ими могли стать только оруситы. Они были пока покорны, но кто мог знать, о чем думает, что замышляет никогда не понятный до конца кочевнику оседлый лесной народ?

Хан чувствовал, как неумолимо надвигалась старость, как все чаще и чаще не соответствовали друг другу желания и возможности. Уже не было времени, чтобы задумывать что-то на далекое будущее. И оставить Золотую Орду, власти над которой он жаждал много лет, не на кого. У Берке не было детей.

Через несколько дней Берке собрал ханский совет. На границах Орды становилось все беспокойнее, а тревожные вести, которые приносили гонцы, порой противоречили друг другу и оттого пугали еще больше.

Берке во всем подражал своему великому деду и совет собирал обычно лишь для того, чтобы объявить заранее принятое им решение. Этому же правилу придерживался всегда и Бату.

Ханский совет собрался в новом дворце.

На помосте, застеленном ярко-красным персидским ковром, на золотом троне сидел Берке. Одежда из желтого китайского шелка, расшитая золотыми узорами, еще больше подчеркивала желтизну лица хана. Он напоминал Будду, отлитого из чистого золота и поставленного на самое почетное место в пагоде.

В зале стояла почтительная тишина. Ближе к трону сидели чингизиды: сын Шейбани — Бархудар, лашкаркаши Ногай, сын Кулки — Саук, внук младшего брата Чингиз-хана Хасара — Жонгатбай. Дальше располагались нойоны, эмиры и другая знать, которую соблаговолил пригласить на совет хан.

Берке обвел собравшихся долгим изучающим взглядом.

— По воле аллаха я, властитель Золотой Орды Берке-хан, открываю совет. Аминь. — Он провел сложенными ладонями по лицу.

Собравшиеся замерли в ожидании. Хан сказал:

— Сегодня у Золотой Орды много важных и неотложных дел. На юге Кулагу-хан отправил потомков Джучи — Беркенжара и Болгутай огланов и, вырезав их людей, завладел всем Ираном и Азербайджаном.

Не лучше дела на Востоке. С тех пор как Арик-Буги и Кубылай затеяли войну, не в нашу пользу сложились обстоятельства в Мавераннахре, Хорасане и Хорезме. Алгуй — отпрыск знаменитого Байдара, который раньше не выказывал непочтительности к Орде, изгнал из Джагатайского улуса Эргене-хатун и объявил себя ханом. Он захватил Мавераннахр и Хорасан, а сейчас его тумены готовы бросить к ногам Алгуя Хорезм. Он посмел вырезать наших наибов и сборщиков налогов в Бухаре и Самарканде. — Берке замолчал, колючими зрачками из-под опухших век оглядел собравшихся. — Что скажете вы, лучшие из лучших, бесстрашные из бесстрашных, сносить ли могучей Золотой Орде эти обиды или обнажить против непокорных меч? А может быть, кто-то из вас укажет иной путь, чтобы наказать врагов?

Никто не успел ответить хану. Распахнулась дверь, и в зал вошел Салимгирей. Нарушать ход совета считалось страшным преступлением. Решиться на это мог только начальник личной охраны, если хану угрожала опасность или если прискакал гонец с особо важной вестью.

Все ждали, что скажет сотник.

— Говори, — брови Берке сошлись на переносице, а глаза впились в лицо Салимгирея.

Тот поклонился:

— Плохие вести, великий хан...

— Я приказываю — говори! — повторил Берке. — Здесь собрались те, кто может знать все.

— Великий монгольский хан в Каракоруме Арик-Буги послал в землю орусотов свой отряд под предводительством Шелкене-баскака, не сообщив об этом ничего в нашу ставку. Воины стали требовать у орусотов ту дань, которую они обычно присылают в Орду. Орусоты выказали непокорность и окружили отряд Шелкене-баскака. Гонец сказал, что отряду грозит гибель.

— Значит, жив еще старый волк Шелкене? — взволнованно спросил Бархудар.

— Выходит, что да, — сказал Салимгирей, — если тянет из орусотов жилы.

Бархудар хотел одернуть сотника. Его ли дело вмешиваться, когда говорит чингизид, но Берке вдруг властно поднял руку.

— Никаких податей для Каракорума, — жестко сказал хан. — Пусть гонец передаст орусотам, что они могут полностью вырезать отряд. Живым мне нужен только Шелкене-баскак. Проследи, сотник, за этим сам. Шелкене-баскак много сделал для величия трона, и я хочу, чтобы он вернулся в монгольские степи живым.

Члены совета молчали. Приказ Берке означал полный разрыв с Каракорумом. Все ждали этого давно — ссора была неминуема, и все-таки происшедшее для многих показалось неожиданным.

Бархудар, пользуясь правом самого старшего из потомков Джучи, сказал:

— Великий хан, принимая это решение, вы тем самым нарушаете главный завет Чингиз-хана...

— Я знаю и помню об этом, — сухо сказал Берке.

— Надо ли поступать так?

— Да. Это нужно для благополучия Золотой Орды.

Взгляд Берке упал на двадцатилетнего Улкетай-нойона. Он был внуком эмира Джалаири атабека Кадана, который в свое время воспитывал сына Чингиз-хана — Угедэя. Его отец Алжетай верой и правдой служил Угедэю и за свою честность и прямоту был пожалован званием эмира. В тот год, когда курултай поднял на белой кошме великим монгольским ханом в Каракоруме сына Тули храброго Менгу, Алжетай не боясь мести, сказал чингизидам: «Каждый из вас давал в свое время клятву, что сделает ханом, согласно заветам великого Чингиз-хана, любое живое существо из потомства Угедэя. Известно, что даже корова не посмеет есть траву, куда ступит это существо, а собака не решится нюхать его след. Вы же сегодня нарушили клятву».

Ответил ему Кубылай: «Да, мы давали клятву... Но ведь первыми дедовские законы нарушили потомки Угедэя. Чингиз-хан говорил: „Если кто-то из моих потомков совершит преступление или перестанет уважать законы, то такого человека могут судить только мои потомки, собравшись вместе“. Род Угедэя же, никого не спросив, умертвил внука Джагатая — Алталу-оглана. Если тебе мало, то я скажу еще... Разве не сам Угедэй, умирая, попросил сделать его преемником младшего сына Шарамуна? И здесь его потомки нарушили закон, подняв на белой кошме ханом Гуюка».

Это была истинная правда, и Алжетаю пришлось замолчать.

Так это было тогда. И, глядя сейчас на Улкетая, Берке подумал, что чингизиды уже давно не придерживаются порядков, установленных их великим дедом, а когда нужно, толкуют их так, как это выгодно им. Что ж, свой улус, свое ханство, свои интересы ближе.

Ни раскаяния, ни угрызений совести не испытывал Берке, решившись на разрыв с Каракорумом. Наоборот, приняв и объявив это решение, он почувствовал облегчение. Больше не было тайных мук, неуверенности. Отныне Золотая Орда все решения будет принимать сама, без оглядки и выпрашивания позволения у монгольского великого хана. И больше не надо отсылать в центральную ставку часть добычи и дани, собранной с подвластных народов.

Уверенный в правильности принятого им решения, Берке обратился к членам совета:

— Скажите мне, кто сейчас великий хан монголов — Кубылай или Арик-Буги? Они сами не могут ответить на этот вопрос. Так, может быть, нам пришла пора посылать дань обоим? Нет. Золотая Орда отныне ни с кем не будет делиться своею добычей. Нам предстоит поднять меч на Кулагу и Алгуя и поэтому самим понадобятся скот и хлеб, который мы получаем из покоренных земель, чтобы кормить наших воинов. Нам нужно золото и деньги, чтобы снаряжать тумены и награждать храбрых и доблестных.

Большинство членов совета согласно закивали, заговорили, одобряя мудрость хана. И только Бархудар и Саук не проронили ни слова. Они были самые старые здесь и еще хорошо помнили блеск и величие империи, созданной Потрясателем вселенной, помнили время, когда между чингизидами царил мир и объединяла одна цель. Старые воины понимали, что теперь, когда Золотая Орда отделилась от монгольского великого ханства в Каракоруме, зашатался остов монгольского государства и белое девятихвостое знамя Чингиз-хана уже никогда не соберет вокруг себя сильное и единое войско. Предчувствие близкой беды носилось в воздухе. Золотая Орда, главная опора Каракорума, отвернулась от него в самое трудное время. Но, видимо, так было предначертано судьбой, потому что на все, что происходит на земле, есть воля аллаха.

Совет в этот день продолжался долго. Было решено направить против Кулагу двадцать тысяч воинов под предводительством Ногай, а десятитысячное войско на Алгуя поведет сам Берке. В аулы и кочевья Дешт-и-Кипчак помчались гонцы объявлять народу ханское решение, звать кипчаков, мангутов, болгар и джигитов других племен, покоренных Золотой Ордой, в поход.

Вечером того же дня во дворец прибежал нукер и, упав ниц у ног Берке, закричал:

— О великий хан! Я принес вам плохую весть!..

— Когда здесь кто-нибудь явится с хорошей вестью? — зло бросил хан, и лицо его залила матовая бледность, недоброе предчувствие жало сердце. — Говори. Что случилось?

— Убит один из ваших лебедей!

Суеверный Берке вздрогнул и отшатнулся словно от удара.

— Искать! Искать виновного! Я предам его самой страшной смерти, какая только есть на земле!

Но поиски были напрасными.

Со смертью лебеда поселилась в душе Берке смутная, щемящая тревога. Она была похожа на предчувствие, мешала жить, думать, действовать. Это был знак судьбы, но какой, о чем он предупреждал? А может быть, это само Небо говорило хану о том, что, раз погиб один из священных лебедей, значит, и один из походов, задуманных Берке, будет неудачным? Тогда следовало искать выход.

И хан нашел его. Вместо себя предводителем войска, идущего против Алгуя, он назначил молодого нойона Улкетая.

Мудрый Бархудар попытался осторожно предупредить хана:

— Улкетай слишком молод. Ему всего двадцать лет... По плечу ли будет такое дело?

Берке возразил:

— А сколько было нам с тобой, когда отцы отдавали под наше начало тумены? Улкетай молод, но у него много силы и большое желание отличиться в битве. Я верю в него...

Подготовка к походам шла в Орде по издревле заведенным порядкам, поэтому каждый знал, что ему делать, и выполнял порученное рьяно, без проволочек и задержек.

Берке по-прежнему каждое утро приезжал на камышовое озеро и подолгу слушал тоскливые крики одинокого лебеда.

Ощущение надвигающейся беды не проходило. Люди внимательно следили за каждым шагом своего хана и не понимали его. Как и все чингизиды, он ни к кому не знал сострадания, но почему же тогда хан так переживает и тоскует о погибшем лебеде? Неужели годы смягчили сердце Берке?

Нет. Сердце хана по-прежнему оставалось таким, каким и было, и никто не догадывался, что из всех чингизидов именно Берке больше всех жаждет насилия. Просто у него не было тех воинских способностей, которыми обладал его брат Бату, иначе он давно бы уже превратил землю в пустыню и заставил бы течь по ней реки крови.

Через неделю после того, как Ногай и Улкетай выступили со своими туменами в поход, рыжий нукер, замещавший сотника Салимгирея на время его поездки в орусутские земли, принес хану недобрую весть.

— Великий хан! — сказал он. — Гонец из Мавераннахра сообщил, что, как только Алгуй и Кулагу узнали о начатом против них походе, они приказали выгнать за городские стены Бухары всех ремесленников, принадлежавших Золотой Орде, и вырезали их вместе с женами и

детьми.

Весть действительно была плохой, но глаза Берке мстительно блеснули. Он вспомнил свою поездку в Бухару, вспомнил ночь, беспокойный и тревожный свет факелов над головами тысяч людей, которые осмелились предъявить свои требования ему, великому хану Золотой Орды. Вспомнился страх, который охватил тогда его в узких, как глиняные ущелья, улицах... Возмездие настигло бунтовщиков. Жаль только, что не сам он устроил эту резню.

Видя, что хан молчит, рыжий нукер подумал, что до него не дошла важность всего случившегося, и сказал:

— Они, наверное, сделали это для того, чтобы Золотой Орде не с кого было брать подати?

— Да, это так, — равнодушно согласился Берке. — Все равно ремесленники были под властью Алгуя. Пользы от них Орда в последнее время не видела... Скоро у нас будет много новых рабов. Совсем скоро...

А Салимгирей в это время, загоняя коней, все дальше уходил от пределов Золотой Орды. Он выполнил поручение хана — не дал орусутам убить Шелкене-баскака. Но спас он его не для того, чтобы разрешить ему жить на земле. Уже немолодой, но по-прежнему сильный и широкоплечий, с густыми хмурыми бровями баскак, как и раньше, оставался грозой покоренных народов. Даже среди монголов он выделялся своею жестокостью. Там, где появлялись сборщики податей баскака Шелкене, пылали избы, кричали женщины и дети, все живое и непокорное превращалось в прах. Салимгирей считал, что такой человек не должен жить. Но надо было выиграть время.

Когда наконец миновали земли орусутов, где можно было встретиться со шныряющими повсюду отрядами монголов, Салимгирей послал одного из своих воинов в Сарай, чтобы тот сказал Берке о выполненном поручении.

Этой же ночью сотник увел Шелкене в лесную чащу и зарубил его саблей. На рассвете отряд Салимгирея, состоящий из преданных ему людей, повернул своих коней в сторону Кавказских гор. Сотник знал, что Берке, обманутый его вестью о возвращении, не скоро догадается, что произошло, и, пока пошлет погоню, отряд успеет уйти далеко.

На побег Салимгирей решился не сразу. Но обстоятельства складывались так, что оставаться дальше в Орде было рискованно. Люди хана упорно искали человека в черном, который поднял рабов на бунт. Еще никто не догадывался, что это был Салимгирей, но петля с каждым днем затягивалась все туже, и ему, сотнику личной охраны хана, это было видно лучше, чем другим.

Из Самарканда доходили слухи, что там появилась община, которая выступает против мулл, ишанов и ханов, обманывающих и грабящих народ, а руководит недовольными человек по имени Тамдам. Салимгирею не надо было объяснять, кто это такой.

Об одном жалел сотник, что не осуществил свой давний замысел — не убил хана Берке. Но, видимо, на все воля аллаха.

Салимгирей еще не знал, что Берке ждет его не только потому, что он должен привезти Шелкене-баскака. Круг замкнулся. Люди хана уже указали на сотника и нашли тех, кто мог подтвердить его причастность к бунту рабов и побегу Коломона и Кундуз.

В землях, лежащих к востоку от Золотой Орды, бушевал пожар.

Потерпев поражение от Кубылая и понимая, что ему никогда не одолеть брата, монгольский великий хан в Каракоруме Арик-Буги двинул свои тумены на другого послушника — Алгуя. Главенствовали над войском Кара-Буги-нойон и сын покойного хана Менгу — Асутай.

Алгуй, предупрежденный заранее лазутчиками, неожиданно напал на Кара-Буги у озера Сум. В бою сам нойон погиб, а войско его было рассеяно по степи.

Довольный легкой победой, забыв об осторожности, Алгуй велел разбить свои походные шатры для долгого отдыха на берегу мутной и быстрой реки Или.

За беспечность Алгуй был жестоко наказан. Второе крыло каракорумского войска под предводительством Асутая, совершив стремительный ночной переход, словно горный поток обрушилось на лагерь Алгуя. Хану едва удалось спастись. С небольшим отрядом он бежал в Восточный Туркестан.

Окрыленный первым успехом в долгой борьбе со своими противниками, Арик-Буги сам, с

новым войском, глубокой осенью прибыл в Илийскую котловину, чтобы, перезимовав здесь, довершить разгром Алгуя и вернуть в подчинение Каракоруму утерянные владения.

Арик-Буги был горяч, и оттого решения его не всегда были обдуманными. Здесь, на берегу своенравной Или, стал вершить он суд над теми, кто уцелел из войска Кара-Буги. Без жалости лишил он многих нойонов жизни, обвинив их во всех неудачах.

Видя такую жестокость монгольского великого хана, эмиры кочевых племен, примкнувшие к нему в начале похода, с наступлением зимы под разными предлогами начали покидать его.

Зима в тот год выдалась суровая. Глубокие снега укрыли илийскую пустыню, и даже монгольские лошади, привыкшие добывать свой корм в любых условиях, начали тощать. Оттепель сменилась жестокими морозами и ураганными ветрами. Положение в войске Арик-Буги с каждым днем становилось все более тяжелым. У местного населения было отобрано все, что могло пригодиться монголам, но и это не спасло. К весне в его войске почти не осталось коней. Монгол без коня уже не воин, а легкая добыча всякого, кто пожелает взять ее.

Никогда еще с тех пор, как великий Чингиз-хан собрал под свое девятихвостое белое знамя всех монголов, никогда войско монголов не оказывалось в таком плачевном, безвыходном положении. Арик-Буги вынужден был просить пощады у Кубылая и сдался на милость победителя.

Во второй раз Кубылай явил брату милость. Он даровал жизнь Арик-Буги и сыну покойного монгольского великого хана Менгу — Асутаю, остальных же нойонов, предводительствовавших в войске, велел зарезать.

Алгуй, бежавший в Восточный Туркестан, собрал новое войско, взял в жены изгнанную им же из Джагатаева улуса вдову Кара-Кулагу — Эргене-хатун, выразил покорность хану Кубылаю и таким образом признал над собой его власть.

В то время, когда счастье и удача улыбались новому правителю Джагатаева улуса, войско Улкетая, перезимовав в степях Дешт-и-Кипчак, выступило с низовьев Итиля в сторону городов Сыганак, Отрар и Сузак.

Навстречу ему, чувствуя надежную поддержку своего покровителя Кубылая, двинул тумены Алгуй...

* * *

Черная весть достигла ушей хана Берке утром, когда он, совершив омовение, закончил читать молитву. Израненный, черный от усталости гонец сообщил ему, что войско Золотой Орды после трех дней сражения разбито, а храбрый Улкетай погиб на поле битвы. В отместку за дерзость Алгуй сжег и разрушил принадлежащий Золотой Орде город Отрар.

Поражение Улкетая было тяжелым ударом по честолюбивым замыслам Берке. Все начиналось не так, как он задумал. Нужна была хотя бы маленькая победа, чтобы воодушевить воинов, подготовить их к предстоящим трудным сражениям.

А может быть, этого захотело само Небо? Ведь не просто так погиб его любимый лебедь. Не было ли это знаком свыше?

Берке знал: за первой черной вестью чередой, словно верблюды в караване, пойдут другие. Он не ошибся.

Скоро стало известно, что Алгуй захватил Семиречье, Восточный Туркестан, Мавераннахр, половину Хорезма и Северный Афганистан.

После добровольной сдачи Арик-Буги и Асутая, после признания своей зависимости от Кубылая все земли империи Чингиз-хана, кроме Золотой Орды и ильханства Кулагу, стали принадлежать ему. Отныне настоящим великим ханом монголов сделался Кубылай.

Тяжелые думы не давали покоя Берке. Количество врагов уменьшилось, но те, что остались, приобрели большую силу и могущество. На востоке — Кубылай. На юге — Кулагу. У них много внешних врагов, но и Золотая Орда для каждого желанная добыча. Правда, она уже не такая, как была при Бату, нет того величия — соседи успели поживиться лакомыми кусками, отгрызли самые богатые и многолюдные земли, и тем не менее... Берке был уверен, что еще

сможет собрать сильное войско. Рот, привыкший сытно есть, и рука, привыкшая щедро брать, не смиряется с потерями.

Другое тревожило Берке. Доходят слухи, что Кубылай собирается объявить себя императором Китая. Кто помешает после этого ему, великому хану монголов в Китае, заявить, что он отныне подобен самому Чингиз-хану и, следовательно, все земли, куда ступало копыто монгольского коня, подвластны ему? Что делать, если действительно такое произойдет?

И Кулагу сильный и хитрый волк. Безжалостно и решительно расправился он с восставшими грузинами. А если еще одержит верх над мамлюками Египта, которыми предводительствует Бейбарс, то весь мир окажется поделенным между Кубылаем и Кулагу. И тогда наступит черед Золотой Орды.

Только теперь, когда над Ордой сгустились тучи, Берке впервые понял, как трудно быть ханом. Тщеславный, мечтающий только о славе, он со страхом подумал о том, что скажут будущие поколения, если он уронит знамя Золотой Орды, что скажут чингизиды — потомки Потрясателя вселенной.

Тот, кто выбрал дубинку не по силам, обязательно уронит ее на свою голову. Не случится ли с ним такое? Не напрасно ли он вскарабкался на золотой трон?

Изодранный за долгие годы ум искал выхода, пытался открыть хоть какую-то лазейку, но все было безрезультатно.

В последнее время Берке чаще обычного стал бывать у заповедного озера. Здесь его ничто не отвлекало от дум, никто не смел нарушить его покой и одиночество. Хан не любил людей и потому никогда не искал дружбы и ни с кем не советовался. Он знал: в степи нельзя никому верить до конца. Если ты достиг богатства и славы — будь осторожным, потому что вокруг только завистники и враги, прикидывающиеся друзьями.

Однажды, придя, как обычно, к озеру, хан был поражен. На зеркальной глади плавал не один лебедь, а три. Откуда они взялись, Берке не мог понять. Неужели это вернулись, не оставили в беде одинокую птицу прошлогодние птенцы? А если это так, то неужели среди чингизидов, родных по крови людей, не найдется таких, которые бы в это трудное время поддержали его? Нет, надо искать себе надежного союзника. Пусть сыновей хана Тули трое, но потомков Чингиз-хана много, и найдутся такие, кому дела братьев придутся не по душе, как это случилось с ним, с Берке.

Сразу же вспомнился внук Угедэя — Кайду. Что из того, что он не из рода Джучи? Вместе с Бату-ханом, тогда еще юноша, он ходил в походы на оруситов. Он был смелым и умным воином. В последние годы он владел землями, лежащими между Китаем и Уйгурстаном. Кайду старался не вмешиваться в междоусобицу чингизидов, но пристально следил за всеми событиями, потому что рядом с его улусом находился Джагатаев и усиление Алгуя так же грозило ему неприятностями. Опорой войска Кайду были бекрины и кочевавшие на подвластных ему землях кипчакские роды — уйсыны, дулаты, албаны, сыбаны.

Едва ли Кайду захочет подчиниться Алгую, а это должно было неминуемо произойти, если тот почувствует, что ему нет достойных соперников.

Надо было немедленно послать к Кайду надежного человека и постараться склонить его на свою сторону.

Берке всегда верит в приметы. И эти три лебедя... Быть может, сама судьба подсказывает выход? Нужен крепкий союз. Он сам, Кайду... А кто третий?

О третьем Берке думал давно, еще до того, как сел на трон Золотой Орды. Мечтая сделаться знаменем ислама, он внимательно следил за тем, что происходило в Египте. Мамлюки могли стать его опорой. Они мусульмане и находятся в постоянной вражде с Кулагу, который поддерживает христиан.

Если удастся укрепить союз с Бейбарсом, то ни Кулагу, ни Алгуй не смогут устоять против Золотой Орды и мамлюков.

День, когда Берке увидел на озере трех лебедей, стал для него радостным. Едва он вернулся во дворец, как прибыли послы от Кайду. Возглавляла их восемнадцатилетняя дочь правителя улуса Кутлун-Шага. О бесстрашии и воинских подвигах ее ходили легенды. С тех пор как научилась она сидеть на коне и владеть луком, Кутлун-Шага постоянно сопровождала отца во всех походах. Она была красива, и монголы дали ей имя Ангриям — Светлая, как луна.

Кутлун-Шага была не замужем, и злые языки утверждали, что Кайду любит ее не только как дочь.

После пира, когда хан и Кутлун-Шага остались одни, она рассказала о цели своего приезда. Кайду просил помощи для борьбы с Алгуем.

Утром Берке призвал к себе жаурыншы ²⁸ и попросил погадать на Кайду. Тот сказал, что выступление Кайду против Алгуя будет счастливым.

Через неделю Кутлун-Шага покинула ставку Берке, получив право собрать тумен воинов на землях Золотой Орды, граничащих с Джагатаевым улусом. Во главе войска и каравана, груженного дорогими подарками, Айгирим отправилась в улус своего отца.

Не прошло еще и недели, как уехала Кутлун-Шага, а в ставку Берке прибыли послы из Египта.

В переговорах была достигнута договоренность, что Бейбарс не только выступит против Кулагу, но и объявит газават — священную войну всего мусульманского мира против неверных. Белым знаменем этой войны на землях Дешт-и-Кипчак станет ревностный защитник ислама Берке-хан.

Все складывалось как нельзя лучше. К Берке снова вернулась уверенность в своих силах, и положение Золотой Орды уже не казалось ему таким тяжелым и безвыходным. Пришло время подумать о врагах не только внешних, но и внутренних. Хан велел объявить, что если кто-нибудь принесет ему голову Салимгирея, Коломона и Кундуз, то будет щедро награжден.

А в это время беглецы уходили все дальше и дальше от владений Золотой Орды. Отряд их рос с каждым днем — беглые рабы разных народностей вливались в него.

Из владений Алгуя приходили печальные вести. Новый хан, узнав о посольстве мамлюков в Золотую Орду, жестоко расправлялся с мусульманами. Давно уже никто из чингизидов не устраивал такого кровопролития — вырезались не только взрослые мужчины, но и женщины, и грудные младенцы.

В это время умерла жена Алгуя Эргене-хатун, и он заявил, что в ее смерти повинны мусульмане.

Вести были печальными, но Берке они радовали. Чем больше Алгуй творил зла, тем больше мусульман искало защиты у Золотой Орды, видя в хане свою единственную надежду и опору.

Но напрасно верил в свое могущество Алгуй. Даже сильный ветер меняет направление, если путь ему преградит буря. Бурей этой стал Кайду, спокойно выжидавший своего часа в горах Тарбагатая. Он понимал: чтобы не потерять принадлежащий ему улус, пора действовать.

Кайду был храбрым и дальновидным воином. Совместные походы с Бату не прошли для него даром, он многому научился и перенял от великого хана. Кроме того, долгая служба в Каракоруме при хане Менгу научила его разбираться в событиях, разгадывать интриги чингизидов. Кайду хорошо понимал, что пройдет совсем немного времени и, если ничего не предпринимать, жадные руки Алгуя или Кубылая обязательно протянутся к его улусу.

На принадлежащих Кайду землях в давние годы осело много воинов и нойонов, помнящих золотую пору Чингиз-хана, славные походы его сына Угедэя, разумное правление хана Менгу, когда монголы еще были едины и потомки Потрясателя вселенной не отважились вступать друг с другом в междоусобную борьбу. Им было больно смотреть, как клонилось к закату могущество Монгольского великого ханства, а монгольские роды, когда-то объединенные железной дисциплиной, принимали сторону то одного, то другого чингизида.

И когда Кайду, готовясь к борьбе с Алгуем, обратился к ним за помощью, под его знамя собрались все, кто еще мог держать оружие, а кто не мог — прислали своих детей и внуков. В войско пришли бекрины, уйгуры, кипчаки. За короткое время он собрал силы, способные противостоять и Алгую, и Кубылаю. Войско, в котором оказалось много старых воинов, свято соблюдало заветы Чингиз-хана и готово было идти до конца за своим предводителем.

А Кайду умел умно и толково распоряжаться туменами. Невысокий, широколицый и скуластый, все еще крепкий, несмотря на возраст, он, казалось, ничего не взял от матери,

²⁸ Жаурыншы — предсказатель, читающий судьбу на лопатке барана.

сохранив облик типичного монгола. Кайду не носил ни бороды, ни усов. На крепком бронзовом подбородкеросло всего девять волосинок, и он любил постоянно поглаживать их.

Отец его Каши умер от вина, сделавшись пьяницей. Сам же Кайду не пил даже кумыса. Это было редкостью в роду Угедэя, где пили все сыновья и внуки. Характером он походил на Чингиз-хана. У него была всегда ясная голова, и любое дело Кайду взвешивал долго и хладнокровно, не доверяясь душевным порывам.

Так же, как и его прадед, он разделил войско на лагеря и во главе каждого поставил одного из своих сыновей. Чужим Кайду не доверял. Лагерь, преграждающий путь Кубылаю, возглавлял второй сын — Орус, на границах с Золотой Ордой стоял третий сын — Байкагар, четвертый сын, Сарбан, должен был противостоять Кулагу. Сам Кайду вместе со своим первенцем Шапаром и младшей дочерью Кутлун-Шага начал готовиться к встрече с войском Алгуя.

Добрые вести, словно ветер, разгоняли мрачные тучи с южных и восточных горизонтов Золотой Орды. Берке-хан, благодаря аллаха за оказанную ему милость, велел принести большую жертву — было зарезано много различного скота и устроен небывалый для ставки Орды той ²⁹.

Жизнь похожа на небо. Она то голубая и светлая, но вдруг набегут тучи и скроют от глаз солнце, и сразу ветер делается холодным, а по горизонту заплещутся молнии и долетят глухие раскаты грома.

Едва отшумела радость в Орде по случаю победы Кайду и удач Ногая, как всадник на взмыленном коне принес грозную весть о том, что взбунтовались орусутские города: Ростов, Ярославль, Суздаль и Великий Устюг. Ни Каракоруму, ни Золотой Орде, ни хану Кубылаю из Ханбалыка ³⁰ не хотели платить их жители дань.

Гонец сказал: «Пожар может распространиться по всей земле орусутов».

Пожалуй, он прав. Не впервой встречался Берке с непокорностью орусутов и всегда старался надолго сломить их волю. Но такого еще не было, чтобы поднялись сразу четыре города. Здесь действительно может начаться большой пожар, и справиться с ним будет трудно.

Кто в Орде всей душой ненавидит орусутов? Кого послать в их земли с карающим монгольским мечом? Беркенжара? Но он болен, и это дело ему сейчас не по плечу. А может быть, сделать так, как поступал Бату, — поссорить князей? Сколько раз уже было, когда самолюбивые князья легко попадались в расставленный капкан.

При всех ханах больше всего боялась Золотая Орда объединения орусутов. С каждым годом все чаще появлялись люди, мечтающие собрать вместе разрозненные земли и освободиться от ненавистного ига. Простой народ отказывался повиноваться тем князьям, что готовы были служить Орде.

Тяжелой, невыносимой была жизнь орусутов. После опустошительных набегов приходили баскаки. В Орде на эту должность назначались самые жестокие, безжалостные воины. Кроме подушного налога, зависимые княжества должны были отдавать десятую часть урожая и половину добытой пушнины. Если же кто-то не мог дать требуемое, то сборщик дани сам вносил в казну Орды что полагалось, с тем, чтобы должник в будущем году возвратил ему с процентами. Если должник не рассчитывался и в этот раз в срок, то его ждало рабство. Иногда сбор податей осуществлялся через доверенных лиц из местного населения. Таких людей орусуты называли бесерменами, кипчаки же дали им прозвище кырманы ³¹.

Во времена правления монгольского великого хана Менгу для упорядочения сбора налогов и податей в орусутские земли был послан человек по имени Пысык Берке. Хитрый и злобный, он служил когда-то у китайца Елюй Чуцая, главного советника Угедэя.

²⁹ Той — праздник, пир.

³⁰ Ханбалык — город Пекин. По-монгольски — город Хоиюв.

³¹ Кырманы — название не совсем понятное. Оно может происходить от кипчакского слова «кыру» — резать (имеется в виду жестокость сборщиков), или же оттого, что десятина бралась прямо на току («кырман» — ток).

Пысык Берке решил провести перепись населения и скота всех орусутских княжеств. Того же он потребовал от свободного Новгорода. Новгородцы, освобожденные от налогов и податей во время правления хана Сартака, воспротивились. Но обстоятельства складывались не в их пользу. У границ по-прежнему стояли немецкие рыцари, и ссориться с Каракорумом и Золотой Ордой было опасно. Под давлением бояр Новгород принял решение провести у себя перепись.

Орусутские города бурлили недовольством. Баскак Китака, устроив свою ставку в Ярославле, при помощи бывшего монаха Изосима, принявшего мусульманство, все туже затягивал петлю податей и налогов на горле орусутов. Потянулись вереницы рабов на невольничьи рынки Бухары, Самарканда и Стамбула.

И вот теперь города восстали. Долго думал Берке, кого послать на усмирение. Выбор пал на Саука. Хан знал о его ненависти к орусутам и потому был уверен, что старый советник сделает все как надо.

* * *

Пятитысячный отряд подошел к стенам Ростова Великого на рассвете. Это был на его пути первый город, где предстояло показать орусутам грозную силу монгольского меча.

Приказав разбить походные шатры, Саук немного вздремнул, а когда вышел снова из своего белого шатра, солнце уже вовсю играло на церковных куполах города.

В этот миг Саук совсем не был похож на семидесятилетнего старика. Движения его сделались быстрыми, глаза смотрели ясно и молодо. Наконец-то наступил тот день, когда он мог сполна отомстить орусутам.

— Позвать сюда Каблан-нойона! — приказал Саук.

Проворный нукер, сунув в ножны кривую саблю, побежал выполнять приказ.

Саук в задумчивости смотрел на лежащий перед ним город. Долго же пришлось ждать этого дня. Еще вчера не было в Орде более тихого и незаметного человека, чем он. Многим казалось, что и звание ханского советника Саук получил совершенно случайно. Давая совет хану, он никогда не повышал голоса и, если Берке не соглашался или выражал недовольство, сейчас же умолкал. Люди порой считали, что Сауку совершенно безразлично, какое решение примет хан, но это было далеко не так.

Просто он хорошо научился скрывать свои мысли, а в душе всю жизнь тлел, не затухая, крохотный огонек надежды.

Саук принадлежал к потомкам Чингиз-хана, а кто из них не мечтал о власти, не мечтал повелевать народами, завоевывать новые земли и постоянно купаться в лучах удачи и славы?

Уже в семнадцать лет понял Саук, что цель почти недостижима. Отец его, Кулкан, погиб при взятии орусутского города Коломны. Мать, Кулан-хатун, была младшей женой Чингиз-хана. Она не помнила ни своего рода, ни племени. Было ясно — никто из чингизидов, происходящих от старших жен, не уступит ему дорогу; кроме того, в Орде не было и родственников по линии матери, на которых можно было опереться в будущей борьбе за трон. Если бы был жив отец...

Очень скоро Саук понял, что у него нет и особых способностей, которые бы помогли ему выделиться среди других чингизидов. Но тайная мечта все равно не покидала его и жгла сердце. И снова думал он об отце и верил, что, если бы орусуты не отняли у него жизнь, все сложилось бы по-другому. Отец был бесстрашным воином. В такие минуты Саук яростно ненавидел орусутов и считал их единственными виновниками крушения всех его планов и надежд.

С годами в душе появилось новое чувство — желание мстить за отца и за себя. Ради этого он пользовался каждым случаем, чтобы принять участие в походах на земли орусутов. Но где возьмешь способности полководца, если не было их с рождения? Трижды Саук возглавлял отряды воинов, и ни разу не зажглась над его головой звезда удачи. Трижды только быстрый конь спасал его из петли смерти.

Бату и другие чингизиды, видя неспособность Саука к войнам и набегам, учитывая его замкнутость и неразговорчивость, решили оставить его в ставке Орды советником.

Это было еще одно поражение, крушение последних надежд на могущество и славу. Злоба, отчаяние захлестнули Саука. Все кипело в нем и бурлило, в каждом слове и поступке

других чингизидов чудилась насмешка, но он, умея владеть собой, сделал вид, что вполне доволен новым назначением. Только к орусутам он не мог скрыть своей ненависти и потому при каждом удобном случае советовал ханам уничтожать их.

И сейчас, глядя на непокорный орусутский город, Саук вдруг отчетливо вспомнил приезд новгородских послов в Орду, к хану Сартаку. Проклятые гяуры убили отца, они же преследовали и его самого. Ведь именно тогда он едва не выпил предложенную рыжебородым Святославом чашу отравленного вина. Если бы Саук знал, что вино отравлено, он бы никогда не прикоснулся к нему. Но во всем был виноват орусут, его глаза. С какой ненавистью смотрел старый воин на монголов! В его поступке был вызов, и, загоревшись ответной ненавистью, Саук превозмог страх, который никогда не покидал его, и взял чашу.

Сегодня все по-другому. Страх нет. За его спиной готовые подчиниться любому его жесту, каждому слову пять тысяч отважных воинов с глазами, горящими от скорой битвы и предстоящей добычи. Пусть на старости лет, но пришло время, когда в его власти совершить кровавую тризну по погибшему в орусутских землях отцу. Он растопчет непокорные города, превратит их в прах, и они уже больше никогда не смогут подняться из пепла, чтобы перечить Золотой Орде.

Саук вдруг подумал, что было бы хорошо, если бы когда-нибудь в его руки попал рыжебородый орусут Святослав. Он заставил бы его сказать, почему тот так ненавидит монголов. Он припомнил бы ему ту чашу с отравленным вином...

Запыхавшись от быстрого бега, гремя кривой саблей, к шатру приблизился большой и тучный Каблан-нойон.

Саук сказал:

— Отправляя нас в поход, великий Берке-хан велел нам, прежде чем разрушить город, спросить у орусутов, чего они хотят. Возьми сотню воинов и отправляйся к ним. Если сочтешь, что желания их не совпадают с нашими, зови орусутов, чтобы они вышли сражаться с нами за крепостные стены. Не согласятся — пригрози, что сожжем город, а самих предадим страшной смерти.

— Слушаюсь и повинуюсь...

Каблан-нойон заторопился к своим воинам.

Вернулся он только в полдень.

— Я исполнил то, что повелели вы...

— Говори. Я слушаю.

— Завтра в это время орусуты выйдут из города.

На миг Сауку сделалось страшно. Где-то в душе он хотел и боялся этого сражения, потому что живы были в памяти горькие уроки, полученные им в молодости.

— Они не пожелали выказать нам свою покорность?

— Нет. — Каблан-нойон наклонил свою большую и тяжелую голову. — Я не смог узнать, где находится князь. Приближенные же к нему люди схвачены и посажены в яму. Бунтует чернь. Руководят всем поп по имени Ростислав, а советником у него старик Святослав из Новгорода. Говорят, что они братья. Восставшие заковали Китака в цепи, Изосима, принявшего нашу веру, казнили. Горожане сказали: «Если вам нужен Китака, то возьмите его, но ни податей, ни налогов мы давать вам больше не станем».

— Что говорили еще?

— Требовали, чтобы мы никогда не присылали к ним бесерменов.

— И что ты сказал им?

— Я ответил, что этому не бывать. Велел освободить Китака, прекратить бунт... Если же они не сделают этого, то мы предадим их смерти.

— Что ответили они тебе?

— Чем так жить — лучше умереть. — Каблан-нойон помолчал. — Я думаю, что они не остановятся ни перед чем...

— Врагов много?

— Нет. Только горожане и те, кто пришел из ближних деревень. Вооружены чем попало...

— Что ты предложишь? Как нам следует поступить?

— Зачем откладывать то, что мы можем сделать сейчас? Надо начать штурм города.

Иначе кто знает — не идет ли им помощь от других городов? Сегодняшние орусуты — не вчерашние. Я видел это. Тот, кто разделся, не испугается и обязательно войдет в воду. У орусутов нет страха, и потому не стоит тянуть время.

— Пусть будет так, — важно согласился Саук. — Ты угадал мои мысли.

Гортанные крики пронеслись над лагерем монголов. Забегали, засуетились люди. Тревожно и пронзительно ржали кони.

— Вперед! — приказал Саук. — Да поможет нам дух — аруах великого Чингиз-хана!

Штурм был яростным и недолгим. Когда огненно-красная луна поднялась над черными орусутскими лесами, город пылал, словно огромный костер. Но и в ночи, посветлевшей от багрового пламени, до самого рассвета звенело железо об железо, тонко взвизгивали стрелы, ржали кони и яростные голоса сражающихся уносились к далеким звездам.

Жители города, видя, что им не устоять против монголов, убили Китака и других заложников. Она дрались до конца, без страха за свою жизнь, ибо знали, что смерть теперь для них единственная возможность перестать быть рабами.

На рассвете всех, кого удалось схватить, монголы согнали на главную площадь города. Вокруг на месте изб дымились черные груды бревен и смрадный дым пожарища поднимался к белесому утреннему небу.

Изнаненные, окровавленные люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, и ничего, кроме дикой, нечеловеческой усталости, не увидел на их лицах Саук.

Он сидел на коне и пытался разглядеть у орусутов хотя бы какое-то проявление страха, но его не было, и это бесило монгола.

Взгляд Саука остановился на лицах двух высоких рыжебородых стариков. Непокрытые седые головы, кряжистые, сильные фигуры, позы, в которых они стояли, говорили, что это не рядовые горожане.

Саук всмотрелся. Один из стариков показался ему знакомым, и, тронув повод коня, он подъехал к нему. Концом камчи приподнял подбородок пленника.

Нет, ошибиться Саук не мог. Это был Святослав, о котором он вспомнил накануне битвы. Улыбка тронула его бледные старческие губы:

— Видишь, орусут, мы снова встретились...

Все в кровоподтеках, опухшее лицо старого воина не дрогнуло.

— Вижу. Значит, судьба...

Саук не выдержал ненавидящего, тяжелого взгляда Святослава и отвел глаза.

— Сейчас ты будешь смотреть на дело рук своих. Ты возмутил орусутов. Они заплатят за это жизнью. Так будет всегда и со всеми, кто посмеет выступить против монголов.

Святослав ничего не ответил. Саук резко повернул коня и отъехал на прежнее место, чтобы вершить месть.

Дюжие воины выволакивали из толпы пленников — первого, кто попадал под руку. Казнь назначал сам Саук.

— Зарубить, — бросал он.

Сидящий на коне палач — уже немолодой, но могучего сложения монгол — выхватывал из ножен кривую саблю и, привстав на стремях, с отяжкой рассекал пленника от плеча до пояса.

Каблан-нойон после каждого ловкого удара шурил глаза и довольно цокал языком, выражая тем самым свое одобрение.

Иногда, для разнообразия, Саук приказывал:

— Убить по-монгольски.

В этом случае роль палачей выполняли другие воины. Они хватали приговоренного, валили ничком на землю и загибали ему пятки к затылку. Короткий вскрик, хруст переломленного позвоночника — и безжизненное тело волокли в сторону.

— Зарубить...

— Убить по-монгольски...

Короткие, спокойные приказы Саука падали на обреченных людей.

Саук ликовал. Вот она, достойная месть за отца, за собственную неудавшуюся жизнь. Проклятые орусуты! Раньше он только видел, как вершили казнь монгольские ханы, сегодня он

делал это сам. Пусть трепещут! Пусть те, кого он нарочно оставит в живых, расскажут другим о его мести и передадут потомкам имя «Саук». Орусуты должны смириться, должны навсегда запомнить, что само Небо готовило им судьбу быть рабами, что за любое непокорство будут расплачиваться они жизнью. Велика сила монголов, а сердца их из камня —они не знают ни сострадания, ни пощады.

Росла гора трупов. Над площадью плыли смрадный запах пожарища и запах горячей человеческой крови.

Когда очередь дошла до стариков братьев, Каблан-нойон, склонившись к Сауку, сказал:

— Это зачинщики бунта. Ростислав и Святослав...

— Знаю. — Саук помедлил. — Сколько погибло наших воинов при взятии города?

— Две тысячи...

Саук поморщился:

— Кто из этих стариков младше?

— Ростислав... Ему шестьдесят семь лет...

— Поставьте их рядом.

Воины исполнили приказ Саука. Тот долго всматривался в лица братьев.

— Ты очень любишь своего младшего брата? — спросил он вдруг Святослава.

— Да...

— Хорошо...

Саук задумался. Ему вспомнился случай, который произошел двенадцать лет назад в Бишбалыке.

Уйгурский эмир Баурчин, христианин по своей вере, повинувшись приказу одной из жен Угедэя — Огул-Гаймыш, должен был устроить в землях, населенных уйгурами, большую резню мусульман. Главе последователей пророка Мухаммеда — Сейфутдину стало об этом известно. Но что он мог поделать? Только чудо могло спасти мусульман. И по воле аллаха оно свершилось.

Баурчин решил съездить в Каракорум, чтобы еще раз услышать подтверждение приказа от самой Огул-Гаймыш, но в это время великим ханом был объявлен Менгу. Сейфутдин, зная веротерпимость нового монгольского владыки, опередил эмира и упросил хана заступиться за мусульман.

Едва Баурчин прибыл в Каракорум, как был схвачен и брошен в зиндан. Эмир долго не сознавался в задуманном, пока во всем не призналась Огул-Гаймыш. Участь его была решена.

Хан Менгу сам вынес смертный приговор Баурчину. Он велел казнить его в Бишбалыке, которым тот еще недавно управлял, на глазах у всего народа.

О-о-о! Саук до сих пор не может забыть то, что он тогда видел. Только монгол, храбрый и беспощадный воин, может придумать такое.

Баурчина, красивого, стройного, смуглолицего, привели на место казни закованным в цепи. Глашатай прокричал народу волю хана Менгу:

— Уйгурского эмира Баурчина за преступный умысел вырезать в Бишбалыке преданных душой и телом великому хану Менгу мусульман — казнить. Сделать это, зарезав ножом, должен самый близкий ему человек. Свершивший казнь да займет его место.

Два воина поставили Баурчина на возвышение, на котором должна была произойти казнь. И сейчас же из толпы вышел молодой черноусый воин, лицом очень похожий на эмира. Это был его родной младший брат Уркенжем. Глашатай, прокричавший слова хана, подал ему нож. Палачи свалили Баурчина на помост, связали ему руки и ноги.

Уркенжем, словно собираясь резать барана, опустился на одно колено рядом с братом и выжидательно посмотрел на глашатая. Тот кивнул. Не спеша, спокойно наклонившись к лицу Баурчина, Уркенжем полоснул его по горлу большим ножом. Потом он поднялся на ноги, весь обрызганный кровью, и невидящими, остановившимися глазами снова посмотрел на глашатая. Тот, взяв из рук слуг красный чапан, символизирующий власть эмира, накинул его на плечи убийцы, а на голову надел борик, отороченный мехом куницы.

Привыкшие к жестокости монголов, люди видели подобное впервые. Толпа потрясенно молчала, и только несколько неуверенных, робких голосов попытались выкрикнуть: «Пусть растет твоя слава, эмир!»

Новый эмир сделал палачам знак, чтобы они убрали тело брата, и, сев на черного иноходца, вся сбруя которого была украшена серебром, поехал во главе своих нукеров в город.

Да, подобное нельзя забыть. Саук словно бы заново пережил в эти мгновения когда-то виденное.

— Мы знакомы с тобой, — сказал он Святославу. — Помнишь, как мы сидели за одним дастарханом, когда еще был жив хан Сартак? В память об этом я хочу подарить тебе жизнь. Но вина твоя тяжела, и не наказывать тебя нельзя. — Саук помедлил, впился взглядом в лицо Святослава. — Ты должен задушить собственными руками младшего брата. Он все равно будет убит. Если сделаешь, как я тебе сказал, слово мое крепкое, ты останешься жить...

Старый воин опустил голову и долго молчал. Мутная слеза скатилась по его обветренному, иссеченному годами лицу.

— Пусть будет так, — тихо сказал он. — Прикажи своим воинам развязать мне руки.

Душа Саука ликовала. Такого еще не видели и не знали орусуты. Пусть запомнят этот день навсегда. Да разве может быть в подлунном мире по-иному? Кто решится отдать свою жизнь ради другого, да еще обреченного? Страх за себя дороже родной крови. Этому закону следовали даже чингизиды, люди, отмеченные перстом самого бога.

Страшную месть придумал Саук для Святослава. Никогда люди не простят ему убийства брата, и все отпущенные ему Небом годы будет бродить этот когда-то сильный воин изгоем среди своего народа.

Страшнее смерти может быть только позор. Его не смоешь ничем: ни поступками, ни словами. Так пусть же, выполнив условие, Святослав живет, но отныне ясный день станет для него темной ночью и каждый шорох будет гнать его, точно дикого зверя, в лесные чащи, подальше от людей, дорог и троп. Живой мертвец начнет бродить по орусутской земле, вселяя ужас в каждого, кто осмелится хотя бы только подумать о непокорности.

Глаза Саука горели мстительным огнем.

— Развяжите его! — велел он нукерам.

Те поспешно исполнили приказ.

Все так же, не поднимая головы, старый воин стоял перед Сауком, медленно растирая посиневшие от волосяного аркана руки.

— Ну, что же ты! — нетерпеливо сказал тот.

Святослав резко вскинул голову. На миг глаза двух стариков — орусута и монгола — встретились. И вдруг Святослав метнулся вперед. Мелькнул в воздухе, словно крыло птицы, красный чапан падающего с коня Саука.

Все произошло так быстро, что ни один воин не успел ни двинуться с места, ни выхватить саблю. Когда же они бросились и оторвали, наконец, орусута от Саука, все было кончено. Свершилось страшное. Монгол неподвижно лежал на сырой, истерзанной копытами коней земле с раздавленным, измятым кадыком.

— С дороги! Прочь с дороги! — закричал Каблан-нойон, надвигаясь грудью своего огромного жеребца на Святослава.

Заслоняя в страхе лица руками, отпрянули в сторону нукеры. Яростно взвизгнула, остро блеснула в лучах утреннего солнца кривая монгольская сабля...

* * *

Великий хан Золотой Орды Берке ликовал. Тумены Ногая, легко преодолевая сопротивление врага, все больше продвигались в глубь Азербайджана. За несколько недель расправился с орусутами Каблан-нойон — сжег непокорные города, залил их землю кровью. С верховьев реки Или в ставку приехала желанная Кутлун-Шага.

Кому же радоваться, если не хану, когда храбрые воины прославляют его имя новыми победами?

Хан не должен знать плохого настроения, потому что все радости волею неба принадлежат ему одному. Пусть льется кровь, пусть плачут на пепелищах рабы! Что из того? Сердце настоящего монгола должно ликовать при виде крови и слез!

И совсем не важны потери. Пусть погибли многие из тех, кто добыл для него победу! К

чему думать, что где-то есть на свете люди, оплакивающие павших? Вместо них придут другие — молодые и сильные, и они будут служить хану преданно и верно, и станут повиноваться любому его желанию и приказу.

«Погибших забудут, зато победы останутся в веках» — так говорил великий Чингиз-хан, не знавший страха и сомнений. Будь иначе, монголы никогда не стали бы самым сильным народом.

Берке жаждал новых побед, и поэтому приезд Кутлун-Шаги и радовал его, и огорчал. Вспыхнувшее с новой силой чувство к молодой женщине постоянно боролось в нем с желанием немедленно отправить ее в улус отца с новым войском, чтобы помочь тому в борьбе с Алгуем.

Но осмотренность на этот раз словно покинула Кутлун-Шагу. К тому времени, когда она прибыла в верховья Или с войском, которое дал ей хан Берке, было поздно. Многие изменилось здесь, пока она предавалась любовным утехам.

Потерпевший в свое время поражение от Кайду, тщеславный и горячий Алгуй не мог с этим смириться. Он собрал новое войско и под предводительством эмира Бухары и Самарканда Мусабекка двинул его на своего врага.

И снова битва произошла на берегах желтой реки Или. На слабо всхолмленной, рыжей от яростного солнца равнине встретились соперники. Местность как будто благоприятствовала действию кипчакской конницы Кайду, но, поредевшая в последних сражениях, та уже не представляла прежней грозной силы, а Кутлун-Шага все не возвращалась с подмогой от хана Берке.

Отступать было поздно. И, уповав на волю аллаха, Кайду двинул свои тумены навстречу войску Алгуя...

Битва была недолгой, но жаркой. Кайду с остатками разгромленного войска пришлось спасаться бегством.

И здесь в спор потомков Чингиз-хана вмешался случай. В один из жарких дней скоропостижно от разрыва сердца скончался Алгуй.

Жестокая борьба за власть в Джагатаевом улусе вспыхнула с новой силой. Недавним победителям было теперь не до Кайду. Собрав войско и безжалостно расправившись с родственниками, объявил себя новым ханом сын покойной Эргене-хатун — Мубарекшах.

А в это время, получив долгожданную помощь от Берке, Кайду укрепил войско и занялся окончательным покорением Семиречья.

Караван жизни, не зная остановок, шел вперед. И новые тропы, новые направления выбирал себе непонятный и загадочный для людей караванбаши по имени Судьба.

В год свиньи, в год распрей и вражды между потомками сыновей Чингиз-хана, был убит Есен-Тюбе, рожденный от Мутигена — сына Джагатая. Дети же его — Барак, Момун, Басар — воспитывались все это время в Китае, у Кубылай-хана. Самым умным и дерзким среди них был Барак.

Великий хан Кубылай, недовольный тем, что Мубарекшах самовольно, без его согласия, завладел троном Алгуя, повелел Бараку отправиться в Джагатаев улус и управлять им совместно с самозванным ханом. Когда же посланец Кубылая прибыл в ставку Мубарекшаха и увидел, что новый хан утвердился здесь прочно и никакого разговора о совместном правлении быть не может, он поступил мудро — скрыл истинную причину своего приезда и, не давая воли чувствам, смиренно попросил у Мубарекшаха в управление бывший аймак своего отца, раскинувшийся на берегу Сейхуна.

Новый властитель Джагатаева улуса милостиво выполнил просьбу родственника. Барак же, прибыв в аймак, подобно мудрому Кайду, стал усиленно собирать вокруг себя верных людей, родных и близких.

Незаметно, исподволь копил он силы, переманивая на свою сторону влиятельных нойонов. И когда Мубарекшах, обеспокоенный действиями Барака, выступил против него, тот встретил хана близ Ходжента и в упорном сражении одержал верх. Сам Мубарекшах был пленен. Пробыв ханом меньше года, он потерял власть и вынужден был уступить трон Бараку.

Все богатства, вся власть в улусе принадлежали теперь Бараку. Как и другие чингизиды, он не собирался делить ее ни с кем. И потому уже без страха и должного уважения смотрел в сторону своего недавнего покровителя.

Кубылай, внимательно следивший за тем, что делает Барак, решил одернуть зарвавшегося родственника, напомнить, кому тот обязан своим неожиданным и быстрым взлетом.

Великому хану Северного Китая, куда входила и часть Монголии, для исполнения его заветной мечты необходимо было держать в повиновении земли, входящие в Джагатаев улус. Кубылай надеялся со временем повторить великого Чингиз-хана — собрать все земли, покоренные монголами, под одну сильную и крепкую руку. Поэтому-то он и отправил на Барака шеститысячный отряд отборных монгольских воинов.

Однако новый хан не испугался угрозы и двинулся навстречу с тридцатитысячным войском. Посланный Кубылаем отряд не принял вызова и отступил в свои владения. Кубылай решил отложить месть. События в Китае заставили его на время отвлечься от того, что происходило на западных границах. А Барак, счастливый от своего успеха, разрушил город Хотан и повернул свои тумены в Мавераннахр.

Безмятежной, состоящей из одних удач и радостей виделась ему жизнь. Самой большой и сильной из ближайших соседей была Золотая Орда, но хан Берке, казалось, сидел в своих владениях тихо и не собирался угрожать Джагатаеву улусу. Ни Кубылай, ни Кулагу, занятые своими делами, больше не предпринимали попыток вмешаться в дела Барака. Но спокойствие было только внешним.

Пока в улусе шла борьба за власть, Кайду овладел всем Семиречьем и дошел до берегов реки Талас, вплотную приблизившись к подвластным Бараку землям. Это была уже угроза. Окрыленный легкими победами, новый хан двинулся навстречу туменам Кайду.

В середине месяца желтоксана ³² их войска сошлись на берегу Таласа. Сам Кайду был болен, и сражением руководил один из его сыновей. Удача отвернула от него свое лицо. Потеряв большое количество воинов, ему пришлось отступить. Но и Барак не смог продолжить преследование разбитого врага. Задули вдруг свирепые студёные ветры, ударили морозы, и его тумены, привыкшие к благодатным теплым зимам Мавераннахра и Хорезма, вынуждены были покинуть Семиречье.

Барак возвращался в свой улус в полной уверенности, что летом он снова встретится с Кайдун и навсегда разделается с опасным соседом. Но планам его не дано было осуществиться. Золотая Орда, обеспокоенная тем, что Барак становится с каждым днем все сильнее и могущественнее, послала в помощь Кайдун пятидесятитысячное войско. Привыкшие к суровым условиям, на выносливых степных конях, кипчаки и аланы, составляющие основные силы войска, двинулись в земли Джагатаева улуса. Вел их опытный военачальник, брат хана Золотой Орды — Беркенжар.

Ногай почти завершил покорение Азербайджана. Орусутские города, укрытые снегом, затаились в своих лесах и, казалось, навсегда отказались от мысли выражать непокорность Орде. И все-таки Берке не удалось вкушать пьянящую радость победы.

В то время, когда его тумены готовились к битве с Баракун, умерла средняя жена хана, и он взял молодую жену Акжамал — красавицу с большими и прекрасными, как у верблюдонка, глазами. Она была дочерью бая из рода аргын, которому принадлежали несметные табуны лошадей, бродившие по просторам кипчакских степей. Берке жил в ожидании добрых вестей.

Но беда уже кружила над его головой, и хан Золотой Орды не знал, что она совсем близко.

* * *

Коломону было всего десять лет, когда он впервые услышал о монголах. Жил он тогда в стране армян, где его отец, знаменитый ромейский мастер, строил один из монастырей.

Страшные слухи забродили над городами и селами. На базарах, открыв от удивления рты и выпучив глаза, слушали люди рассказы о диких всадниках, мчащихся на короткогривых конях с той стороны, откуда восходит солнце.

Слухи были быстрыми и неясными, словно принесенные порывами ветра. Люди удивлялись им, но никто не верил, что страшные воины когда-нибудь придут в их земли,

³² Желтоксан — месяц декабрь.

рассеченные глубокими ущельями и долинами.

Отец Коломона по-прежнему строил монастырь, и мальчик целыми днями был рядом с ним. Его завораживала удивительная игра красок, которыми расписывал стены отец, и он мог подолгу смотреть, как ловко и сноровисто работают каменотесы. Отец учил сына гармонии линий и открывал мальчику все, что тот хотел знать.

Но однажды таинственные монголы появились в предгорьях Кавказа. И слухи перестали быть слухами, а сделались страшной правдой.

Ведомые Субедэем и Джебе-нойоном, монгольские тумены через Хорезм вышли в Северный Иран. Один за другим запылали города Хар, Кум, Зенджан, Казвин. Напуганные жестокостью завоевателей, жители Хамадана откупились от монголов огромной данью.

Перезимовав близ города Рея, где было достаточно корма для конницы, монголы с наступлением весны вторглись в Азербайджан. Здесь они не встретили серьезного сопротивления и повернули своих коней в Грузию. Грузины и армяне выставили против пришельцев объединенное двадцатитысячное войско. Руководили им царь Грузии Лаша и атабек Иване.

Близ города Ани произошла жестокая битва. И здесь монголы прибегли к своему излюбленному коварному приему. Джебе с пятитысячным отрядом укрылся в засаде, а главный удар принял на себя Субедэй. Исход битвы, казалось, был решен — монголы обратились в бегство. И только когда нарушились боевые порядки грузин и армян, всадники Субедэя вновь повернулись к ним лицом, а в тыл ударил отряд Джебе.

Понеся большие потери, Лаша и Иване вынуждены были отступить. Но ни грузины, ни армяне не были сломлены.

Бог войны Сульдэ еще не отвернулся от монголов, но уже где-то близко бродила беда. И тогда мудрый Субедэй, словно предчувствуя ее, велел повернуть свое войско, отягощенное богатой добычей, на север.

Разрушив Шемаху, монгольские тумены остановились у города Дербента. Непрístupная, построенная на горе крепость преграждала им путь в кипчакские степи. Воздвигнутый еще в пятом веке, во время царствования Сасанидов, Дербент принадлежал теперь Ширван-шахам. Крепость была хорошо укреплена, и ее недаром называли «Железными воротами». Мимо нее ни на юг, ни на север не мог пройти ни один человек.

Теснимые с тыла отрядом грузин и армян, монголы оказались в ловушке.

И тогда они отправили своего посла к правителям Дербента. О дружбе и мире просили Субедэй и Джебе, богатую плату предлагали за право пройти через железные ворота.

Дербентцы заколебались. Десять самых знатных людей отправились к монголам, чтобы начать переговоры. По приказу Субедэя они были схвачены, и один из них на глазах у остальных был зарублен.

Оставшимся в живых приказали показать обходной путь. В противном случае их всех ждала смерть.

По горным кручам, по едва заметным тропам, избежав полного поражения, монгольские тумены вышли на земли Северного Кавказа. Длинным и кровавым был путь войска Субедэя и Джебе, прежде чем они вернулись в родные монгольские степи, на берега Онона и Керулена...

Нашествие не коснулось юного Коломона. Их семья укрылась за мощными стенами города Ани, который не удалось взять монголам. Но прошло совсем немного лет, и он снова стал свидетелем страшных событий, снова лилась кровь и черным от дыма пожарищ становилось солнце.

Коломону в это время было уже восемнадцать лет. На этот раз беда не обошла его. Отца схватили хорезмийцы, угнали в рабство, мать умерла.

Коломон остался один, но он уже познал тайны мастерства и умел строить. Так же, как и отец, он возводил монастыри и церкви.

Неспокойно было на границах земель грузин и армян. Короткие передышки сменялись жаркими схватками, и все сильнее чувствовалось приближение большой грозы. Люди жили в постоянном страхе, тень близкой беды уже раскинула свои черные крылья над горами Кавказа.

Вскоре после возвращения из кипчакских степей Субедэя и Джебе в возрасте семидесяти двух лет скончался великий Чингиз-хан. Чувствуя, что дни его сочтены, за год до смерти

Потрясатель вселенной высказал свою волю, чтобы наследником его стал третий сын — Угедэй.

В год лошади (1235) новый монгольский хан собрал на великий курултай всех потомков Чингиз-хана.

Было решено продолжить дело Потрясателя вселенной и двинуть бесстрашные монгольские тумены на орусутские земли и Восточную Европу. Главные силы вел Бату-хан. Другая ветвь монгольского войска, под предводительством Журмагуна, должна была вновь покорить Кавказ.

Решением курултая Бату был утвержден в звании лашкаркаши — главного над всем войском. Журмагун же стал лашкаркаши-тама. Ему предстояло после завершения похода навсегда остаться в покоренных землях. Поэтому идущие с ним воины брали с собой семьи. Громадный обоз из арб и навьюченных верблюдов двигался за войском Журмагуна.

Под его началом было сорок тысяч всадников — четыре тумена. Вместе с Журмагуном отправилась в поход и младшая жена Чингиз-хана — Алтынай-бегим.

Великий хан Угедэй напутствовал лашкаркаши-таму: «Ты посылай нам всегда чистое желтое золото, шелк, расшитый золотыми узорами, лунный жемчуг и красные кораллы, длинношеих коней, бурых наров, густошерстных хачидетских верблюдов и грузоносных ослов, а также лууситских ишаков, способных везти легкую поклажу».

На следующий год, в год обезьяны, Журмагун в сопровождении большого каравана, с женщинами и детьми, добрался до Кавказа.

Близ Атрпатакана он разгромил войско Джалал ад-дина. Предводитель хорезмийцев был убит.

Шесть долгих лет потребовалось Журмагуну, чтобы окончательно покорить Кавказ. Отчаянно сопротивлялись новому нашествию грузины, армяне, азербайджанцы, аланы, осетины, черкесы. Каждый город становился крепостью и подолгу не покорялся монголам.

После одного из таких сражений круто изменилась жизнь Коломона. Ему было двадцать три года, когда волосяной аркан завоевателя вырвал его из седла.

По закону, установленному еще Чингиз-ханом, все пленники были разделены между его потомками. Коломон достался Менгу-Темиру, и дорога его пролегла в Золотую Орду. Северный Кавказ, согласно завещанию Потрясателя вселенной, отныне принадлежал Золотой Орде.

Монголы повернули своих коней в Малую Азию. В одном из сражений Журмагун был ранен, потерял слух и вскоре умер. Новым лашкаркаши-тамой по велению Каракорума стал Байжу. В решительности и жестокости он не уступал своему предшественнику. Покорные его воле тумены двинулись на сельджуков Румского султаната.

Эмир Кей Хосров II, совместно с царем киликийских армян, собрал огромное двухсоттысячное наемное войско, состоящее из греков, арабов, франков, армян и курдов. Противники встретились между городами Карин и Ерзка. Тридцать тысяч монгольских всадников совершили, казалось, невероятное: войско эмира было разбито и Румский султанат перестал существовать. Его столица — цветущий город Ксерия, стоящий на древнем караванном пути, был разграблен и разрушен.

Царь Киликии Гетум I, видевший все своими глазами и желая спасти свой народ, добровольно покорился монголам, дал большой выкуп и обязался по первому требованию Байжу, помогать ему войском.

В год свиньи (1256) правителем Кавказа и Ирана, третьего по величине улуса Чингизова царства, был назначен третий сын Тули — Кулагу.

Вскоре пришла печальная весть — в далеких монгольских степях умер хан Менгу. Заветы, оставленные Чингиз-ханом, повелевали Кулагу немедленно отправиться в Каракорум, чтобы принять участие в похоронах. Он так и поступил. Во главе же войска на время своего отсутствия поставил Кит-Буги-нойона.

Мамлюк Куруз, возглавлявший египетское войско, счел для себя этот момент благоприятным и в урочище Айн Жумит разгромил войско Кит-Буги.

Ему не удалось до конца вкушать радость победы. После возвращения в Египет он был зарезан бывшим рабом кипчаком Бейбарсом, который провозгласил себя султаном.

С новым султаном искал дружбы хан Золотой Орды — Берке. Бейбарс был мусульманином, жестоко расправлялся с иноверцами, а кроме того, и это было главное, являлся врагом Кулагу.

Жестоким было правление Кулагу. Он вел бесконечные войны, и вся их тяжесть легла на плечи покоренных народов. Непосильная дань, участие в его походах вызывали постоянное недовольство и частые выступления против монголов. Ему постоянно приходилось посылать отряды на непокорных. На границах нового улуса было беспокойно — Бейбарс выжидал удобного момента для нападения.

Именно в это время Берке, объявив всем, что по завещанию Чингиз-хана Кавказ должен принадлежать Золотой Орде, повелел Ногаю с двадцатитысячным войском вступить на земли Азербайджана.

Хан Северного Китая Кубылай, понимая, что брату придется туго, отправил в помощь Кулагу тридцатитысячное войско.

Откуда обо всем этом было знать Коломону, Кундуз и Салимгирею? Кони несли их в сторону Азербайджана, и они были твердо уверены, что все дальше и дальше уходят от ненавистной им Золотой Орды. Казалось, что совсем скоро начнутся земли, где не сможет достать их рука Берке-хана. Откуда им было знать...

* * *

Ильхан Кулагу, владевший Кавказом, Ираном, Ираком и Сирией, видел много прекрасных городов, но ни разу в нем не проснулось желание поселиться хотя бы в одном из них. Он был монголом во всем. Зимой он со всеми приближенными откочевывал в степь, летом же поднимался в цветущие горные долины и, выбрав понравившееся ему место на берегу какой-нибудь реки, приказывал ставить юрты своей главной ставки.

Среди всех потомков Чингиз-хана он один неукоснительно во всем следовал заветам деда. И никто из потомков Кулагу, владевших Ираном, не смел нарушить монгольских обычаев. Даже имя «хатун» имели право носить только старшие жены правителей, и власть наследовали дети, рожденные от них. Начиная от Чингиз-хана все его потомство брало первых жен только из родов татар, конурат, найман, керей и ойрат. Дети, рожденные от этих браков отличались живостью ума, смелостью. От жены Чингиз-хана из рода конурат родились: Джучи, Джагатай, Угедэй, Тули. Кровь этих родов текла и в жилах Орду, Бату-хана, Менгу, Кулагу, Кубылая, Арик-Буги, Менгу-Темира.

Сестра найманского нойона Бука-Темира — Эргене-хатун была самой любимой невесткой Джагатая. После смерти своего мужа Кара-Кулагу она долго правила улусом.

* * *

В начале лета года мыши (1264) Кулагу повелел поставить шатры Орды неподалеку от города Тебриза, где было множество чистых и студеньих родников.

Трудное время наступило для ильхана. С двух сторон, словно две сильные руки, тянулись к его горлу Бейбарс и хан Берке. И тот и другой жили одной мечтой — как можно скорее разделаться с Кулагу. Тревожно было и в подвластных землях. Росло недовольство народа, и все чаще зарево бунтов металось по стенам ханской юрты.

Кулагу был не из трусливого десятка. Всю жизнь он боролся за власть. Он узнал, что никто и ничто не сможет серьезно покачнуть ханство, пока у него в руках крепкая дубина — сильное и преданное войско. Этой дубиной только надо уметь владеть. Последние события показали, что ильхан еще не забыл, как ею надо пользоваться.

Ильхану нездоровилось. Болезнь поселилась в его теле больше года назад, но он старался не поддаваться ей и не ложился в постель, не отстранялся от дел.

Ранней весной Кулагу побывал в войске, которое готовилось встретить Ногаю, идущего со стороны Северного Кавказа. Здесь в основном находились воины, которых прислал ему Кубылай. Свое войско он отдал под предводительство малдшего брата Тогуз-хатун. Они противостояли Бейбарсу.

Лашкаркаши войска Золотой Орды Ногай пришел на земли Азербайджана не тем путем, которым в свое время Субедэй и Джебе. Северным берегом Хозарского моря Ногай провел свои быстрые тумены к Дербенту.

Кулагу не ожидал, что лашкаркаши Золотой Орды решится на подобное. Ведь когда-то Железные ворота едва не стали местом гибели монгольского войска, теснимого грузинским царем.

Но Ногай поступил именно так. Во время зимних холодов по льду реки Дербент он провел своих воинов через Ширванское ущелье и разгромил первые, пока незначительные отряды ильхана.

Действия Ногай насторожили Кулагу — так мог поступить только опытный и решительный воин, и потому он двинул навстречу ему большое войско.

Но Ногай, овладев Дербентом, не спешил вступать в сражение. Трудно было угадать, что сдерживает его. Ильхан решил, что лашкаркаши ждет подкрепления из Золотой Орды, и допустил новую ошибку. Часть воинов — грузин и армян, привыкших и умеющих сражаться в горах, — он отправил в помощь сыну. И тогда Ногай, словно нарочно ожидавший этого момента, двинул свои тумены навстречу войску Кулагу. Воины его за время долгого сидения в Дербенте были обучены ведению пешего боя и штурму городских стен, потому-то Ногай легко сломил сопротивление встречных небольших крепостей.

Горько сознавать ильхану, что он ошибся, считая, что без дополнительного войска Ногай не решится идти вперед. Пospешно двинулся он сам навстречу врагу, но было поздно. Стремительные тумены лашкаркаши уже вышли на предгорные равнины Ширвана, а это означало, что конница Ногай получила вновь преимущество перед войском Кулагу, состоящим в основном из пеших воинов.

Несмотря на свой большой опыт, Кулагу проиграл первую битву, и только своевременно подошедшее на помощь войско спасло его от полного поражения.

Усталый и злой вернулся в свою ставку ильхан. Впервые он потерпел такое поражение, и впервые пришли горькие мысли, что у него далеко не прежнее по силе войско. Раньше оно состояло из кочевых народов: монголов, кипчаков, туркменов-сельджуков и других племен с берегов Джейхуна. На них можно было положиться. Покоренные же местные народы никогда не смогут стать надежной опорой власти.

Кулагу почувствовал, как все больше тревога за день завтрашний охватывает его. Он мысленно пребирал всех нойонов. Среди них не нашлось ни одного, равного по таланту Субедэю или Джебе, у которых он когда-то сам учился завоевывать земли и народы.

Есть Сариджа, Буралги, Заган... Но им далеко до нойонов, которые были у Чингиз-хана или Угедэя. Те могли разрушать горы и превращать камни в пыль. Умер Журмагун, и больше нет Байжу.

Нойон Байжу... Его убил его собственный язык. Когда-то он водил тумены на Багдад, затем заставил трепетать весь Иран. Сделал он это руками грузин и армян, но всю славу, весь успех захотел взять себе.

Это задевало честь Кулагу и всех чингизидов.

Ильхан пытался одернуть нойона, но все было впустую. А потом до Кулагу дошли слова Байжу о том, что если тот захочет, то все войско пойдет за ним и ничего не останется от Орды ильхана. Терпению пришел конец. Кулагу велел убить нойона.

Только сейчас вдруг закралась запоздалая мысль, что, возможно, Байжу и не говорил этого. Быть может, завистники оболгали его? Но тогда не было времени раздумывать, потому что воины действительно любили Байжу, он был лашкаркаши-тамой и щедростью умел завоевать сердца подчиненных ему нойонов. Кара свершилась.

Как был нужен Байжу сейчас, в это суровое время, когда Ногай мог в любой день оказаться под стенами Шемахи, а это бы означало, что большая часть Кавказа отныне в его руках, и удастся ли ее когда-нибудь вернуть — никто бы не взялся предсказать.

В походах и битвах поредело пришедшее с ним когда-то с берегов Керулена сорокатысячное войско. Многие монголы взяли себе в жены местных женщин и стали жить так, как было принято здесь.

Хан Кубылай дал в помощь три тумена, но много ли в них настоящих монголов? Да и тех,

что были, пришлось разделить, послав кого против Ногая, а кого против Бейбарса.

Болезнь все чаще давала о себе знать, и Кулагу уже подумывал, кого вместо себя можно поставить во главе войска, сдерживающего Ногая.

Долгими бессонными ночами он перебирал в памяти своих нойонов, мысленно взвешивал и сравнивал достоинства каждого. Предводитель должен был быть опытным, хитрым, умеющим действовать быстро и уверенно, как бы ни сложились обстоятельства. Очень бы пригодился сейчас Байжу...

Кулагу вдруг вспомнил о его сыне, темнике Адаке. Закрались сомнения: а не сжигает ли того жажда мести за казненного отца, не ждет ли он мгновения, когда можно будет сполна отплатить ильхану? И сразу же Кулагу успокоил себя, потому что знал — быстрое возвышение, великая милость гасит любой пожар в душе человека, мечтающего о почете и славе. Потомки Чингиз-хана умели находить в людях самые уязвимые места, умели вчерашних врагов превращать в самых преданных и верных.

В шатер вошла любимая жена Кулагу — Тогуз-хатун. Ильхан невольно залюбовался ее плавной походкой, смуглым свежим лицом. Когда его отец Тулли взял Тогуз-хатун младшей женой, ей было всего тринадцать лет. С тех пор минуло тридцать лет, но Тогуз-хатун не утратила своей красоты и обаяния.

Подойдя к ильхану, она опустилась на колени у его ног и с тревогой заглянула в лицо:

— Великий хан, вам плохо?

Кулагу устало провел рукой по лицу. Последнее время болезнь действительно все чаще напоминала ему о себе. По утрам кружилась голова и противная слабость охватывала все тело. Он ласково посмотрел на Тогуз-хатун и невесело усмехнулся:

— Наверное, ко мне уже никогда не вернутся силы...

Тогуз-хатун, не отрываясь, встревоженно смотрела на ильхана.

— Если бы я смогла взять твою болезнь, я, не раздумывая, сделала бы это...

Кулагу верил этой женщине. Она никогда не лгала ему. Все трудности и невзгоды они всегда делили на двоих.

— Тебе не надо болеть... — тихо сказал ильхан. — Расскажи лучше, что нового слышно в Орде?

— Время пока еще милостиво к нам, — сказала Тогуз-хатун. — Все остается по-прежнему. Отряд твоих воинов задержал в горах кипчаков, бежавших из Золотой Орды. Говорят, что среди них есть ромей, известный мастер. Он умеет строить дворцы и храмы. А его жена...

— Кто сказал? Он сам?

— Нет. Нашлись люди, которые его знают.

— Почему они бежали от хана Берке?

— Ромея легко понять — он тоскует по родной земле, женщину — тоже. Любовь может увести на край света. У кипчаков же спроси сам...

— Хорошо. Я выйду к ним.

Тогуз-хатун лукаво улыбнулась

— Великий хан стареет... Он ничего не спросил о женщине...

— Минули те времена, — нахмурясь, сказал Кулагу.

Ильхан всегда был сдержан и краток в разговоре, но сегодня, всматриваясь в его лицо, Тогуз-хатун увидела глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки и поняла, что Кулагу действительно сильно болен и земные радости едва ли интересуют его. Она от всего сердца пожалела своего повелителя.

Кулагу накинул на плечи чапан и вышел из шатра.

Пленники стояли тесной кучкой, и, когда нога ильхана ступила на разостланный у входа яркий ковер, нукеры, охранявшие их, ударами сабельных ножен заставили пленников упасть на колени. И хотя Кулагу не спросил ничего у Тогуз-хатун о женщине, он первой, словно белого лебедя в стае серых гусей, увидел именно ее. Взгляд ильхана равнодушно скользнул по лицам остальных и сразу же выделил ромея. Ромей отличался широкими мускулистыми плечами, тонким лицом, хотя одет он был, как и все пленники, в кипчакские одежды.

На Кулагу вдруг накатила ярость. Всю жизнь он ненавидел людей, убегających от своих

ханов. Таким ни в чем и никогда нельзя было верить. Они предали своего прежнего хозяина, значит, с такой же легкостью отступятся и от нового. Беглецы, по мнению ильхана, не должны были ходить по земле. И неважно, что толкнуло их уйти от своего хана: тяжелая ли доля, тоска по родной земле или еще что-то.

Кулагу ненавидел Берке, и все-таки тот был ханом. А что может быть недостойнее и страшнее измены своему повелителю? Кто может быть уверен, что беглец завтра не затаит злобу на того, кто дал ему убежище и защиту, и не воткнет кинжал в его грудь? Пленники обязаны умереть. Все до одного. Так завещал Чингиз-хан.

Чем сильнее терзала Кулагу болезнь, тем угрюмее и нетерпимее к окружающим делался он. Теперь он чаще, чем обычно, приказывал убивать. Казалось, что, убивая других, ильхан продляет собственные дни. Не было еще ни одного чингизида, который бы, зная о своей скорой смерти, хотел сделать любому остающемуся на земле добро или просил бы прощения у того бога, в которого верил при жизни. И с ильханом случилось такое. Убивая других, он словно стремился их жизнями откупиться от стоящей у изголовья собственной смерти.

Кулагу снова посмотрел на женщину. Ее черные, удивительно длинные косы упали на истоптанную землю и были похожи на две шелковые блестящие ленты. Таких кос ильхану не приходилось видеть даже у длинношеих персиянок, славящихся красотой.

Впервые за долгие дни болезни вдруг шевельнулась сладострастная мысль: «Накрутить бы эти косы на руку!..»

От неожиданности Кулагу даже зажмурился. Что-то дрогнуло в его душе, и он, так и не отдав приказа, как поступить с пленниками дальше, повернулся и зашагал в сторону шатров, где он обычно решал дела подвластной ему Орды.

Нукер, стоящий у входа, распахнул перед ильханом резные, отделанные слоновой костью двери. Кулагу быстро прошел через три соединенные между собой шатра и сел на устланное коврами возвышение.

Но, взглянув на своего визиря Ель-Ельтебира, велел:

— Пусть позовут Адак-нойона.

Нукер, стоящий у перехода из третьего шатра во второй, прокричал:

— Впустить Адак-нойона!

Голоса стражи передавали друг другу повеление ильхана:

— Пусть входит Адак-нойон...

Адак был настоящим монголом — невысокий, почти с квадратными плечами, с редкой, только начавшей пробиваться бородкой на плоском неподвижном лице. В войске Кулагу он возглавлял тысячу.

Вызов к ильхану напугал его.

Ведь прошло всего три года, как Кулагу велел казнить отца — Байжу. Правда, за собой молодой нойон никакой вины не чувствовал. Он служил честно и верно, как это подобает монголу, как учил его отец. И совсем недавно в одной из битв, когда дрогнули и готовы были обратиться в бегство воины, он сумел увлечь их за собой, вернуть им надежду на победу. После этого случая ильхан, видевший все своими глазами, подарил нойону кинжал с золотой рукоятью.

И все же трудно было угадать, о чем думает Кулагу. Ведь совсем недавно он был в дружбе с его отцом, но это не помешало ему приказать казнить его. Душа ильхана что лисья нора. В ней много извилин, и никто не может сказать куда повернет его мысль.

Стремительно подойдя к возвышению, на котором сидел Кулагу, Адак упал на одно колено и, приложив руку к груди, наклонил голову:

— Великий хан, я прибыл по вашему приказу...

Кулагу молчал, рассматривая молодого нойона. Голова того была по-прежнему склонена, и открывалась загорелая короткая шея, словно нарочно подставленная для того, чтобы на нее удобно было опустить саблю.

В выжидательной позе застыли по сторонам от Кулагу визирь Ель-Ельтебир и писец с открытой толстой книгой в руках.

Наконец ильхан нарушил тишину:

— Адак-нойон, нет ли у тебя обиды на нас?

— Нет, великий хан...

Кулагу в задумчивости покачал головой:

— Так и должно быть. На этой земле всегда есть много людей, которые не умеют носить свою голову на плечах. Кому они тогда нужны? Одним из них оказался твой отец — Байжу...

Адак молчал, не понимая, куда клонит ильхан. А тот, вздохнув, продолжал:

— Ты, кажется, не такой, как твой отец. В последней битве ты показал свое бесстрашие и то, что принадлежишь нам душой и телом. За подобную преданность...

Кулагу вдруг замолчал. Ступни его ног начали пылать огнем, словно он поставил их в жаровню, на раскаленные угли. Это надвигался очередной приступ болезни. Она всегда приходила так. Ильхан знал — к полудню жар поднимется от ног, охватит все тело, помутнеет сознание и разум. Он с трудом овладел собой. Время для дел еще было, и потому Кулагу продолжил свою речь:

— За подобную преданность я решил назначить тебя главным над туменом. Отныне ты отвечаешь за десять тысяч храбрых воинов. — Ильхан поочередно повернул голову к визирю и писцу. — Повелеваю записать это.

Глаза Адак-нойона засияли. Он выхватил из ножен саблю и, не вставая с колен, поцеловал клинок:

— Какими словами мне благодарить вас, о великий хан! Клянусь всегда честно и преданно служить вам!..

Кулагу внимательно посмотрел на молодого нойона. Нет, он не ошибся. Этот будет действительно служить преданно. Что значит для настоящего монгола смерть отца, если под твоё начало дается тумен? Ведь это совсем иная жизнь, чем прежде. Это почет и слава, это сладкое, ни с чем не сравнимое чувство власти над людьми.

Щеки Адак-нойона пылали от счастья.

Кулагу поднял руку.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь, эмир Адак-нойон, слушай наш второй приказ. Ты возьмешь тумен, состоящий из монгольских и кипчакских воинов, и выступишь навстречу Ногаю. Объединив все наши отряды, ты дождешься его близ Шемахи и заставишь бежать с поля битвы.

Адак смело посмотрел в глаза ильхана:

— Я выполню ваш приказ, но у меня есть одна просьба.

— Говори.

— Разрешите мне вместо кипчаков взять воинов из местных народностей.

Ильхан нахмурился:

— Почему?

— Кипчаки — мусульмане. Я видел их при взятии Багдада и в битвах с Бейбарсом. Они теряют мужество и сражаются без должного усердия. Войско Ногай почти все состоит из мусульман...

— Я понял тебя, — сказал Кулагу. — Пусть будет по-твоему. А теперь иди. Да не покинет тебя бог войны Сульдэ.

Адак в сопровождении нукеров ушел из шатра, а Кулагу еще долго сидел в задумчивости, прислушиваясь к тому, как медленно и неумолимо поднимался по ногам от горящих ступней жар все выше и выше.

Время уходило. И не так уж много его осталось до той поры, когда жар охватит все тело и начнет мутиться разум. Ильхан посмотрел в сторону Ель-Ельтебира.

— Приведите сюда беглецов.

* * *

Шатер был просторным, и пленников, запыленных, в изорванных одеждах, со связанными волосными арканами руками, поставили у входа. Со всех сторон их окружили молчаливые суровые нукеры с обнаженными саблями.

Свободными были руки только у Кундуз. Она вошла в шатер, поддерживая ими свои сказочные косы. И сам ильхан, и собравшиеся здесь нойоны не могли оторвать глаз от девушки.

За время скитаний Кундуз исхудала, потемнела лицом, но даже это не могло скрыть ее удивительную природную красоту.

Из бокового, закрытого шелковой занавеской входа неслышно вышла Тогуз-хатун и остановилась в стороне. Ее внимательные глаза изучали лицо то Кулагу, то лицо молодой женщины. На миг в них мелькнула искорка ревности, но тотчас погасла. Мягкая улыбка тронула ее полные, красивые губы.

— Великий хан, — сказала почтительно Тогуз-хатун, — я хотела бы поговорить с этой беглянкой, прежде чем вы решите ее судьбу. Если будет на то ваша воля, я уведу девушку пока к себе...

Кулагу усмехнулся. Тогуз-хатун что-то задумала, и отказывать ей не было причины.

— Пусть будет так, как этого хочешь ты...

— Пойдем, — сказала Тогуз-хатун и взяла Кундуз за руку.

Девушка не сдвинулась с места, в отчаянии глядя на Коломона.

Тот чуть заметно кивнул.

— Иди за мной, — властно приказала Тогуз-хатун, и нетерпение послышалось в ее голосе.

— Иди, — прошептал Салимгирей. — Случится то, что должно случиться...

С самого начала, когда кончилась их свободная жизнь и они, напоровшись на засаду, оказались в руках монголов, беглецы договорились во всем слушаться Салимгирея.

Придерживая руками тяжелые косы, Кундуз покорно пошла за Тогуз-хатун.

В шатре стояла пугающая тишина, и свет, падающий через отверстие в куполообразной крыше, сделался вдруг тяжелым и тусклым.

Ильхан в упор посмотрел на Салимгирея, угадывая в нем главного.

— Рассказывай. Кто ты? Откуда?

Салимгирей почтительно опустил голову.

— Я был сотником в Золотой Орде, — сказал он тихо. — Я из рода кереев. Узнав, что глава нашего рода Саиджа служит вам, о великий хан, я захотел стать его воином.

Кулагу, словно одобряя услышанное, закивал головой.

— А этот человек, — Салимгирей кивнул на Коломона, — ромей. Он непревзойденный мастер, строитель. Когда Журмагун-нойон захватил город Гянджу, он попал в неволю, затем был отдан Менгу-Темиру и как раб отправлен в земли Золотой Орды. Какой раб не мечтает стать свободным? Поэтому он и бежал. Люди говорят, что церковь, которую он строил в Гяндже, все еще не завершена...

Ильхан оживился:

— Это правда. Я видел эту церковь.

В глазах Кулагу вдруг мелькнул огонек. Он вспомнил о том, о чем еще недавно думал, — объединить вокруг себя христиан, сделать их главной опорой трона.

Ильхан прищурился и испытующе посмотрел на Коломона:

— Ты мог бы ее достроить?

— Да, великий хан.

— Я дарю тебе жизнь. За это ты выполнишь свое обещание.

Помолчав некоторое время, словно забыв о ромее, Кулагу вновь нахмурился и спросил:

— Почему бежали остальные?

— Они жители гор и в свое время тоже оказались в неволе, — сказал Салимгирей.

Ильхан всмотрелся в лица пленников. И, хотя все они были одеты в кипчакские одежды, он легко узнал среди них грузин и армян.

— Но я вижу здесь и кипчаков...

— С нами пятеро воинов из Золотой Орды. Они не захотели больше служить хану Берке.

Кулагу брезгливо поморщился.

— Значит, им стало тяжело? А убегая к ильхану Кулагу, они считали, что будут растить здесь брюхо и валяться на мягких коврах с белотелыми женщинами?

Салимгирей не успел ни ответить, ни возразить. Кулагу резко вскинул голову.

— Да услышат все мое решение. Ты, — он посмотрел на Салимгирея, — спешил к Саидже, чтобы стать его воином. Пусть исполнится твое желание. — Кулагу перевел взгляд на Коломона. — Ты завершишь строительство церкви. В Гяндже много христиан. Пусть это будет

нашим подарком им. Грузин и армян возьмишь с собой. Научишь их обращаться с глиной и камнем.

Ильхан замолчал, прислушиваясь, как жар все выше поднимается по телу. Он дошел уже до поясницы, и скоро должно было начать жечь в желудке.

— Кипчаков убить! — резко сказал он. — Пусть это станет примером для всех. Неблагодарные по отношению к своему хану рано или поздно предадут и того, кто их приютил.

— Великий хан! — крикнул Салимгирей. — Они хорошие воины. Пошлите их со мной, и они станут первыми в битве и прославят ваше имя.

— Не убивайте их! — добавил Коломон. — Пошлите вместе со мной строить церковь!

Не то усмешка, не то гримаса боли исказила лицо Кулагу. Затапливающий болезненное тело жар вызвал в нем чувство бешенства. Ему, ильхану, которому подвластны сотни тысяч людей, предстоит умереть, а ради чего останутся на земле эти пятеро кипчаков? Пусть умрут раньше! Если бы можно было отвести собственную смерть ценой чужих жизней, Кулагу, не задумываясь, уничтожил бы всех до единого из живущих на земле.

И вдруг тишину нарушил мягкий вкрадчивый голос:

— Разве ильхан когда-нибудь говорит дважды?

Это уронил слова визирь Ель-Ельтебир. И всем стало ясно, что участь кипчаков решена.

А Кулагу вдруг спросил:

— Кто эта девушка, которая была с вами?

Коломон сделал шаг вперед, и тотчас в руках стражи блеснули клинки. Ромей невольно попятился.

— Она кипчачка. Моя жена.

— Хорошо. — Ильхан о чем-то сосредоточенно думал.

— Девушка останется в ставке. Ты увидишь ее только после того, как закончишь строить церковь.

— Но почему, великий хан?

— Ты сумел убежать от Берке. Что помешает тебе убежать от меня, если она будет с тобой рядом?

Коломон опустил голову. Ханы не говорят дважды...

* * *

В шатре Тогуз-хатун рабыни и служанки окружили Кундуз. Ханша велела принести ей еду, но девушка ни к чему не притронулась.

Тогуз-хатун пристально рассматривала ее.

— Ты покинула родные степи и бежала в чужие земли с мастером-ромеем... Почему? — спросила она.

Кундуз вскинула глаза. В них стояли слезы — словно плавились светлые льдинки.

— Он любит меня! И я люблю его!

Тогуз-хатун понимающе улыбнулась:

— Как ему не любить... Девушку, у которой такие волосы, полюбит любой мужчина. Все они падки до необычного... Я знаю это...

Ханша вдруг протянула руку, и рабыня, угадав ее желание, вложила в ладонь Тогуз-хатун нож.

Дважды блеснуло широкое лезвие, и тяжелые черные косы упали на пол, застланный ярким, как весенний луг, ковром.

Кундуз, рабыни, служанки пораженно молчали.

Неслышно ступая, подошла старая рабыня, подняла косы и понесла из шатра. Морщинистые руки ее гладили шелк волос, словно они были живыми.

— Зачем? — давась слезами, тихо спросила Кундуз. — Зачем вы это сделали?

На губах Тогуз-хатун застыла злая улыбка.

* * *

При жизни Чингиз-хана все его войско было разделено на два крыла — правое и левое. К правому относились воины, живущие в западных землях, к левому — воины из восточных аймаков.

Согласно этому правилу, было устроено и войско Золотой Орды. Чингизиды со своими воинами на правом берегу Итиля входили в правое крыло, все левобережье и земли вплоть до Мавераннахра составляли левое крыло. Главой первого считался Ногай, вторым руководили младший брат Берке — Беркенжар и сын Туки — Менгу-Темир.

В захвате новых земель обычно участвовало только то крыло, к которому они находились ближе, и лишь в очень больших походах оба крыла выступали совместно. После смерти Бату-хана Орда ни разу не решалась на большой поход на запад, и поэтому, когда было решено вернуть Кавказ, против Кулагу выступило правое крыло под предводительством Ногая.

Не было в это время в Золотой Орде более умного нойона, чем Ногай. По законам, установленным Чингиз-ханом, он не имел права на наследование ханской власти, но влияние его среди чингизидов было велико.

После смерти сыновей Бату, когда решалось, кому быть отныне повелителем Золотой Орды, Ногай принял сторону Берке, и это определило исход спора.

Нойон знал, что Берке не обладает многими качествами, которые необходимы хану, но другие претенденты имели еще меньше достоинств. Это и определило его выбор.

Сразу же, как только Берке, вопреки воле Каракорума, стал ханом, состоялся разговор, о котором одинаково не могли потом забыть ни Ногай, ни новый хан.

Оба они думали о будущем Золотой Орды, но мысли их были разными.

Они сидели в юрте одни, пили кумыс и вели разговор.

— Как ты думаешь поступить с орусутами? — спросил Ногай. — Будем по-прежнему натравливать друг на друга их князей и собирать с народа лисьи и заячьи шкуры? Или у тебя другие мысли?

Берке молчал, любуясь тем, как играли золотые пылинки в солнечных лучиках, падающих в отверстие свода юрты.

— Смотри, — с чуть заметной угрозой в голосе сказал нойон, — орусуты не кочевые народы вроде кипчаков. И обычаи, и то, как они живут, — все другое. Орусуты многочисленны, они привыкли жить на одном месте, и их будет трудно долго удерживать в повиновении. Если у них появится человек, который сумеет объединить княжества, то первой их добычей может стать Золотая Орда.

— У тебя есть что сказать?

— Ты хан, и я хотел бы услышать твое слово...

— Я не думал об этом. Скажи первым...

— Хорошо. — Ногай сощурил глаза, задумался. — Подобно Кубылаю, вступившему в Китай, ты должен войти в земли орусутов и править ими.

— Хочешь, чтоб я ушел к ним и потерял Золотую Орду? — подозрительно спросил Берке. — Хочешь, чтобы со мной произошло то же, что с Кубылаем? У него сегодня есть Китай, но уже нет Великого Монгольского ханства... И кроме того, узнав о наших замыслах, орусуты не захотят этого.

— Орда никогда не боялась посылать своих воинов в битвы... — горячо сказал Ногай. — Можно ведь поступить и иначе. Надо разделить орусутские земли на аймаки, и править ими станут монгольские нойоны. Пусть вместе с ними по орусутским землям кочуют наши воины с семьями.

— Это трудно сделать... Небольшие отряды легко уничтожить...

— Да, будет кровь. Но монголы умеют подчинять и властвовать. Ты пошлешь новых воинов. Девятихвостое белое знамя нашего великого предка Чингиз-хана принесло монголам славу и счастье, — жестко сказал Ногай. — И потому каждый из них будет считать себя счастливым, если умрет под этим знаменем.

Берке с трудом сдерживал охватившую его ярость:

— Так думаешь ты! Но ты забыл, что в свое время не побоялся сказать в глаза самому Чингиз-хану Аргусун-хуурчи.

Кто из потомков Потрясателя вселенной не знал об этом случае? Знал об этом и Ногай.

В одном из походов на восток Чингиз-хан, завоевав земли корейцев и взяв себе для наслаждений дочь покоренного правителя — девушку удивительной красоты, совсем забыл о монгольских кочевьях. И тогда к нему из родных степей примчался певец Аргусун.

— Здоровы ли мои жены, сыновья и весь народ мой? — спросил Чингиз-хан у гонца.

И Аргусун-хуурчи ответил ему песней: — Жены твои и сыновья твои здоровы! Но не знаешь ты, как живет весь народ твой! Жены и сыновья твои здоровы! Но не знаешь ты, о чем думает народ твой! Ест он кожу и кору голодным ртом своим! Но не знаешь ты, как жив народ твой! Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим ртом своим! Твоих монголов обычаев и жизни не знаешь ты!

По глазам Ногая Берке понял, что тот вспомнил слова Аргусуна, и потому с особым наслаждением и злорадством сказал:

— То, что дал великий предок нам — его потомкам, он не дал всем монголам. Ты совсем не знаешь жизни и не можешь знать, захотят ли монголы вновь умирать.

Сказанное ханом было великой обидой, и лицо Ногая сделалось белым.

— Смотри, хан! — уже не сдерживая себя, гневно сказал нойон. — Если ты не сделаешь этого, завтра может быть поздно. Они придут сюда, чтобы властвовать над нами.

Берке верил и не верил Ногаю. И от этого накапливалось против него раздражение и думалось, что Ногай говорит так потому, что все монголы мечтают о битвах.

— То, что ты предлагаешь, сделать невозможно.

— А как же, по-твоему, следует поступить?

— Я не умнее Бату, — уклончиво сказал Берке, — я буду идти путем, который проложил он. Если бы я даже пошел в земли орусутов, едва ли это усилило бы Орду...

Ногай с недоверием и удивлением смотрел на хана. Он не привык видеть Берке подавленным или нерешительным.

— Я не понимаю тебя, хан...

В глазах Берке вспыхнули злые огоньки, и расширились, сделались темными зрачки:

— Посмотри вокруг! Разве ты не видишь, что монгольская сабля уже давно не сверкает так ослепительно, как это было при Бату! Многое переменилось с тех пор, как ушел он из жизни. Покоренные народы по-прежнему боятся нашего сильного войска, но уже не боятся нас, монголов. При Чингиз-хане и Бату монгол был страшен и непонятен, теперь же и орусуты, и другие народы знают о нас все: и как мы живем, и как умеем сражаться. А когда враг понятен, он уже не может напугать, подавить волю. Его боятся только до тех пор, пока он сильнее. Не оттого ли восстали орусутские города: Ростов Великий, Суздаль и Тверь, Ярославль и Устюг? Давно ли Угедэй и Джагатай стерли с лица земли Бухару, но и здесь свосем недавно чернь не побоялась поднять голову. Если бы ты видел это сам так близко, как видел я... Ночь... Суровые лица, непокорные глаза и кровавый свет факелов... — Берке помолчал, словно заново переживая то, о чем рассказывал. — А бунт грузинов против Кулагу под предводительством князей Большого и Маленького Давидов в Тбхисе?.. А недавние события в нашей ставке? Я приказывал вырезать непокорных как баранов, без жалости!..

— Ты правильно делал, — сказал Ногай. — Самый лучший враг — это мертвый враг.

— Я тоже так считаю. Но почему тогда одно волнение следует за другим? Почему их становится все больше и больше? Ты слышал о моем бывшем сотнике Салимгирее... Казалось бы, ужас должен владеть им, потому что он своими глазами видел, как я приказал уничтожить десять тысяч непокорных рабов. Однако верные люди доносят мне, что Салимгирей собирает вокруг себя врагов Орды...

— Вели поймать его!.. И пусть все увидят, как покатится под ноги твоего коня его голова! Только страх способен удерживать людей в повиновении.

— Я так и поступлю... — задумчиво сказал Берке. — Но как суметь страхом остановить время?

Ногай хотел понять, о чем говорит хан. Он пристально смотрел ему в лицо, но лицо Берке оставалось непроницаемым.

— Не слишком ли ты много думаешь, вместо того чтобы заботиться о величии Золотой Орды? — нетерпеливо сказал он.

Берке покачал головой:

— Все мысли наши от бога... Время... Оно кажется мне порой похожим на безбрежное бушующее море. А море может разбить самую крепкую скалу и обрушить самый высокий берег... Я многого не могу понять... и еще меньше объяснить... Бесстрашные тумены Чингиз-хана покорили бесчисленное множество народов кривой монгольской саблей, острой стрелой, тяжелым соилом и жалящей камчой. Мы берем у побежденных все, что нам надо, и правим ими, не слезая с седла... Но, вместо того чтобы слабеть и умирать, они упорно вновь строят то, что мы разрушаем, пасут скот и пашут землю, добывают железо и куют из него мечи. Скажи, мой доблестный нойон, ведь покоренные не стали слабее, чем они были в дни нашей с тобой молодости, когда под предводительством Бату мы топтали их копытами наших коней? Разве это не так? Все чаще бунтует чернь, а разве непокорство не есть проявление силы? Порой мне кажется, что придет такое время, когда и орусуты, и болгары, и жители Мавераннахра откажутся давать нам то, что мы привыкли у них брать. Сможет ли тогда Золотая Орда снова растоптать их, будет ли всегда у нее та сила, которая есть сегодня?

— Тебя для того и подняли на белой кошме, чтобы ты заботился о силе Орды, — раздраженно сказал Ногай. Ему были не по душе рассуждения Хана. — Во все времена рядом с человеком живут несправедливость и насилие. Они вечны. Будь мудрым, будь хитрым, и они не дадут упасть шатру Золотой Орды.

— Даже булатный меч тупится, если им постоянно бить о камень...

Ногай едва сдерживал ярость. Он и так уже позволил себе слишком многое в разговоре с ханом. Другой бы уже поплатился головой за свою дерзость, но Берке всегда позволял Ногаю больше, чем остальным, и разговор их происходил без посторонних. У Ногая были причины для ярости. Впервые он вдруг увидел, что в хане словно сидят два совершенно разных человека. Один правит Ордой так, как привыкли править монголы: он безжалостен, кровожаден, никто не смеет рассчитывать на его пощаду; другой, открывшийся вдруг перед Ногаем, нерешителен, напуган и ведет речи, недостойные чингизида.

— Разве можно править Великой Ордой, не веря в ее могущество! — гневно крикнул Ногай. — Если бы ханом был я!.. Я показал бы всему миру, что нужно Золотой Орде, чтобы она стояла вечно!

Берке вкрадчиво засмеялся. Глаза его вновь сделались пристальными и холодными, а лицо отвердело. Нет, не напрасно не доверял он последнее время Ногаю. «Если бы ханом был я...» Не слишком ли о многом мечтает нойон? Пусть сказано это в пылу спора, и все-таки... Он знал, так думает не один нойон. О власти мечтают все чингизиды...

Берке подозревал Ногаю в тайных замыслах, но ни он, ни нойон не знали еще в это время, не могли даже предположить, что пройдут годы и борьба среди потомков Потрясателя вселенной за право стать ханом унесет множество жизней, зальет степи Дешт-и-Кипчак кровью и явится одной из многих причин, из-за которых навсегда рухнет шатер Золотой Орды, погребая под своими обломками всех тех, кто верил в ее непоколебимость и вечность.

— Ты сказал, Ногай, что если бы ханом был ты... — медленно и жестко уронил Берке. — И при мне она будет стоять. Нет такой силы, которая бы заставила меня свернуть с пути моего деда Чингиз-хана. Я пролью столько крови, сколько потребуется, чтобы имя монгола по-прежнему навело ужас на покоренные народы.

В это день Берке и Ногай расстались недовольные друг другом.

Хан затаил на нойона злобу, а Ногай понял, что Берке из тех ханов, которые довольствуются тем, что никогда не решатся на дерзкий поступок. По мнению нойона, следовало искать среди чингизидов человека, достойного быть ханом Золотой Орды.

Свое назначение предводителем войска, выступающим против Кулагу, Ногай встретил с радостью. Пора было показать соседям, что Золотая Орда сильна по-прежнему и может постоять за земли, которые принадлежат ей. Кроме того, у него подспудно зрела мысль — собрать вокруг себя чингизидов, на которых было бы можно опереться, если бы пришлось вступить в борьбу с Берке. Сам Ногай претендовать на ханство не мог. Но почему не сделать ханом того, кто станет во всем слушаться тебя и постоянно обращаться за советом? Особенно большие надежды он возлагал на Тудай-Менгу и Тули Бука — на внука и правнука Бату-хана. Горячий, порой безалаберный, Тудай-Менгу обожал Ногаю и поэтому легко поддавался ему. Во всем повиновался нойону и выдержанный, более умный Тули Бука...

В тот день, когда решилась участь беглецов, ильхан Кулагу заболел. Как обычно, когда с ним случался приступ, помутился разум и он лежал в своем шатер. Кроме лекарей и нукеров, обретающих жизнь ильхана, никто не смел войти или даже приблизиться к нему.

Вся жизнь в Орде на время, пока к Кулагу вернутся силы, подчинялась Ель-Ельтебиру. Выполняя приказ ильхана, он сразу же в сопровождении стражи велел отправить Коломона с товарищами в Гяндж. Кипчаки, приговоренные к смерти, были связаны по рукам и ногам и брошены в черную юрту. Им предстояло дожидаться, пока поправится ильхан. Приговаривая их к смерти, он не сказал, как они должны быть убиты. Способу, которым должен быть казнен человек, монголы придавали большое значение, и назвать его должен был ильхан.

Визиря заинтересовал Салимгирей. Ель-Ельтебир почувствовал, что это не простой человек — в нем что-то настораживало и в то же время привлекало, и потому, обдумывая, как с ним поступить, он велел пока Салимгирею оставаться в Орде.

Салимгирей знал, что Кундуз находится в ауле ханши, и знал, что проникнуть ему туда не удастся. Аул из нескольких десятков юрт стоял рядом со ставкой, на берегу небольшого синего озера, и, по существующим порядкам, тщательно охранялся личными нукерами ильхана. Всякого, кто попытался бы приблизиться к нему, ждала верная смерть. Да и в самом ауле постоянно шныряли морщинистолычие злобные евнухи.

Но Салимгирею нужна была не жена ильхана, а простая рабыня, кипчачка Кундуз. И он решил попытать счастья — пробрался к озеру и затаился в камышах в надежде на удачу. Он видел, что рабыни ходили сюда довольно часто за водой.

Томительно тянулось время. Солнце уже перекатилось на вторую половину неба и перестало быть горячим, а никто не шел к озеру.

Потеряв всякую надежду, Салимгирей решил выбраться из своего убежища и вернуться в Орду. Вполне могло быть, что его ищут, долгое отсутствие вызовет подозрения.

Но именно в это время он увидел, как по тропинке к воде спускается старая женщина с кувшином. Стараясь не напугать, Салимгирей тихо окликнул ее:

— Апа... Мать... Не бойся меня... Выслушай всего несколько слов...

Рабыня от неожиданности остановилось. Лицо ее было испуганным и растерянным.

— Мать, помоги мне увидаться с сестренкой, сказать ей слова прощания! Сегодня Тогуз-хатун взяла себе новую рабыню. Ты ее видела! Девушка-кипчачка с длинными косами!.. — взволнованно и сбивчиво говорил Салимгирей.

Губы женщины дрогнули:

— Я знаю ее, но не знаю чем могу помочь тебе...

— Приведи ее сюда!.. Я скажу ей всего несколько слов!..

Рабыня покачала головой:

— Разве ты не знаешь, что ждет меня, если я это сделаю?

— Знаю, мать... Но я очень прошу тебя! Разве ты никогда не имела ни сестры, ни брата? Разве ты знала мало горя, чтобы не понять горе другого? Ведь может случиться, что я больше никогда не увижу ее...

Женщина долго молчала, лицо ее было печальным. И все-таки страх, привычка быть покорной удерживали ее от решения.

Наконец она неуверенно сказала:

— Я попробую... Все в руках аллаха...

Набрав воды, женщина медленно побрела в сторону аула.

Старая рабыня пересилила страх и привела Кундуз.

Девушка бросилась к камышам, где затаился Салимгирей, но он властным голосом остановил ее:

— Иди к воде. Делай вид, что полощешь кувшин, и не смотри в мою сторону...

Кундуз повиновалась

— Теперь слушай. Ильхан поставил условие, что не вернет тебя Коломону до тех пор, пока он не закончит постройку церкви в Гяндже. Коломон обещал сделать все быстро. Я же

постараюсь освободить приговоренных к смерти кипчаков, и мы уйдем в горы. Видимо, так предопределено судьбою, что нет нам места на земле для человеческой жизни. Плохо всюду — и в Золотой Орде, и в ильханстве Кулагу... — с горечью говорил Салимгирей. — Бить ли камнем сову, или сову бить о камень — все одно. Погибнет сова. Так и нам не уберечь свои жизни, если покоримся. Как Тараби или Бошман, соберу я вольных людей вокруг себя и стану мстить ханам.

— А как же я? — с болью спросила Кундуз. — Почему ты бросаешь меня здесь одну?

— Пока не освободится Коломон, тебе надо оставаться в Орде. Быть может, ильхан сдержит слово, и вы сможете жить как люди... Моя же дорога неведома и полна опасностей. Кто знает, что может на ней случиться? Оставайся здесь. Мы не бросим тебя. Если все получится так, как я задумал, то далеко мы не уйдем. Дело здесь у меня есть...

У Салимгирея здесь действительно было дело. В ханском шатре, когда допрашивал их Кулагу, увидел он одного человека. Очень знакомым показался Салимгирею этот человек. В памяти всплыло вдруг давнее, но не забытое, словно зарница неблизкой молнии высветила кусок его жизни.

Тогда Салимгирею было тринадцать лет... Один из отрядов Чингиз-хана преследовал его род. Спасаясь от монголов, род ушел в горы Восточного Туркестана, но и здесь не было спасения от черной тучи. Монголы отобрали скот, юрты, вырезали много людей. И самого Салимгирея ждала бы печальная участь, но ему удалось бежать.

Он помнил как, задыхаясь, бежал к спасительному лесу на склоне горы, а за ним слышался тяжелый топот коня. В ужасе Салимгирей оглядывался и видел большого черного всадника с поднятой над головой кривой саблей. Это гнался за ним предводитель монгольского отряда Тайбулы.

Только густой лес заслонил его от неминуемой смерти... Но лицо монгола не могли заслонить даже время и то тяжкое, что выпало в жизни на долю Салимгирея.

В шатре Кулагу он узнал Тайбулы, и голос крови требовал теперь отмщения.

Где бы Салимгирей ни был, в каких сражениях ни участвовал, всегда глаза его искали врага. И вот теперь, кажется, цель близка.

Прогнав не к месту нахлынувшие воспоминания, Салимгирей только сейчас заметил, что у Кундуз больше нет ее прекрасных кос.

— Ты зачем отрезала волосы?

— Это не я... Это она... — Из глаз девушки закапали крупные слезы.

— Кто?

— Тогуз-хатун... Она сказала, что девушки с длинными волосами нравятся мужчинам...

Салимгирей выругался.

— Придет время, и я брошу эту потаскушку поперек седла! — гневно сказал он. — Не печалься. Голова цела, а волосы еще вырастут.

Размазывая слезы по лицу, Кундуз попыталась улыбнуться:

— Правда?

— Конечно. На вашем с Коломоном праздничном тое у тебя снова будут чудесные волосы.

— Когда он будет, этот той?

— Будет. И волосы вырастут быстро, и Коломон скоро закончит церковь...

— Пусть бог услышит ваши слова...

— Прощай, Кундуз...

* * *

На юге день умирает быстро. Едва солнце коснулось края земли, на мир пала тьма и крупные, как яблоки, звезды замерцали в бездонной глубине неба.

Салимгирей долго лежал в зарослях чия, прислушиваясь, как затихала жизнь в Орде. Один за другим потухали костры у юрт, на которых готовился ужин, стал слышен лай собак, да изредка из степи доносились гортанные крики воинов, стерегущих косяки лошадей. Теплый ветер налетал порывами. Верхушки чия сухо и таинственно шептали.

Салимгирей был терпелив. Черная юрта, где находились пленные кипчаки, стояла у самого края Орды, и даже во тьме, подсвеченной мерцающим жидким светом звезд, он хорошо видел ее купол. Истерзанная за день копытами коней, засыпала земля. Когда сделалось совсем тихо, Салимгирей начал переползать от куста к кусту. Припадая ухом к земле, он слышал, как ходил вокруг юрты воин, охраняющий пленников.

«Кто он, этот человек? — подумал Салимгирей. — Быть может, единственный сын у матери? Но таков закон войны. Если я не убью его, погибнут пять моих товарищей. Этот воин, повинувшись приказу своего ильхана, считает незнакомых ему людей врагами. Для меня же враг он, и именно потому, что привык не думать, а повиноваться».

Длинной была дорога в ильханство Кулагу. О многом успел передумать Салимгирей, греясь у потаенных костров, разведенных где-нибудь на дне глубокого оврага. Правильно ли он поступил, подняв рабов в Сарай-Берке? Не слишком ли большая плата за спасение Коломона — гибель десяти тысяч рабов?

Салимгирей вдруг понял — дело было совсем не в Коломоне. Случай с ромеем лишь повод. Когда Махмуд Тараби позвал в Бухаре людей за собой, его вела вера в то, что сломленным чужеземными завоевателями людям надо напомнить, что они не рабы, что есть на земле такое понятие, как свобода. Человек, забывший об этом, становится рабом; человек, помнящий об этом, даже в рабстве остается человеком.

Перед глазами Салимгирея вдруг встала та страшная ночь в Сарай-Берке. Он увидел пожилого раба, с которого только что сбили оковы. Тот стоял на гребне глиняного забора — дувала, высоко подняв руки, и морщинистое лицо его, освещенное дрожащим светом факелов, было прекрасным. Человек кричал:

— Люди! Видите, я свободен! Чем сто лет жить в цепях, лучше одну ночь побыть человеком!

Салимгирею часто снилась та ночь. Он видел улицы, заваленные телами убитых, слышал предсмертные крики и звон сабель.

И тогда появлялось счастливое лицо незнакомому ему раба...

Далекий топот коня насторожил Салимгирея. Черная юрта была уже рядом, и он вжался в землю, боясь пошевелиться.

Подъехавший всадник окликнул караульного:

— Эй, ты не заснул здесь?

— Нет.

— Смотри. Не вздумай заснуть. Если что-то случится с пленниками, по земле покатится твоя голова...

— Знаю... — воин тяжело вздохнул. — Что с ними будет? Руки и ноги их связаны...

— Ночь темная... — сказал всадник. — Как только взойдет луна, я пришлю тебе замену.

— Кто они, эти люди? — спросил воин.

— Кипчаки. Они предали своего хана, а наш ильхан одной с ним крови... Потомки великого Чингиз-хана не прощают измены даже тогда, когда ненавидят друг друга.

— Да, вина их страшная. Прощения им не будет...

— Смотрите в оба. В Орде много кипчаков, и кто знает, нет ли среди них родственников пленников. Всякое может быть.

Всадник повернул коня и медленно поехал прочь. Вскоре топот копыт затих.

Салимгирей медленно вытащил нож и, неслышно оторвав свое тело от земли, метнулся к юрте.

Через несколько минут шесть человек, похожие в звездном свете на тени, растаяли в темноте. Все так же налетал порывами ветер, и тонкие стебли чия телись друг о друга, их шорох заглушал осторожные шаги беглецов.

* * *

Прошло совсем немного дней, и среди народов, населявших ильханство Кулагу, пополз слух о том, что в горах появились вольные люди, которые нападают на монгольские отряды. Они не трогают, не обижают простой народ, зато ханские сборщики налогов не знают от них

пощады.

Когда весть достигла ушей Кундуз, радости девушки не было предела. Значит, Салимгирей жив и добился того, что задумал, а это обещало скорое избавление от тяжелой участи рабыни.

Только ильхана Кулагу никак не тронуло сообщение о вольных людях. Ему ли, великому и могучему, было бояться появления какой-то бродячей ватаги? Он просто повелел своему визирю отправить отряд на поимку непокорных и сразу же забыл о случившемся.

Своей привычной жизнью жила Орда. Незнающему человеку могло показаться, что множество юрт, разбросанных в степи, поставлено как попало и кому где вздумалось. Но тот, кто следовал порядкам, установленным великим Чингиз-ханом, знал, что когда Орда меняла место, бросая вытоптанный до черной пыли кусок степи, она ставила свой новый войлочный город в строго определенном порядке.

Скрипели вереницы тяжелых двухколесных арб, шли бесконечные караваны крикливых и злобных верблюдов с громоздкими вьюками. Меж тугих, упругих горбов сидели женщины и дети.

Проходило совсем немного времени, и из этого, казалось бы, беспорядочного движения и суеты вдруг появлялся первый ряд юрт. Они были самые большие и белые и предназначались для ильхана: юрта-дворец, юрта для приема послов, юрты, где днем обитали визири. За ханским рядом стоял ряд, где жили визири, потом шел ряд, предназначенный для ханских жен. Дальше находились жилища нукеров, нойонов, воинов. В десять рядов выстраивала Орда свой город.

И если хан был христианином, то находилось место юрте-церкви и юртам, где жили попы. Если же повелитель Орды исповедовал ислам, воздвигались юрты-мечети...

В одном Кулагу отступил от степных правил — он отделил своих жен от Орды и разрешил им устраивать свой отдельный аул.

Так было и в этом году. Жены ильхана выбрали себе место неподалеку от главной ставки, в широкой части небольшой зеленой долины, у озера.

Самой большой и самой красивой юртой была юрта старшей жены Тогуз-хатун. Она была подобна белой горе, и украшал ее чудесный орнамент из красного бархата. На расстоянии брошенного камня от нее, украшенная орнаментом из синего бархата, находилась юрта второй жены, еще дальше — в зеленых узорах юрта третьей жены...

В отличие от кипчакских аулов, в которых юрты ставились там, где этого хотели хозяева, монголы выстраивали их в одну линию с запада на восток.

В женском ауле не часто встретишь мужчину. Только изредка пробежит из юрты в юрту евнух, отдавая на ходу приказания писклявым голосом какой-нибудь из рабынь. Даже в те вечера, когда здесь появлялся сам ильхан в сопровождении охраны, в ауле царил полный порядок. Пока Кулагу предавался утехам с одной из жен, нукеры находились под присмотром евнухов и не имели права ни на шаг отходить от того места, которое было отведено им. Только безумец осмелился бы проникнуть в женский аул.

Ничто не нарушало его покой и в эти дни. По-прежнему перед заходом солнца, поднимая облако золотой от вечерних лучей пыли, проносился на водопой к озеру большой табун лошадей. В вечерней тишине было слышно, как жадно, отфыркиваясь, пили воду животные, как залиристо и яростно ржал жеребец, наводя порядок в табуне.

Кундуз с тревогой прислушивалась к этим звукам, и сердце сжимала тоска по Коломону, по воле, которую она так неожиданно потеряла. Приближалась осень. И хотя давно должна была наступить прохлада, дни были по-прежнему жаркими, а прилетавший из степи ветер нес зной и запахи нетоптанных трав.

Кундуз нездоровилось. Она лежала в юрте для рабынь исхудавшая, тихая, равнодушная к тому, что делалось вокруг. Вязкая дрема туманила сознание. Если бы она знала, что происходит в этот миг в юрте Тогуз-хатун, она бы нашла в себе силы подняться и подобно птице полететь туда.

А Тогуз-хатун в это время сидела в окружении остальных жен ильхана. Ярко пылала в светильниках черная вода земли, и оплывший от жира евнух, полуприкрыв глаза и раскачиваясь всем телом, рассказывал тонким голосом старинную легенду «Сал-Сал»:

— *И выехало тогда чудище верхом на слоне,
А ноги его волочились по земле...*

Вдруг дверь тихо распахнулась, и воины с обнаженными саблями ворвались в юрту. Кто-то из женщин слабо вскрикнул.

— Тихо! Пусть каждый останется на своем месте, — властно приказал черноусый воин.

Тогуз-хатун упала на ковер ничком, прижимая к груди атласную подушку. Воин шагнул к ней.

— Где девушка-кипчачка, которой ты отрезала косы?

Ханша то ли от испуга, то ли из-за упрямства молчала.

— Я последний раз спрашиваю тебя!

Тонко свистнула за войлочной стеной юрты стрела и, пробив ее упала у ног воина. На улице послышались крики, звон сабель.

Он наклонился и рванул Тогуз-хатун за руку:

— Поднимайся. Ты поедешь с нами.

Ханша стояла перед ним бледная, полураздетая.

— Оденься! — крикнул воин, тревожно прислушиваясь к звукам на улице.

Тогуз-хатун вдруг засмеялась. Она поняла, что стража уже обнаружила чужаков и близко освобождение.

— А я-то думала, что велят раздеться до конца...

— Придет время, и, быть может, ты услышишь и эти слова. А сейчас пошли... — Воин грубо схватил ее за плечо и приставил к горлу лезвие ножа. — Ну же!

Тогуз-хатун поняла, что отчаяние может толкнуть воина на все, а помощь была еще далека.

— Я отдам тебе девушку-кипчачку, — хрипло сказала она, косясь на острое лезвие.

— Поздно. Ты поедешь с нами...

Тогуз-хатун вдруг покорилась. Желание выжить любой ценой овладело ею.

Два воина подхватили ханшу под руки и потащили к выходу.

Черноусый обернулся к другим женщинам:

— Ваша очередь наступит в следующий раз... Мы сейчас уйдем, но если кто-нибудь из вас закричит, он больше никогда не увидит солнца!

Повизгивая, катался в страхе по полу похожий на кусок теста евнух.

Воины исчезли. Громкий топот копыт растаял в степи, и только гортанные крики погони да звон железа, когда схватывались в коротком поединке преследуемый и преследователь, эхом долетали из тьмы ночи.

Воины Салимгирея уходили в горы, в темные ущелья, где можно было укрыться от погони. Дерзкое, небывалое дело совершили они.

Долго обдумывал Салимгирей, как выручить Кундуз. Решение пришло неожиданно.

Ханские лошади, которых обычно гоняли на водопой к озеру, днем паслись в предгорьях, и воины Салимгирея, выждав удобный момент, связали табунщиков и, переодевшись в их одежды, сами погнали лошадей на вечерний водопой.

Когда животные утолили жажду, не стоило большого труда направить их не привычным путем, а повернуть на аул ханских жен. Обеспокоенная стража бросилась навстречу, чтобы в наступившей темноте полудикий табун не повалил юрты и не растоптал их обитателей. Этим и воспользовался Салимгирей.

Кундуз выручить не удалось. Воины его были обнаружены, и пришлось быстро уходить. Вот тогда-то, не видя иного выхода, Салимгирей и решил взять заложницей любимую жену ильхана — Тогуз-хатун.

Еще никогда не случалось в Орде такого. Примчавшийся в женский аул отряд нукеров ничего не мог поделать. Ночь укрыла дерзких воинов Салимгирея, и ветер унес пыль, поднятую копытами их коней. Головы виновных и невинных приказывал рубить взбешенный хан.

Через неделю в Орду прискакал израненный монгольский воин. Стража сразу же привела его к Кулагу. Валяясь у ног ильхана, вымаливая себе жизнь, воин рассказал, что в горах на их отряд напали разбойники. Только его пощадили они, велев передать ильхану, что в

условленном месте вернут ему Тогуз-хатун в обмен на девушку-кипчачку по имени Кундуз.

Гнев душил Кулагу, но выбора не было. Он смирил себя. Очень не хватало ему Тогуз-хатун, да и не мог позволить ильхан, чтобы подвластные ему народы заговорили о его бессилии и слабости. Придет время, и он жестоко покарает тех, кто посмел унизить его достоинство. Сейчас же предстояло согласиться на требование разбойников.

По приказу ильхана четверо нукеров повезли Кундуз в условленное место.

* * *

Прежде чем отпустить Тогуз-хатун, Салимгирей сказал:

— Ты свободна, потому что не виновата перед нами, но скажи ильхану, что придет такое время, когда он будет держать ответ. Пролитую кровь можно искупить только кровью...

Ханша стояла перед ним красивая, чуть располневшая. Алые, сочные губы ее тронула улыбка.

— Я передам это ильхану... Но не слишком ли рано отпускаешь ты меня?

Салимгирей презрительно отвернулся.

— Напрасно торопишься. Твои воины могут обидеться. Им будет скучно...

Салимгирей посмотрел на стоящих вокруг воинов. Один из них вдруг покраснел, опустил глаза, другой задвигал черными усами и оскалил крупные зубы в улыбке.

— Уезжай!

— Ну что ж... Твоя воля... Здесь ильхан ты...

Тогуз-хатун подошла к коню и легко, почти не касаясь стремени, взлетела в седло.

Кони двух женщин встретились на тропе, и каждая посмотрела в глаза другой. Тогуз-хатун — дерзко и весело, Кундуз — устало и печально.

Салимгирей сам принял повод коня Кундуз и помог сойти ей с седла.

Девушка ткнулась ему лицом в грудь, и плечи ее задрожали.

— Не плачь, — тихо сказал воин. — Не надо плакать. Все будет хорошо... Мы скоро вернемся в кипчакские степи.

Кундуз отстранилась от Салимгирея и со страхом и надеждой заглянула ему в глаза:

— А как же Коломон?

— Не плачь, девочка... — повторил Салимгирей. — Все будет хорошо...

* * *

Откуда было знать Кундуз то, что знал Салимгирей. Любовь и дело, которому без остатка отдает себя человек, помогают ему обрести крылья. И крылья эти надежно служат человеку, какая бы беда ни приключилась с ним.

Долгие годы рабства не сломили Коломона. Раньше жить ему помогало дело, сейчас же, когда пришла любовь, мир был полон удивительных красок, и казалось, что время бесконечно, что все можно начинать сначала.

Словно ножом по горячему, живому сердцу полоснули слова Кулагу, сказанные о Кундуз: «Ты увидишь ее только после того, как закончишь строить церковь».

Что мог поделаться вчерашний раб, если этого захотел ильхан? Неповиновение означало смерть. Но теперь у Коломона была любовь, и ради нее стоило жить. Оставалось работать, верить и ждать.

И чем бы ни был занят, какое бы дело ни делал Коломон с той поры, как ханские нукеры привезли его в Гяндж, перед глазами неотступно стояла Кундуз. Он видел ее лицо в предрассветных туманах, наползающих из горных ущелий, она приходила к нему в снах.

Ромей работал самозабвенно, каждый потерянный впустую миг казался ему вечностью. Только скорейшее завершение работы могло приблизить заветную встречу.

Чуткое сердце предостерегало Коломона: «Не верь ильхану», — но слабым огоньком, путеводной звездой мерцала надежда.

Ему нравилось строить церкви. В отличие от мусульманской мечети, где украшать стены разрешалось только орнаментом, в церкви было дозволено многое.

Коломон всегда любил рисовать человеческие лица. Даже лики святых, рожденные его кистью, порой удивительно напоминали реальных людей, когда-то встреченных и запомнившихся ему на дорогах жизни.

И снова, как в Сарай-Берке, захватила Коломона мысль — нарисовать Кундуз. Ромей не был сумасшедшим и все-таки не мог справиться с тем искушением, которое вдруг овладело им.

Он знал, что совершит святотатство, если поселит под сводами христианского храма девушку-мусульманку. Кара будет жестокой. Ильхан обязательно приедет посмотреть церковь, а ведь он наверняка помнит Кундуз, и тогда...

Коломон уже начал оформлять алтарь. Он быстро и привычно писал святых, и только место, где должна была быть изображена Матерь Божья, все еще оставалось пустым.

Разум предостерегал ромея, рисовал ему картины страшной кары, а рука, сжимающая кисть, тянулась к подготовленной стене, повинувшись только сердцу.

С каждым днем приближалось время окончания работ и час, когда надо было принять окончательное решение. И однажды сердце заглушило разум. Кисть коснулась загрунтованной стены...

На освящение церкви прибыл сам ильхан. Он был хмур и рассеян — болезнь все больше давала о себе знать, и Кулагу чувствовал, что конец его приближается. Бегло осмотрев то, что сделал ромей, он велел наградить его горстью золотых монет.

Уже сидя на коне, готовясь тронуть повод, он вдруг, словно вспомнив что-то, обернулся к Коломону:

— Ты ни о чем не хочешь спросить меня, ромей? Я помню и сдержу свое слово... — Кулагу криво усмехнулся. — Твоя жена жива и здорова, но ты пока не увидишь ее. Скоро мои доблестные тумены войдут в Мекку. После того как ты построишь в этом гнезде ислама христианскую церковь, ничто не будет больше мешать тебе воссоединиться со своей возлюбленной.

Ильхан отвернулся и тронул коня. Коломон с криком бросился за ним, но нукеры, сопровождающие Кулагу, швырнули ромея в дорожную пыль.

Вера, которой все это время жил Коломон, рухнула, и на ее место пришло отчаяние. Жить не хотелось. То, о чем сказал ильхан, не оставляло надежды. И только товарищи, с которыми он бежал из Золотой Орды, не дали ему в те дни умереть.

Коломон не знал, что делать дальше, как поступить.

Но не прошло и недели после отъезда Кулагу, как стремительные тумены Ногая, подобно урагану, ударились о стены Гянджа и, сокрушив их, ворвались в город. Битва была кровопролитной, но недолгой. Горожане дрались отчаянно, но врагов было много. Лавина всадников в одежде, покрытой серой степной пылью, растеклась по улочкам города, убивая, грабя, насилуя.

Вместе с рабами и горожанами Коломон укрылся в только что построенной им церкви.

Похудевший, с глубоко провалившимися глазами, ромей сражался яростно. Отчаяние руководило его поступками. Выпуская очередную стрелу во врагов, окруживших церковь, Коломон не думал, что защищает обитель бога, которому он поклонялся всю жизнь. Сейчас ромей защищал себя и Кундуз, которая, как и в дни выпавшего на их долю счастья, была с ним. Преданно, чисто и светло она смотрела на него с алтаря.

Стрела с черным оперением вошла Коломону в грудь. Он не почувствовал боли, только вдруг закружился над ним гулкий свод храма, и он, лежа на каменных плитах пола, увидел грозные глаза бога, и легкие белокрылые ангелы заматались словно испуганные ласточки под синим куполом.

От стены вдруг отделилась Кундуз, подошла к Коломону, опустилась на колени и закрыла ему глаза ладонями.

А в дубовую, окованную железом дверь церкви мерно и гулко били монгольские тараны. Пронзительно и страшно ржали кони...

Беркенжар, прибывший с пятидесятитысячным войском Золотой Орды на помощь Кайду, тяжело заболел.

Законы Чингиз-хана предусматривали подобное. Чтобы не терять драгоценное время, представители туменов, собравшись вместе, должны были вручить себя воле судьбы и тянуть

жребий. Тот, кто окажется самым счастливым, становится лашкаркаши всего войска.

Но на этот раз прибегать к жребию не пришлось. Кочевавший в низовьях Сейхуна Менгу-Темир, услышав о болезни Беркенжара, прибыл в распоряжение войска с отрядом в тысячу всадников и принял войско из рук больного брата хана Золотой Орды.

Битва произошла близ города Сайрама, и Барак, разгромленный совместными силами Менгу-Темира и Кайду, бежал в глубь Мавераннахра.

Но победители не стали его преследовать. Дойдя до Отрара, они остановились и решили дать отдых войску.

Обосновавшись в Ходженте, Барак стал лихорадочно собирать новой войско. Нужно было оружие, а его не было. И тогда, по совету мусульманского духовенства, пригрозив резней, Барак потребовал от ремесленников Бухары и Самарканда, чтобы они сделали для него все необходимое.

Уставшие от поборов и грабежей, не видя иного выхода, ремесленники согласились.

Во дворах и на улицах городов запылали кузнечные горны. Днем и ночью не прекращались работы, звенели о наковальни молоты и шипело, поднимая клубы пара над сосудами с водой, красное железо, превращаясь в сталь.

И снова, как в прежние годы, вдруг появилось на устах горожан имя Тамдама. Непокойно сделалось в Бухаре и Самарканде. Шепот порою бывает страшнее крика.

* * *

Кайду, остановив свои тумены близ Отрара, упорно тянул время, не спешил вступать в земли Мавераннахра. Нойоны торопили его, говорили, что сейчас, когда Барак потерял войско, самый удобный момент, чтобы навсегда покончить с ним.

Кайду отмалчивался. Когда об этом же стал твердить ему и Менгу-Темир, он сказал:

— Что делать нам дальше, пусть скажет повелитель Золотой Орды — Берке-хан.

Кайду словно угадал мысли Берке. Тот и хотел присоединить к себе Мавераннахр, и боялся.

До сих пор войны, которые он вел, не мог осудить ни один чингизид. Берке выполнял только волю Потрясателя вселенной — возвращал себе земли, которые принадлежали улусу Джучи согласно его завещанию. Посягнуть же на Мавераннахр значило поднять руку на Джагатаев улус. Это грозило хану многими бедами.

Северный Кавказ, Ширван, земли вплоть до Отрара возвращены им и снова принадлежат Золотой Орде.

Берке понимал, что ему никогда не совершить того, что сумел сделать Бату-хан. Но ведь не уронить величия Золотой Орды тоже не просто. И это удалось. Вновь сделались земли, принадлежащие Орде, необъятными, и было отчего радостно биться сердцу хана.

Тихо было и в орусутских городах. Там все еще не могли прийти в себя от монгольской жестокости. Что ж, если орусуты посмеют все же поднять голову, то кони у Орды по-прежнему быстры, а воины не разучились владеть саблей и тугим луком.

Хана радовала тишина, но где-то глубоко в душе постоянно жила необъяснимая тревога. Его мучила загадочность поступка Бату-хана. Он искал и не находил ответа, почему этот мудрый и опытный воин не решился остаться навсегда в землях Харманкибе. Там высокие травы и чистые воды, и всего бы хватило и монгольским коням, и храбрым воинам. Но Бату-хан не воткнул в этих землях девятихвостое белое знамя Чигиз-хана, а вернулся в кипчакские степи. Почему?

Монгольские тумены победили, и не было силы, способной в то время противостоять им. А если Бату боялся за будущее своей Орды, если он видел то, чего не дано было видеть никому?

Когда Берке думал об этом, ему становилось не по себе. Жгучая тайна виделась хану в поступке Бату.

Ногай говорит, что надо войти в землю орусутов, сделать ее своей, а орусутов превратить в монголов. Сказать это легко. Но разве Ногай умнее Бату? Нет. Берке был уверен, что он умнее Ногай хотя бы уже потому, что следует во всем пути, указанному Бату-ханом, и не сворачивает

в сторону.

Бату учил властвовать орусутами со стороны, и властвовать безжалостно. Так и следует поступать.

Верные люди, прибывающие в Орду с купеческими караванами, сообщают, что немецкие рыцари вновь собираются в поход на Новгород и Псков, чтобы подчинить себе западные и северные земли орусутов. Неужели об этом ничего не знают князья? А если знают, то почему молчат? Неужели они так уверены в себе и совсем не боятся своих давних врагов?

Хану казалась подозрительной эта тишина. Ну, а если орусуты все-таки обратятся за помощью, то как поступить в этом случае?

Здесь Берке не сомневался. Князьям надо было помочь, потому что какой же охотник уступает другому красную лисицу, кто добровольно откажется от своего данника?..

Ногай угрюмо, исподлобья смотрел на лазутчика. Одетый в лохмотья дервиша, с измазанным пеплом лицом, худой и черный, стоял тот перед ним, почтительно склонившись, и говорил:

— Беглецы прячутся в горах. Каждый из них меткий стрелок, а все храбры, как снежные барсы. Они не трогают бедняков и выслеживают лишь сборщиков податей... Я не знаю их числа, но, судя по следам, оставленным копытами коней, беглецов много.

— Иди. Я прикажу наградить тебя, — сказал Ногай.

Когда лазутчик ушел, он долго сидел в одиночестве, думая, как теперь поступить.

Ногай, победивший хитрого и смелого Кулагу, не испытывал страха перед разбойниками. И все же надо было принимать какие-то меры. Не впервые за свою долгую жизнь воина он встречался с подобным. Ничто не могло поколебать порядка, установленного монголами на завоеванных землях, но когда появлялись непокорные, они были похожи на занозу в руке, держащей саблю. От них надо было избавляться, чтобы не чувствовать постоянного раздражения и зуда.

Из прошлых походов Ногай знал, что кара для таких должна быть страшной, чтобы ужас поселился в душах тех, кто увидит ее. Поэтому он решил послать на поимку непокорных пятьсот воинов.

Не знал Ногай, что Салимгирей лишь ненадолго остановился в покоренных землях. беглецы уходили в сторону кипчакских степей.

Храбрый воин осуществил то, что задумал. Человек, увиденный им в шатре Кулагу, действительно оказался Тайбулы. Это он вырезал в свое время род Салимгирея. Долго искал тот встречи с ненавистным нойоном и наконец настиг его на берегу реки, где нойон поставил свои юрты, собираясь развлечься охотой.

Взяв с собой только сорок самых смелых и преданных воинов, Салимгирей ночью напал на лагерь Тайбулы.

Недолгой была сеча. Не ожидавшие нападения воины нойона выскакивали полураздетыми из юрт, и здесь их встречали сабли и стрелы.

Салимгирей увидел того, кого искал. Тайбулы, облитый тусклым светом луны, стоял у своей юрты, что-то кричал, размахивая саблей.

На всем скаку налетел на нойона Салимгирей и с размаху опустил на его голову шокпар — короткую дубинку с утолщением на конце.

Он не слышал звука удара, но, обернувшись, увидел, как большое тело Тайбулы мягко оседает на землю.

Месть свершилась, и Салимгирей закричал своим воинам, чтобы они отходили. Больше здесь нечего было делать.

Прежде чем воины нойона отыскиали и оседлали коней, всадники Салимгирея были уже далеко.

Через несколько дней отряд перевалил горные хребты и вышел во владения Золотой Орды, где стояли тумены Ногай.

Как река собирает ручьи, так и отряд Салимгирея с каждым днем становился все больше и больше, пополняясь скрывающимися в горах осетинами и черкесами.

Воины, потерявшие родину, люди, которых повсюду ждала смерть или рабство, при встрече с монгольскими отрядами дрались отчаянно. Беглецы превратились в грозную силу, и

там, где они появлялись, местные жители делились с ними хлебом и мясом, указывали потаенные тропы.

Кундуз, узнав о смерти Коломона, осталась в отряде. Трудно было теперь узнать в ней прежнюю нежную и трепетную девушку. Одетая в мужскую одежду, она не хуже любого воина держалась в седле, метко стреляла из лука и участвовала во всех схватках с монголами.

У Кундуз больше не было того, кого она любила, и поэтому родным домом стал для нее отряд Салимгирея.

С каждым днем каменело ее сердце, и она все больше жаждала мести. Во всех несчастьях, выпавших на ее долю, отнявших у нее любимого, Кундуз винила хана Берке.

Только с Салимгиреем была она откровенна, только он, видевший ее недолгое счастье, мог понять Кундуз. И Салимгирей утешал ее как умел.

Не знал он, что беда уже идет по следам. Воины, посланные Ногаем, упорно искали беглецов, и уклониться от встречи с ними было нельзя. По храбрости и умению противники не уступали друг другу, но преследователей было больше, и сила ломала силу.

Несколько раз отряду удавалось вырваться из кольца. Но с каждым разом все меньше и меньше воинов оставалось у Салимгирея. Никто из них не надеялся на пощаду и потому предпочитал лучше умереть, чем отдать себя в руки преследователей.

Однажды, когда казалось, что наконец-то все позади, отряд попал в засаду. Плечом к плечу отбивались Салимгирей и Кундуз от нападающих врагов, но вдруг конь девушки встал на дыбы. Последнее, что успел увидеть Салимгирей, это стрелу, торчащую из горла коня, и черные змеи волосяных арканов, опутавших Кундуз. Пробриться он к ней на помощь не сумел.

Велико было удивление монголов, когда оказалось, что схваченный ими воин — женщина.

Тудай-Менгу, предводитель отряда, взглядываясь в лицо Кундуз, пораженный ее красотой, цокал языком и повторял:

— И такая красавица могла умереть! Пай-пай! Девушка-батыр! Я возьму ее себе пятой женой. Она родит мне сыновей — бесстрашных воинов...

Но Ногай, узнав об удивительной пленнице, отобрал ее у Тудай-Менгу.

— Я отправлю ее хану Берке, — сказал он. — Все, что имеет цену, принадлежит нашему повелителю. Такая красота стоит тысячи золотых монет.

— Отдай девушку мне, — упрашивал Тудай-Менгу, — я и сам заплачу кому угодно эту тысячу!

Но Ногай был непреклонен.

Берке узнал Кундуз. И снова, как тогда, когда он впервые увидел ее на рассвете, верхом на прекрасном иноходце, в душе его проснулось желание.

Глядя на девушку маслено поблескивающими глазами, хан сказал:

— Аллах велик! Где бы ты ни была, куда бы ни старалась скрыться, он вернул тебя мне. Так будет во веки веков...

Кундуз молчала. Если бы Берке знал, сколько скопилось в душе девушки ненависти к нему, он приказал бы ее немедленно казнить.

Хан велел позвать младшую жену Акжамал, дочь бая из рода аргын, и приказал ей:

— Возьми пленницу к себе, и пусть она станет тебе сестрой. За время скитаний она огрубела. Научи ее тому, что должна знать женщина...

«Придет время, — думал Берке, — и я сделаю ее своей женой. Что из того, что она не захочет этого? Великий Чингиз-хан учил: „Если враг твой лишился сил, не убивай его, а лучше надругайся над ним“. Тому, кому повинуются Золотая Орда, подчинится любая женщина. Пусть перебесится, привыкнет к мысли, что для нее нет иного выхода. Ведь и с Акжамал было подобное. Теперь же она покорна...» При мысли об Акжамал сердце хана охватила сладкая истома.

Хороша младшая жена. Лицо ее румяно, а тело белое и гибкое, как тростинка. Она тоже не хотела становиться его женой.

Самой младшей была она в семье аргынского бая, владельца несметных косяков лошадей. Избалованной, веселой была Акжамал... Но пришло время...

Девичья доля подобна доле жеребенка. Жеребенку, когда он становится стригунком,

одевают недоуздок. Девочке, когда она повзрослеет, приходится надеть кимешек — белый головной убор. И с этого времени словно ветер уносит прочь все шалости, все легкомыслие.

В шестнадцать лет пришлось Акжамал надеть кимешек и стать женой Берке-хана.

Что проку, что она сопротивлялась и плакала. Отец ее, боясь гнева Берке, связал дочь арканом и отправил Акжамал тому, кто ее пожелал.

Хорошо помнил Берке, как впервые увидел Акжамал. Он гостил тогда у своего брата Орду — повелителя Голубой Орды. Возвращаясь с охоты, они заехали в богатый аул аргынов, чтобы утолить жажду — напиться кумыса. Здесь и попала ему на глаза девушка.

— Отдай ее мне, — попросил Берке брата.

Орду сказал баю:

— Ты слышал просьбу хана Золотой Орды? Сделай так, как этого хочет он. А если не отдашь дочь...

Последнее он мог не говорить. Кто бы посмел перечить воле и желаниям двух ханов?

Так Акжамал стала четвертой женой Берке.

Шло время, а она не могла полюбить хана. Тело ее принадлежало ему, но душа оставалась непокорной и свободной.

Берке это чувствовал, и порой раздражение охватывало его, но он не мог не любоваться печальной красотой Акжамал.

Поручая Кундуз молодой жене, Берке не рассчитывал на то, что Акжамал станет от этого веселее. Другое задумал хан.

Он помнил, как в свое время, когда он привез ее, остальные жены, жившие до этого в дружбе и мире, вдруг начали ссориться друг с другом и ревновать его к Акжамал. Теперь же Берке хотел, чтобы она вспылала ревностью к сопернице. Ведь Акжамал — женщина, и не может ее сердце остаться равнодушным и спокойным, если ее место займет другая. А станет ревновать — не заметит, как потянется к хану, ища его любви и расположения.

Шли дни, а надежды Берке не оправдывались. Младший визирь, каждое утро доносящий хану о том, что делается в его женских юртах, рассказывал, что Акжамал и Кундуз не только не ссорятся, но, наоборот, подружились.

Хан знал, что визирь его не обманывает, и в то же время не хотел верить ему. Не могло быть такого, чтобы одна красивая женщина не ревновала другую. Наверное, Акжамал только делает вид, что ей все равно — станет ли Кундуз очередной женой хана или нет.

Однажды, как обычно в сопровождении нукеров, хан приехал к камышовому озеру. Лето в тот год выдалось дождливое, зато осень пришла тихая и теплая, вся в пестрых одеждах. Золотом и багрянцем засияли дальние леса, и даже степь не казалась сухой и бурой, а была похожа на мягкий пестрый ковер. Тонкие серебряные паутинки медленно пылали в золотистом свете утра.

По глади озера плавал одинокий лебедь. Иногда он вытягивал красивую тонкую шею к выцветшему за лето бездонному небу, и тоскливый крик летел над водой, над таинственно шуршащими пушистыми метелками камышей.

Улетели в теплые края птицы, которые летом появлялись на озере рядом с одиноким лебедем. Они были дикими и свободными и имели сильные крылья.

Берке больше не пугало одиночество священной для него птицы. Дела в Орде шли хорошо, и свершилось то, что он задумал. Все чингизиды, все жадно и завистливо смотрящие в его сторону почувствовали, что Золотая Орда по-прежнему сильна и сумеет покарать каждого, кто посмел поднять на нее меч.

Странно, но печальный клик лебедя будил в душе Берке не грусть, а чувство удовлетворения и тихой радости.

Хан насторожился. Откуда-то из-за камышей донеслись до него негромкие голоса людей.

Берке приподнялся на стременах, стараясь разглядеть тех, кто находился за стеной негустого камыша. Это были Акжамал и Кундуз.

Женщины шли прямо к нему, а поодаль, отстав от них, на почтительном расстоянии брели девушки-служанки. Замыкали шествие нукеры из охраны ханских жен.

Голова Акжамал была низко опущена, зато лицо Кундуз хан видел хорошо. Нежный румянец освещал ее щеки, она что-то оживленно говорила спутнице. Он невольно залюбовался

стройной фигурой молодой женщины.

«Чему она радуется? — вдруг раздраженно подумал Берке. — Сейчас скажу ей, что пришло время, когда она должна стать моей женой, и посмотрю, что отразится на ее лице».

Хан чуть тронул повод своего коня и преградил путь идущим. От неожиданности женщины взрогнули и остановились.

Берке негромко и злорадно рассмеялся. Не отрывая цепкого, холодного взгляда от лица Кундуз, он сказал:

— Я хочу, чтобы завтра ты стала моей женой.

В больших и прекрасных глазах Кундуз блеснули огоньки не то радости, не то гордости. Она опустила голову.

— Я повинюсь твоей воле, о великий хан...

Берке еще раз окинул ее тонкую, гибкую фигурку взглядом. Кундуз была желанна ему.

— Возвращайтесь в юрты, — важно сказал хан. — И пусть те, кому это положено, сделают все приготовления...

Сердце Берке вздрагивало от радости и гордости. Непокорная кипчачка принадлежала ему отныне душой и телом.

* * *

Маленький, сухонький муфтий Шарафутдин в огромной белой чалме сидел на почетном месте, у ног Берке.

— Пришло время спросить согласие молодой, — подобострастно сказал он.

Два воина-кипчака, низко согнувшись, подбежали к Кундуз.

Она сидела в правой половине юрты в окружении молодых женщин, и на голову ее был накинут белый шелковый платок, расшитый жемчугами.

Нараспев в один голос воины произнесли положенные по обряду слова: — Свидетельствуем, свидетельствуем. Мы стоим того. На заре будущего Хан ожидает желанного...

Один из воинов протянул Кундуз серебряную чашу, и, когда она приняла ее, воины снова в один голос спросили:

— Лунолика Кундуз, ты согласна стать женой повелителя Золотой Орды хана Берке?

Кундуз прикоснулась к чаше губами и молча кивнула.

Берке, не отрывая колючего, горящего взгляда, следил за женщиной. Ему все больше нравилась ее покорность.

Воины попятились и стали на то место, где им полагалось стоять.

Муфтий Шарафутдин неторопливо зашелестел страницами Корана; отыскав подходящую к данному событию семнадцатую суру, протяжно, с завыванием прочел ее. Потом он закрыл Коран, оглядел всех собравшихся и, сложив ладони, провел ими по желтому морщинистому лицу.

И все, кто принимал участие в торжественном событии, повторили жест муфтия.

Настало время праздничного тоя. До поздней ночи горели костры, в котлах варились горы ароматной баранины, а белый кумыс, пахнувший увядающими осенними травами, пенился в чашх.

Не было на тое только Акжамал. И Берке, оглядывая гостей, с мстительным удовольствием подумал, что он все-таки был прав, когда решил, что сердце ее будет страдать и разрываться от ревности к сопернице.

После полуночи жены и нукеры проводили хана до юрты, которая отныне была поставлена для Кундуз в одном ряду с юртами остальных жен Берке. Белоснежная юрта была украшена китайскими разноцветными шелками и яркими, как весенний луг, иранскими коврами.

Хан вошел в жилище своей новой жены. Кундуз поднялась навстречу Берке, приветствуя его низким поклоном.

Слышно было, как за дверями юрты стали два нукера с обнаженными саблями, чтобы до самого рассвета беречь жизнь великого хана Золотой Орды и его новой жены, красавицы

кипчачки.

Кундуз почтительно сняла с плеч Берке парчовый чапан, борик, отороченный мехом черного соболя, и повесила их у входа. Молча, не проронив ни слова, всем своим видом выражая покорность, стянула с ног хана сапоги.

Тот радуясь и в то же время недоверчиво следил за женщиной.

Неслышно ступая, Кундуз постелила на почетном месте белоснежную пуховую постель, приняла из рук Берке пояс, потушила в плосках огонь.

— Я сделала все, о великий хан. Ложитесь.

Голос Кундуз вздрагивал и ломался.

Необъяснимая тревога, страх вдруг охватили хана. Он услышал, как распахнулись створки двери, хотел закричать, позвать стражу, но чьи-то руки схватили его сзади и шершавая тяжелая ладонь зажала рот.

В тусклом свете, проникающем через отверстие в куполе юрты, он увидел, как блеснул приставленный к его горлу кинжал. Обезумев от страха, Берке рванулся всем телом, но его сбили с ног и повалили на ковер.

Борьба шла в тишине. Слышалось только прерывистое дыхание людей. И скоро Берке уже не мог пошевелиться под тяжестью навалившихся на него тел. В рот ему втокнули кляп и крепко завязали платком.

— Начинайте, — негромко сказал женский голос. — Скоро рассвет...

Берке с ужасом узнал голос Акжамал.

Хан услышал, как чьи-то руки ловко развязали завязки на его штанах, а насмешливый голос прошептал:

— В таком деле нельзя торопиться. А вдруг отрежу что-нибудь лишнее...

Берке сделалось мучительно больно. Он рванулся что было сил, но невидимые в темноте люди держали его крепко. Безумные глаза хана видели только бледное от лунного света лицо человека, который склонился над ним.

Наконец человек хриплым шепотом попросил:

— Дайте жженую кошму. Надо присыпать, чтобы остановилась кровь.

Он поднялся на ноги.

— Все. У меня легкая рука. Заживет быстро. На почетном месте можно сидеть и с одним... А второе бросьте собакам.

— Хорошо, если собаки станут есть... — засмеялся кто-то, невидимый в темноте, протягивая человеку кусок белой ткани.

— А теперь свяжите его, — приказала Акжамал.

Берке вдруг увидел склоненное над ним женское лицо и с трудом узнал Кундуз.

— Тебе сейчас вынут из рта кляп. Но если посмеешь закричать, мы зарежем тебя. Свершилась справедливая кара. Не ты ли в свое время велел оскотить юношу, который любил Акжамал, не это ли ты хотел сделать с ромеем Коломоном? Мы не стали тебя убивать, чтобы ты получше понял, что такое боль. Слушай меня внимательно... Мы никому не скажем о том, что сделали с тобой, — в голосе Кундуз послышалась насмешка. — Если народ узнает, что на троне Золотой Орды сидит не жеребец, а мерин, он ведь может от тебя отвернуться...

Кто-то развязал платок и вытащил из рта хана кляп. Мягкий ворс ковра заглушал шаги, и Берке, все тело которого корчило от боли, не сразу понял, что он остался один в юрте.

Когда это наконец дошло до него, он закричал пронзительно и страшно.

Ответом ему была тишина.

* * *

Воины Салимгирея, свершив свою страшную месть, торопливо нахлестывая коней, уходили подальше от ставки. Вместе с ними были Кундуз и Акжамал. Давно бы могла убежать из Орды Кундуз, но горячее сердце требовало отмщения, и она пересилила в себе желание уйти сразу же в отряд Салимгирея, скрывающийся в лесах на берегах Итиля.

Для большинства воинов Орды Берке был правителем, наделенным властью от бога, и посягнуть на его жизнь считалось страшным преступлением. Но отомстить ему было можно.

Кундуз быстро подружилась с Акжамал и узнала от служанок-рабынь о ее горе. И однажды, когда та поведала о том, как Берке поступил с юношей, который приехал вслед за ней в Орду, родился план мести.

Нет на земле человека, который бы не ослеп от блеска золота. Не зря говорится, что и святой свернет со своего праведного пути, увидев его.

Акжамал удалось подкупить воинов, который должны были охранять юрту Кундуз в ее первую брачную ночь. Остальное было делом людей Салимгирея.

И вот теперь они возвращались в отряд. Вместе с ними уходили и воины, которые отвернули свое лицо от Берке-хана. Были и такие, кто упрятав полученное от Акжамал золото, оседлав заранее приготовленных коней, уходили в эту ночь все дальше от ставки Золотой Орды в сторону Хорасана, Харманкибе, Ирбита, надеясь найти там вольную и спокойную жизнь.

Тяжкой была жизнь монгольских воинов в улусах, и, быть может, поэтому на землях, покоренных Чингиз-ханом, всегда было много измен, смут и предательств. Скупы были на добрые дела ханы, нойоны и беки.

В беспрестанных походах и набегах смерть неотступно витала над головами воинов. Впереди ждали вражеские стрелы и копья, позади, если отступишь, — казнь от руки личных телохранителей нойона. Вся добыча, захваченная в походе, рано или поздно переходила в их же руки. Даже если в сражении ты проявил смелость и бесстрашие, не всегда оружие убитого тобой врага и его конь будут принадлежать тебе. Это должен решать только нойон или хан.

Тяжкой была и доля семей воинов, остававшихся в родных улусах. Скот и богатство в руках сильных. Разве может прокормить семью, измученную поборами в пользу хана, один верблюд, кобыла и десяток овец?

Сколько раз случалось такое, когда, вернувшись из похода, монгольский воин не находил семьи. За неуплату податей люди хана продавали ее в рабство или отбирали детей. Монгольский воин нес другим народам рабство и сам был рабом.

Поэтому, порой не выдержав тягот жизни, многие изменяли своим ханам, предавали за золото или просто уходили в бега, собирались в шайки и грабили правых и виноватых.

В отличие от этих бродячих шаек, в отряд Салимгирея приходили мстители, те, кто хорошо понимал, откуда идут беды. Здесь были люди, ненавидящие ханов и мечтающие о вольной жизни.

Почти тысячу человек насчитывал отряд, но что он мог поделать с Золотой Ордой — маленькое облако на великом небосводе? Далеко еще было то время, когда тучи закроют все небо и в землю, залитую кровью и слезами, вопьются огненные стрелы молний. Но Салимгирей продолжал бороться...

ГЛАВА ПЯТАЯ

V

Так уж повелось с тех времен, как люди степей стали себя помнить: все ссоры и распри между родами и племенами происходили у них из-за пастбищ. Там, где привольно было стадам, счастливым чувствовал себя хозяин — кочевник.

И Чингиз-хан, двинувший из степей Монголии свои тумены, мечтал превратить всю вселенную в огромное пастбище. Для этого он разрушал города и истреблял народы, умеющие возделывать землю, украшать ее садами и растить хлеб.

Покорив новые пространства, он делил их на аймаки и улусы и раздавал своим детям, внукам и преданным нойонам.

От этого каждый раз возникали распри и грызня. При Чингиз-хане, однако, никто не смел громко выразить недовольство или возвысить голос. По-иному все стало с тех пор, как грозный властелин ушел из жизни. По его заветам раздавать улусы и аймаки мог только хан, и отныне что кому достанется из чингизидов зависело от того, кто сядет на монгольский трон. Вот почему яростной и жестокой сделалась борьба между многочисленными группами чингизидов за «своего хана».

Великую власть получал каждый вместе с аймаком и улусом. Все живое обязано было повиноваться ему, а города и селения платить дань.

Получить в управление аймак мог любой нойон, показавший доблесть в битвах и замеченный ханом, но улус мог принадлежать только человеку из рода Чингиз-хана, и не имело значения, к какой ветви рода он относится.

То же самое стали делать после смерти Чингиз-хана и в Каракоруме, когда предстояло выбрать нового хана. На трон как будто имели одинаковое право и дети покойного, и любой из его рода. Но побеждал сильный, тот, у кого оказывалось больше сторонников среди эмиров и нойонов, за кем было больше воинов.

Постоянное соперничество не давало возможности укрепить одной ветви чингизидов, и в то же время заставляло нового хана прислушиваться к мнению своего окружения, делало его зависимым от эмиров и нойонов, от тех, кто управлял улусами. Казалось, что в государстве, созданном Потрясателем вселенной, все чингизиды имеют равные права и заботятся о его благополучии сообща. Но так только казалось.

То же самое стало происходить и в улусах. С каждым годом они все меньше чувствовали свою зависимость от Каракорума и все реже оглядывались на великого монгольского хана, решая свои дела. Золотая Орда не была исключением.

И если на трон умершего хана собирался сесть один из сыновей, то в борьбу вступали его братья и даже дети братьев.

После смерти Бату-хана и его сыновей Сартака и Улакши мать последнего, Баракши-хатун решила сделать ханом своего внука Тудай-Менгу, рожденного от сына Бату — Тукана.

Но по-другому думали нойоны — владельцы аймаков, входящих в Золотую Орду, и мусульманские купцы, которые к этому времени имели огромное влияние в государстве. Они поддержали брата Бату-хана — Берке.

Недолгой, но яростной была борьба. Баракши-хатун обратилась за помощью к Кулагу, но он был далеко, и даже слово великого монгольского хана Менгу не услышал в Золотой Орде тот, кто не хотел его слышать.

Потомство Джучи, собравшись на курултай, подняло на белой кошме Берке.

Новый хан поступил так же, как поступали все чингизиды. Покатались головы недавних противников, в том числе и Баракши-хатун, и многих из тех, кто ей помогал.

Хорошо помнил те дни Берке. Долго шел он к своей цели — терпеливый и злобный, как степной волк, затаившийся в ожидании желанной добычи.

И как ни завидовал он брату, но поступил так же, как поступил в свое время Бату. Как истинный кочевник, он не захотел сделать своей ставкой ни один из прежних городов, находящихся на землях Золотой Орды, потому что там было сильно влияние эмиров и даргуши, поддерживающих немусульманские традиции. Не захотел он жить и в Сарай-Бату, где все напоминало об удачливом брате. Главную ставку Берке-хан перенес в принадлежащий ему аймак, в низовья Итиля.

Здесь, на перекрестке караванных троп, ведущих в орусутские земли, на Кавказ и в Иран, в Западную Европу и Каракорум, решил он строить свой город — Сарай-Берке.

Щедрые земли лежали вокруг. Высокие травы поднимались здесь каждую весну, и светлые озера в тростниковых ожерельях отражали синеву неба. Просторно здесь было и людям, и несметным табунам ханского скота.

Удачливо складывалось правление Берке-хана. Умерли быстрой смертью, уступив ему дорогу, Сартак и Улакши. Сколько земель вернул Золотой Орде, укрепив ее силу и мощь. В новых и старых городах строились мастерские — карханы, где ремесленники выделяли прекрасные ткани, дорогие ковры, посуду и ковали оружие. Все больше купцов приходило в Золотую Орду. И вот теперь случилось такое...

При одной мысли о той страшной ночи хан скрипел от ярости зубами.

Берке любил берега могучего Итиля. Даже в те времена, когда его аймак еще находился в степях Северного Кавказа, он на лето откочевывал сюда. А вот теперь Берке едва дождался весны.

Странное беспокойство поселилось в душе хана. Он подолгу не мог оставаться на одном

месте, и яркая степь казалась ему тусклой и серой, словно над ней постоянно висели низкие тучи и шли бесконечные обложные дожди.

Караван его, состоящий из двухсот туркменских верблюдов-наров и множества скрипучих тяжелых арб, бестолково бродил по степи, постоянно меняя место.

Из орусутских земель доходили тревожные вести — беспокойно было в Новгороде и Пскове. Снова зашевелился Ливонский орден, готовясь к нашествию на данников Золотой Орды.

Берке понимал всю важность происходящего, но владевшее им равнодушие мешало действовать.

Только однажды в тусклых его глазах вспыхнул свет жизни, когда он узнал от надежного человека о существовании отряда Салимгирея.

Лазутчик — немолодой кипчак, с лицом, избитым крупными оспинами, — стараясь не глядеть в глаза хана, негромко говорил:

— В отряде тысяча воинов. Главный над ними, о великий хан, твой бывший сотник Салимгирей. Я узнал его. Среди беглецов, о великий хан, твои жены Акжамал и Кундуз...

— Иди... — приказал Берке. Сердце его бешено стучало в груди, и он никак не мог успокоить его.

Теперь хан знал, кто совершил над ним насилие, а это уже было полдела. Что значил для Орды отряд в тысячу воинов? Стоило только захотеть — и прах непокорных ветер разнесет по степи.

Берке уже готов был отдать приказ, чтобы на поиски отряда выступил тумен, но страх перед тем, что беглецы, прежде чем умереть, откроют народу то, о чем до сих пор никто не знал, удержал его.

И Акжамал, и Кундуз, и все, кто был причастен к событиям той ночи, крепко держали свое слово, и до сих пор ни одна душа не знала, что хан оскотлен. Если бы это было не так, слухи все равно достигли бы ушей Берке, а людская молва разнесла бы эту весть подобно ветру по всем улусам, принадлежащим чингизидам.

Значит, надо было не спешить. Все, кто знает об оскотлении, должны умереть быстро, не успев раскрыть рта. Настоящий монгол умеет быть терпеливым и ждать своего часа.

Близость отряда Салимгирея могла вызвать волнение среди рабов, и поэтому первое, что велел сделать хан, — это усилить их охрану.

Немало было подневольных людей в Золотой Орде. Монголы, захватывая новые земли, не только продавали пленников в чужие края, но и многих оставляли в пределах Орды. Рабы были нужны, чтобы строить, пасти скот, выполнять различные хозяйственные работы.

Во времена Бату-хана и в первые годы правления Берке рабов обычно содержали вместе, в специальных глинобитных крепостях — хизарах. Специальная стража отводила их утром на работу, а с наступлением ночи запирала в их жилищах.

Но после бунта, когда, для того чтобы установить в Орде прежнее спокойствие, пришлось умертвить десять тысяч рабов, Берке изменил существующие порядки.

Хан стал бояться рабов, собранных вместе. Поэтому всех, кто уцелел после смуты, он велел разделить между нойонами и близкими к нему людьми, а хизары разрушить. Теперь рабы жили каждый у своего владельца. Здесь они спали, выделывали кожи, валяли обувь, катали кошмы для юрт.

Известие о появлении отряда Салимгирея близ ставки Орды дошло и до рабов. Многие помнили прошлый бунт и готовы были присоединиться к отряду, попытаться выбраться на волю.

Обо всем этом Берке знал от своих людей. Чутье подсказывало ему, что рано или поздно Салимгирей попытается освободить рабов, чтобы пополнить отряд новыми людьми. Оставалось узнать, как он собирается это сделать. Рабы были хорошей приманкой. И если бы все удалось так, как задумал хан, с непокорными можно было покончить одним ударом. Навсегда вместе с ними ушла бы в могилу страшная для Берке тайна. Ни один человек из отряда не должен остаться в живых. Ни один...

Мысли о пережитом позоре не оставляли хана ни днем ни ночью. Часто перед рассветом он просыпался от собственного крика, весь в липком поту, и потом долго не мог уснуть,

вглядываясь во тьму широко открытыми, безумными глазами.

В ту ночь, когда воины Салимгирея, надругавшись над ним, исчезли из юрты, никто так и не услышал его криков, не пришел на помощь. Только под утро Берке удалось избавиться от волосяных арканов, которыми были связаны его руки и ноги.

Когда же пришли люди, Берке, никому и ничего не объясняя, велел позвать лекаря. Ни один из приближенных не осмелился спросить хана, куда исчезли Кундуз, Акжамал, воины, охранявшие юрту.

Лекарь-араб, осмотрев Берке и стараясь не встречаться глазами с ханом, сказал:

— То, что сделано, сделано искусным человеком... Только лекарю или мулле под силу такое... Я боюсь даже думать...

Берке поманил к себе лекаря, а когда тот приблизился к хану, схватил его за горло и сказал злым, свистящим шепотом:

— А ты и не думай! Старайся не думать! Ни одна живая душа не должна знать о случившемся. Если же язык твой предаст тебя, то я придумаю для тебя такую смерть, от которой содрогнется даже небо! Ты понял меня?

Побелевшие губы лекаря что-то шептали.

— Если же ты поможешь мне снова стать здоровым, то щедрости моей не будет предела... — вкрадчиво добавил Берке.

Несколько дней лекарь не отходил от хана, поил его целебными отварами из трав и корней, менял повязки.

Однажды, когда Берке стало лучше и он мог сидеть, хан позвал к себе араба.

— Ты никому не говорил о моей беде? — спросил он.

— Нет, великий хан. Я могу поклясться на Коране...

— Не надо... — сказал Берке. — Я верю тебе... А что говорят там? — хан кивнул в сторону двери.

— Никто даже не догадывается. Считают, что у вас обычная болезнь...

— Это хорошо, — задумчиво уронил Берке. — Что ж, я обещал тебя щедро наградить... Я сдержу свое слово...

Хан протянул руку к ковровой сумке, расшитой яркими узорами, и достал из нее горсть золотых монет.

— Возьми... Рука хана щедра...

Берке высыпал монеты горкой у своих ног.

Глаза лекаря расширились, и он поспешно наклонился над золотом, подставив хану худую согнутую спину.

В руке Берке блеснул нож, и жало его легко вошло в незащищенную спину араба, под выпирающую, похожую на сломанное крыло лопатку...

* * *

Через несколько дней Берке-хан снова вершил делами Орды. Все, казалось, осталось по-прежнему, и никто не заметил в нем каких-нибудь перемен.

Только сам Берке знал, что все перевернулось в его душе. Он вдруг понял — земные радости больше недоступны ему. Уже не взволнуется сердце при виде красивой женщины и не заструится по жилам остывшая кровь. Навсегда умерла последняя надежда на то, что какая-нибудь из жен все-таки родит ему наследника. Смысл жизни теперь заключался в одном — как можно дольше побыть ханом, властвовать над людьми и упиваться властью. Мысль эта укрепляла душу Берке-хана и помогала внешне оставаться прежним.

Лишь иногда, помимо его воли, живая, прежняя жизнь вторгалась в придуманный им для себя мир, и покой покидал хана, а душа начинала метаться и гореть огнем.

По-прежнему, чтобы никто не заподозрил, что он скопец, Берке иногда посещал своих жен.

Однажды он заночевал у одной из них. Женщина была еще молода, крепка телом, ласки ее когда-то нравились хану и будили в нем желание.

Но теперь даже воспоминание об этом вызывало раздражение и отвращение.

— Я устал, — сказал Берке. — И потому не хочу тебя.

Женщина промолчала. Слово повелителя — закон. Она только подумала, что он уже говорил ей это и в следующий раз, наверное, повторит то же самое.

Перед рассветом хан проснулся. Постель рядом была пуста, и рука его вместо теплого живого тела коснулась настывшей ткани.

Он неслышно поднялся и, тихо ступая, вышел из юрты. Полная луна заливала степь колдовским мерцающим светом, и было видно далеко окрест. От Итиля прилетал порывами мягкий и теплый ветер.

Берке вдруг услышал торопливый неясный шепот, потом тихие приглушенные стоны. Стремительно и бесшумно метнулся он за юрту и остановился пораженный.

Между двумя верблюдами, прямо на земле, лежала его жена. Хан не видел лица женщины, только белые, облитые лунным светом бедра ее шевелились и покачивались перед его глазами. Над ней, взгромоздившись, словно молодой верблюд-бура, склонился нукер, которому положено было охранять покой хана.

Берке безумными, расширенными глазами смотрел на происходящее, потом взгляд его остановился на прислоненном к юрте копые воина. Он медленно взял его, высоко подняв над головой, метнул сильно и точно туда, куда хотел.

От жизни невозможно было спрятаться. Каждый день напоминала она хану о себе, и тогда он с особым рвением начинал заниматься делами Орды.

Берке сидел на троне внешне спокойный, а в душе его бушевала ярость, близкая к безумию, и решения хан принимал быстрые и жестокие. В такие дни бывало много обреченных на смерть.

Власть... Слава... Они помогали Берке цепляться за жизнь, но снова и снова вставала в памяти страшная ночь, и истомленное сердце жаждало отмщения. Не было еще в подлунном мире ни одного чингизида, который бы до самого смертного часа не думал о мести врагу. И хану каждую ночь стала сниться месть...

Великие изменения принесли монголы в кипчакскую степь, ломая и круша привычный, сложившийся веками уклад. До их прихода ни кочевые пути, ни летние пастбища, ни места зимовок не могли принадлежать одной семье или аулу. Каждый род кочевал там, где хотел. Никто не смел заступить путь каравану. Степь была велика и беспредельна. С появлением монголов в степи вдруг сделалось тесно. Завоеватели разделили ее на аймаки. Отныне некогда свободные роды вынуждены были подчиниться своим новым властителям, поскольку и душой и телом со всей семьей и скотом они теперь принадлежали им. Правитель аймака устанавливал пути кочевков, указывал урочища для зимовок и летнего выпаса. Согласно его приказу каждый род обязан был выделять для ханского войска определенное количество воинов.

Лучшие земли правители взяли себе и раздали своим приближенным. Границы улусов, согласно монгольским законам, соблюдались строго, и, если какой-нибудь род пытался оставить все по-прежнему, выказывал неповиновение, его ждала суровая кара.

Шли годы, но вместо тишины и покорности, которые должны были, по мнению монгольских владык, установиться в Дешт-и-Кипчак, степь продолжала волноваться, как и тогда, когда копыто монгольского коня только ступило на эту землю.

Доведенные поборами до нищеты, люди бежали от своих правителей в надежде найти такую землю, где бы их не достала кривая сабля и петля волосяного аркана. Но монголы были повсюду, и тогда беглецы стали собираться в отряды, подобные отряду Салимгирея. Вместе можно было хотя бы защитить свою жизнь. Ненависть к тем, кто грабил, насиловал, убивал, объединяла людей.

* * *

Решив расправиться с отрядом Салимгирея, Берке раньше обычного вернулся с летовки в главную свою ставку — Сарай.

Здесь его и застала весть, которая и обрадовала, и опечалила его.

Умер ильхан Кулагу. У Золотой Орды на одного врага стало меньше. Это был умный и всегда опасный враг. Казалось бы, надо радоваться, но Берке вдруг охватила глухая, щемящая

тоска. Он понял, что всему рано или поздно наступает конец. И наступит такой час, когда и его смерть обрадует кого-то. А ведь у них с Кулагу было много общего. Каждый, переступая через трупы, через кровь, жил только для того, чтобы сделать свои улусы могущественными, покорить как можно больше народов. Конец же печален, как и у всякого живущего на земле. Венец всего — клочок степи, где тело твое и мозг превратятся в прах, и вместе с тобой уйдут навсегда честолюбивые помыслы.

Кулагу хотя бы оставил свое продолжение на земле. Кому отдаст свой трон он, Берке? Кто придет после него и в какую сторону повернет он могучего коня Золотой Орды?

Неодолимая сила все чаще влекла теперь хана на берег камышового озера.

Лето уже перешло на вторую половину, и перезревшие травы кланялись вольному степному ветру, а он, теплый и пьянящий, гнал зеленые волны к затянутому сиреневой дымкой краю земли.

Как никогда раньше, хотелось Берке жить. Обычно он не думал об этом. Просто жил и был уверен, что годы, отпущенные ему судьбой, прервутся не скоро.

В этом году молодые лебеди не прилетели к старой и одинокой птице. Хан вдруг почувствовал, что, в сущности, и он одинок на этой земле. Другие родились, чтобы продолжить свой род, он же, выходит, родился для того, чтобы какой-то время отсидеть на золотом троне Орды и уйти в небытие, не оставив даже следа.

Владеть трон — счастье, так почему же мечется душа, тоскуя о том, что доступно самому обычному воину, о сыне, которому, уходя, можно было бы оставить свое слово и свои надежды?

Берке, не отрываясь смотрел на озеро. Тихие волны набегали на берег, ворошили камыши, раскачивали их длинные и гибкие стебли.

Рассекая белой выпуклой грудью гребни волн, прямо к хану плыла одинокая птица.

Сколько помнил Берке, лебеди никогда не приближались к нему. Он с интересом ждал, что будет дальше.

А птица действительно не думала бояться его. Она подплыла к берегу и, вытянув белоснежную шею, положила голову на влажный песок.

Хан шагнул к птице, протянул руку и замер, пораженный. Глаза лебедя были совсем как у человека, и Берке увидел в них тоску и боль.

Птица вдруг сильно ударила крыльями по воде, и пронзительный хриплый крик вырвался из ее серебряного горла.

Хан отшатнулся. Неподвижное тело лебедя лежало у его ног.

Он закрыл лицо ладонями и торопливо, сбиваясь и путая слова, начал читать молитву...

В этот день Берке дольше обычного пробыл на озере. Смерть последней из священных птиц, подаренных ему Чингиз-ханом, потрясла его.

«Неужели это конец? — думал он в отчаянии. — Неужели это знак Неба, предупреждение, что скоро оборвется нить жизни?»

Потом на смену отчаянию вдруг пришла злоба. Хан не хотел покоряться судьбе. Пусть дни сочтены, но он пока еще хан Золотой Орды, и если нет для него иной радости, то пусть она до конца будет самой большой.

Есть еще власть и право повелевать десятками тысяч людей, еще где-то бродят неотмщенными враги, радуясь солнцу и синему небу.

Все в руках аллаха, но, пока он жив, Орда будет жить его словом и свершится то, что пожелает хан.

Злоба и страх, что подобно червю точили Берке изнутри, сушили тело. Желтая кожа на острых скулах натянулась пуще прежнего, а в глазах хана появился мерцающий лихорадочный блеск.

Пусть, когда душа его покинет тело, никто не вспомнит о нем, но сейчас он должен рассчитаться с Салимгиреем, Акжамал и Кундуз. Страшной смерти предаст он их, велел с живых содрать кожу.

Однажды Берке приказал позвать в свой шатер Тудай-Менгу.

Невысокий, широкогрудый нойон почтительно стоял перед ханом. Глядя на него, Берке вдруг подумал, что он не похож ни на своего деда Бату, ни на отца Тукана. Смелый воин,

Тудай-Менгу в то же время бывает вспыльчивым, не сдержанным на язык, а порой и просто болтливым.

После традиционного приветствия хан сказал:

— В лесах выше по Итилю собралось слишком много беглых рабов. Предводительствует ими наш бывший сотник Салимгирей. С ними девушка Кундуз, которую ты захватил в горах Кавказа...

Тудай-Менгу расплылся в улыбке:

— Я хорошо знаю их обоих. Но кто может поклясться, что Кундуз девушка...

Берке недовольно нахмурился:

— Я не об этом хочу говорить с тобой...

Нойон, не замечая раздражения хана, засмеялся, сощурив раскосые глаза.

— Конечно, она не девушка, но все равно настоящая пери... Услада для глаз... Эх, зачем я послушался нойона Ногая...

— Слушай меня... — сурово перебил Берке. — Рабы становятся слишком опасными для Золотой Орды. Ты возьмешь войско и выступишь против них. Лазутчики укажут тебе дорогу в их логово. Ты сделаешь так, чтобы ни один из рабов не ушел живым...

— А как быть с Кундуз?

— Убей, — жестоко сказал хан. — Среди непокорных и моя младшая жена Акжамал. Убей и ее.

Тудай-Менгу огорченно поцокал языком:

— Зачем убивать двух красавиц? Если они не нужны тебе, о великий хан, отдай их мне...

— Убей, — повторил Берке. — Если тебе нужны женщины, можешь забрать всех моих жен...

Тудай-Менгу отрицательно покачал головой.

— Зачем мне старухи? Разве у меня не хватает бабушек?

Никому другому Берке не позволил бы вести в его присутствии такие разговоры. Но он хорошо знал нойона и знал, что все это пустые слова. Никто лучше Тудай-Менгу не выполнит то, что хочет хан. Справиться с рабами будет нелегко. Они знают, что случится с ними, если кто-нибудь из них попадет в руки нойона живым.

— Не увлекайся красавицами, — повторил Берке.

Тудай-Менгу вдруг посерьезнел:

— Я не сумасшедший, чтобы из-за женщины терять голову. Я привяжу каждую из них к хвосту коня....

Не сумасшедший... Среди чингизидов именно таким считали Тудай-Менгу. Никто не умел так изощренно и жестоко расправляться с побежденными, как он, никто не проливал столько крови, как этот человек.

Войско Тудай-Менгу должно было выступить против отряда Салимгирея с заходом солнца следующего дня, но уже к вечеру нынешнего верные люди предупредили рабов о готовящемся нападении.

Салимгирей принял решение не уклоняться от встречи с нойоном. Он хорошо знал, как поступают монголы со времен великого Чингиз-хана. Если даже попытаться уйти, скрыться, то Тудай-Менгу не повернет назад, а будет идти по следам хоть до края земли.

Наступившая ночь сломала все, что задумал Берке. Из Новгорода неожиданно прибыло посольство во главе с боярином Данилом. Послы приехали по спешному делу, и потому хан принял их сразу.

Снова собирались тучи над Новгородом и Псковом, снова готовились немецкие рыцари испытать удачу.

«Если Золотая Орда помнит свои обещания, данные ханом Сартаком, — сказал Данил, — то пусть поможет нам войском.»

Берке был готов к приезду орусотов. Давно и много думал он, что предпримет, если немцы двинутся на Новгород и Псков. Уступить им — значило потерять орусотские земли, платящие богатую дань. Не настолько слаба Орда, чтобы позволить кому-то отнять у нее жирный кусок.

Хан вызвал Тудай-Менгу.

— Я изменил свое решение, — сказал он. — С рабами расправится другой. Твой же путь лежит в орусутские земли...

Нойон обрадовался:

— Приказывай, о великий хан. Пусть рабами займется другой. А то, чего доброго, красавицы закроют мои глаза туманом и сердце делается мягким...

Не слушая болтовню Тудай-Менгу, Берке продолжал:

— Ты пойдешь в земли Новгорода и Пскова и поможешь орусутам разгромить железную конницу немцев...

Видя, что хан не расположен к шуткам, нойон спросил:

— Когда прикажешь выступать?

— На рассвете.

— Слушаюсь и повинуюсь.

* * *

Еще не успела утренняя звезда Шолпан погаснуть в сером небе, а войско Тудай-Менгу, поднятое по тревоге, уже уходило в сторону орусутских земель.

Салимгирей был озадачен поведением нойона. Он ожидал нападения и готовился к битве, а монголы все дальше уходили от берегов Итиля.

Опасаясь ловушки, он отправил небольшой отряд во главе с Кундуз вслед за Тудай-Менгу. Надо было узнать замыслы нойона.

В полдень в лагерь Салимгирея прискакал воин. Кундуз сообщала, что войско Тудай-Менгу остановилось на отдых на берегу озера, окруженного сосновым бором. Кони врагов напоены и угнаны пастись на противоположный берег. Это значило, что нойон решил оставаться на озере до утра следующего дня.

Салимгирей сам не искал сражения — слишком неравными были силы, но заманчивая мысль напасть на врагов ночью, когда войско будет отдыхать, не давала покоя. Он приказал своему отряду небольшими группами перебраться в бор, поближе к лагерю монголов.

Воины укрылись в густой чаще, чтобы выставленные нойоном дозоры не смогли догадаться об их близком присутствии. Люди в последний раз перед битвой проверяли оружие, подтягивали подпруги у лошадей.

Салимгирей пробрался на опушку бора разведать подходы к монгольскому лагерю.

Бывший сотник, он сразу понял, что битва будет нелегкой — под началом Тудай-Менгу было не менее десяти тысяч воинов. Целый тумен закаленных, опытных всадников противостоял его тысяче, в которой были вчерашние рабы, совсем недавно еще не державшие в своей руке саблю.

Что из того, что на лагерь нойона можно напасть неожиданно? Ярость и ненависть плохо вооруженных не может все равно одолеть такую силу. Монголов не разбить, пока они вместе.

Но что же все-таки задумал Тудай-Менгу? Почему он ведет себя так странно и, вместо того чтобы искать отряд, готовится к какому-то далекому переходу в сторону орусутских земель?

Эта мысль не давала Салимгирею покоя. Он видел, что тумен выступил без обычных для похода повозок, без каравана, нагруженного разборными юртами, а каждый воин имел по две запасных лошади. Такое в монгольском войске бывало только тогда, когда необходимо было двигаться быстро и... далеко.

Салимгирей вдруг услышал за спиной тихий шорох и, вздрогнув, обернулся. Низко пригнувшись, прячась в густом кустарнике, к нему пробиралась Кундуз.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Из Сарай-Берке прискакал наш человек. Он говорит, что хан изменил свой замысел. По просьбе орусутов Тудай-Менгу идет в Новгород, чтобы помочь им победить врага, который собирается напасть на их земли.

Салимгирей облегченно вздохнул.

— Смотри, — сказал он, указывая на монгольский лагерь. — Нам не справиться с ними, даже если мы нападём неожиданно. Их слишком много...

Кундуз, сощурившись, смотрела на низкий песчаный берег озера, где дымились сотни костров и сновали люди.

— Жалко, — сказала она. — Если бы они разбились хотя бы на два лагеря. Я привязала бы Тудай-Менгу к хвосту его коня... — Глаза Кундуз мстительно блеснули. — Сколько принес он горя людям... Теперь придется ждать другого случая...

Они долго молчали. Солнце садилось за зубчатую стену леса, и длинные тени упали от бронзовых сосен на землю. В бору сделалось тихо и пасмурно. От монгольских костров поднимался синий дым, и ветер гнал его над озером седыми космами в сторону орусутских княжеств.

— Я знаю, что надо делать, — вдруг сказала Кундуз. — Пусть нам не повезло здесь, но мы живы и должны действовать. — Она положила руку на плечо Салимгирея. — Пойдем отсюда, и я расскажу то, что придумала...

* * *

На рассвете войско Тудай-Менгу, никем не потревоженное, выступило в поход. Движение его было стремительным, как полет стрелы, выпущенный из тугого лука. Меняя коней, останавливаясь лишь для короткого сна и чтобы животные могли подкормиться, днем и ночью шли монголы к северным орусутским землям.

Совсем другим был занят Салимгирей. Той же ночью его отряд вернулся на прежнюю свою стоянку, и Кундуз рассказала о том, что задумала. Замысел был прост и надежен, и Салимгирей, одоблив его, приступил к исполнению.

Через несколько дней он послал к Берке своего воина, велев сказать хану: «У нас большое войско. Если ты не освободишь всех рабов, то мы пойдем на тебя и разрушим твой город».

Момент для таких дерзких требований был выбран удачно.

В то время, когда Ногай был лашкаркаши Золотой Орды, близ главной ставки всегда находилось тридцатитысячное войско. И Берке, зная коварный и решительный нрав нойона, постоянно опасался, как бы однажды тот не задумал отнять у него трон. Поэтому после возвращения Ногай из похода на Кулагу он освободил его от должности лашкаркаши, дал ему новый большой улус в западных землях Орды и отправил его туда.

Говоря, что время наступило мирное, Берке не назначил нового предводителя и повелел не держать близ ставки постоянного войска. Отныне город охраняло войско, состоящее из воинов, присылаемых поочередно улусами всего на три месяца. Оно не превышало одного тумена.

Сейчас, когда орусутам потребовалась помощь, этот-то тумен и увел Тудай-Менгу.

Берке уже послал своего гонца к нойону Ток-Буги с приказом срочно привести для охраны ставки новое войско, но его пока не было, и в Сарай-Берке, кроме личных нукеров, не оставалось воинов. Этим и решил воспользоваться по совету Кундуз Салимгирей.

Узнав о требовании Салимгирея, заволновались рабы. И хан Берке, помня прежнее их выступление, кипя от ярости, вынужден был согласиться и отпустить рабов.

Отряд пополнился новыми воинами. Салимгирей повел своих людей вверх по Итилю, и скоро след его затерялся в просторах кипчакской степи.

А потом пришла серая, холодная осень с пронзительными колючими ветрами. Однажды выпал снег и больше уже не таял. Отряд Салимгирея встретился с другим таким же отрядом, который возглавлял вольный батыр Жаган. Зимовать решили в среднем течении Итиля, где были хорошие пастбища для лошадей и можно было дожидаться весны, кормясь охотой.

В начале зимы Салимгирей и Акжамал стали мужем и женой...

* * *

Укрытая белым саваном, насквозь продуваемая ветрами, лежала в великой дреме кипчакская степь.

А в это время в теплом, не знающем долгой зимы Мавераннахре креп, набирал силы Барак-хан.

Ремесленники Ходжента, Бухары, Самарканда готовили для его войска оружие. Напуганные усилением Золотой Орды, боясь новых набегов диких кочевников, люди делали все, чтобы Барак смог вооружить новые тумены. Свой правитель казался милосерднее чужого.

Барак, испытывая крепость войска, посылал свои отряды в сторону Отрара, но вступить в большое сражение с туменами Кайду не решался.

Для этого у него были все основания. В среднем течении Сейхуна, затаившись, словно большой дракон, стояла пятидесятитысячная конница Золотой Орды под предводительством Менгу-Темира.

Больше чем Кайду боялся Барак этого войска, потому что не знал, что задумали в Золотой Орде.

Все переменчиво под луной, и осторожность еще никому не мешала.

Неожиданно от Кайду явились послы во главе с нойоном Кипчаком, рожденным от Кудана, сына Угедэя. Они сказали:

— Мы все потомки Чингиз-хана, и недостойно нам грызться меж собой. Кипчакских степей и просторов Мавераннахра хватит всем. Не будем же рвать эти земли на куски.

Барак, скрывая охватившую его радость, согласился. Было решено не нападать друг на друга, а на будущий год собрать курултай всех потомков Чингиз-хана и решить споры миром.

Берке узнал об этом сговоре в середине зимы. Союз потомков Джагатая и Угедэя не обещал Золотой Орде ничего хорошего.

Собрав во дворце нойонов, разгневанный хан говорил:

— Чем занят Менгу-Темир? Для чего я дал ему пять туменов? Он должен был натравить друг на друга волчат Угедэя и Джагатая и, ослабив их, одним ударом покорить Мавераннахр. Он же, презренный трус, подобно кошке дремлет в тепле!

Берке решил срочно отправить в ставку Менгу-Темира отряд, который бы напомнил нойону, для чего он послан на берега Сейхуна, и передал ему гневные слова хана Золотой Орды.

Зима в том году была необычная. Почти не прекращались свирепые бураны, когда земля сливалась с небом и даже привычные монгольские кони не могли идти против ветра, а падали под его напором на колени.

И весна пришла, ранняя, дружная. Солнце за несколько дней расплавало горы снега, наметенные ветрами в Дешт-и-Кипчак со всего света. Земля, затопленная вешними водами, превратилась в море. Разлились, вышли из берегов степные реки Яик, Ирғиз, Турғай.

Когда же воды скатились с крутых боков земли и реки почти вернулись в свои ложа, вдруг зарядили обложные дожди и все вокруг превратилось в сплошное болото, в котором тонули лошади.

С трудом добрались посланцы Берке до ставки Менгу-Темира. Велико было их разочарование, когда они узнали, что союз между потомками Джагатая и Угедэя окреп и в скором времени расстроить его не удастся. Неведомо им было, что Менгу-Темир не по оплошности сидел все это время в своей ставке спокойно и не предпринимал никаких действий. На это у нойона были свои причины, и цели он выбрал далекие.

* * *

Раздосадованный бездействием Менгу-Темира, хан Берке всю зиму провел в бейспокойстве.

Он с трудом дождался времени, когда подсохла земля и берега Итиля сделались нежно-зелеными от первых шелковистых травинков. С каждым днем все больше расцветала напоенная живой водой весны степь. Небо над нею было высоким и бездонным. На озерах и речных протоках становилось темно от бесчисленных стай птиц, а в тальниковых зарослях по берегам Итиля в молодой листве страстно пели потерявшие разум от любви соловьи.

В один из таких дней Берке велел позвать в свой шатер вернувшегося из орусутских земель Тудай-Менгу и сына Менгу-Темира — Токтая. Когда нойоны явились, хан невольно залюбовался ими. Оба были молоды, стройны, быстры в движениях. И одеты были просто, как повелось у монгольских воинов со времен Чингиз-хана. На каждом был простой чекмень,

перетянутый поясом, на котором висела сабля, на ногах мягкие монгольские сапоги, на голове борик, отороченный желтым лисьим мехом.

Берке знал, что больше всего на свете эти два нойона любили оружие и коней. Ножны и рукояти сабель и кинжалов у них были украшены золотом и серебром, сверкали драгоценными камнями. Коней же, черных и горячих, украшали седла, уздечки, стремяна и подпруги, отделанные белым чистым серебром.

Молодые нойоны любили пошуметь, поспорить, и среди чингизидов их считали задирами.

После взаимных приветствий хан предложил Тудай-Менгу и Токтаю сесть.

Нойоны опустились на разостланный у подножья трона пушистый персидский ковер, подобрав по-восточному под себя ноги, и приготовились слушать.

— Сколько у вас сейчас воинов?

— Согласно приказу, каждый из нас привел по пять тысяч, — ответил Токтай, настороженно вглядываясь в лицо хана.

— Хорошо. Пусть они будут готовы выступить в поход в любой день и час. Я сам поведу их...

Тудай-Менгу подался вперед всем телом:

— Далеко ли будет наш путь?

Берке нахмурился. Он не любил, когда его перебивали.

— Нет. Всего два дня потребуется, чтобы увидеть лицо врага. Как нам стало известно, отряд беглых рабов находится сейчас на правом берегу Итиля, в Черном лесу. Мы окружим его и подожжем бор...

Тудай-Менгу весело рассмеялся:

— Выходит, нам придется поджарить живьем и двух красавиц!..

Токтай никак не отозвался на слова нойона. Лицо его было серьезно:

— К чему напрасно жечь лес? Рабов не более двух тысяч, и наши храбрые воины легко справятся с ними.

Берке отрицательно покачал головой:

— Наши воины привыкли сражаться на конях, лес не место, где они смогут показать свою удаль. Среди же рабов много орусутов, болгар. Они привыкли к лесу, умеют биться в пешем строю и при нужде проскользнут мимо любого заслона. Мы поступим так, как сказал я. Огонь поможет нам сделать то, что не смогут сделать воины.

— Пусть будет так, — согласились нойоны.

— Идите готовьтесь к походу. И пусть уже сегодня в сторону Черного бора отправятся арбы с тридцатью бурдюками, наполненными горючей китайской смесью.

Тудай-Менгу и Токтай поклонились хану.

* * *

Черный лес тянулся широкой лентой по высокому итильскому берегу. Могучие дубы, красивые стройные сосны, белоснежные березы переплели здесь свои ветви, образовав непроходимую чащу.

Отряд Салимгирея, укрывшись в темной глубине леса, совершал отсюда набеги на монгольские отряды и проходящие мимо караваны, везущие дань, собранную с орусутских и болгарских земель.

Воины прорубили в чаще узкую тропу, по которой могли проехать только два всадника, и по ней выходили на степные просторы, по этой же тропе возвращались в свой лагерь.

Салимгирей не собирался долго задерживаться здесь. Место хотя было и удобное, но легко уязвимое из-за того, что полоса леса была неширокой. Он ждал только той поры, когда совсем обсохнет степь, а реки войдут в берега.

Молодой батыр, предводитель отряда вольных кипчаков Жаган, с которым они подружились зимой, звал Салимгирея в глубь степи, на берега Яика, подальше от ханской ставки. Там кочевали близкие ему по крови кипчакские роды, и можно было рассчитывать, что они не выдадут беглецов.

Салимгирей знал, что отныне ни ему, ни его людям никогда не узнать спокойной жизни.

Рано или поздно хану донесут, где они скрываются, и беспощадная длинная рука Орды вновь протянется к ним.

И все-таки уставшим от постоянных стычек и преследования людям требовался хотя бы недолгий отдых. Жила и тайная мысль: быть может, отряд удастся пополнить новыми воинами и сделать его еще более грозной силой.

Нойоны Берке умели удачно выбирать время.

Ведомые лазутчиками, десять тысяч монгольских воинов прибыли к Черному лесу за полночь. Кольцо вокруг беглецов сомкнулось.

Умеющие пользоваться горючей смесью китайцы, находящиеся на службе у хана Берке, определили направление ветра и быстро сделали свое дело, вылив содержимое бурдюков в нужных местах.

Тысячи огненных змей вдруг заскользили по лесу, высветили чащу. Красные смерчи взметнулись к вершинам кудрявых сосен.

Деревья, напоенные живыми весенними соками, не хотели умирать, но огонь был сильнее. Закрутил, загудел ветер, и в небо поднялись хлопья пепла, похожие на вспугнутых черных ворон. Словно факелы, брошенные сильной рукой, летели горящие ветви.

Отблески пламени первыми увидели воины, стоящие в дозоре. Они бросились к лагерю. Огненный вал катился за ними следом, с тревожным криком носился над вершинами деревьев птицы, потерявшие свои гнезда.

Огненная подкова приближалась к лагерю. Только там, где вплотную подступал невидимый во тьме Итиль, было тихо. Часть воинов по приказу Салимгирея собрав женщин и детей, ушла к реке. Пока оставшиеся воины отыскиали на лесных полянах стреноженных лошадей и оседлали их, едкий дым уже накрыл лагерь. Свободен был один путь — к Итилю. Тишина в той стороне настораживала и пугала, но выбора не было, и Салимгирей приказал отходить к реке. Обжигающий ветер сушил лица, дым разъедал глаза, а высокие языки пламени лизали черное небо. Звезды погасли.

— В воду! — кричал Салимгирей. — Все в воду! Кто уцелеет — встретимся на другом берегу!

Берег был обрывистый, и кони, с горящими от отблесков пламени глазами, с громким ржанием падали в воду. За ними, побросав оружие, срывая с себя одежду, прыгали люди. Только Салимгирей с тридцатью воинами остался на берегу, прикрывая отход отряда.

Люди, уцепившись кто за гривы, кто за хвосты коней, боролись с течением. Белые пенные буруны вскипали вокруг высоко поднятых, вытянутых в сторону противоположного берега конских голов. Над Итилем было светло как днем, и только далекий спасительный берег был погружен во мрак.

Берке умел мстить. По его приказу еще засветло тысяча воинов под предводительством Тудай-Менгу переправилась через Итиль и затаилась напротив Черного леса в высоких зарослях тальника.

«Ни один раб не должен уйти в степь», — коротко сказал нойону хан. Он был уверен, что Тудай-Менгу сделает все, чтобы так оно и было.

Едва ноги беглецов коснулись дна и они, еще не веря в свое спасение, стали выходить на берег, на головы им обрушились удары тяжелых дубин — шокпаров. Пронзая упавшие тела копьями, монгольские воины сбрасывали мертвых в воду.

* * *

В окружении нукеров Берке стоял на высоком берегу Итиля. И когда запылал лес, подожженный его воинами, глазам хана открылось потрясающее зрелище.

Он видел, как металась по берегу обезумевшие люди, как падали с обрыва с пронзительным ржанием кони и как воды Итиля становились красными от крови и отблесков пламени.

Лицо хана было неподвижно и розово от близкого огня. Душа его ликовала. Наконец свершилось то, о чем он так долго и мучительно мечтал в бессонные ночи.

Враги его повержены. А какая радость может быть больше той радости, когда тот, кому

ты хотел отомстить, растоптан?

На глазах Берке умирали свидетели и виновники его позора.

Крепко вцепившись в подвешенные к поясу витые сайгачьи рога, не отрываясь, стараясь ничего не пропустить и навсегда запомнить этот миг, хан смотрел на пожар.

Ему вдруг вспомнилось давнее, забытое. Тогда Берке было чуть больше двадцати лет и он вот так же стоял на берегу большой реки и смотрел, как мечутся в дыму и огне люди. Только тогда горел не лес, а прекрасный орусутский город Харманкибе.

С тех пор отблеск пламени всегда вставал перед глазами Берке и будил в душе чувство радости и величия.

Хан вдруг подумал, что, быть может, этот огонь последний в его жизни и больше никогда не замрет сердце от счастья близкой победы.

Неподвижное лицо его дрогнуло. В левом ухе качнулась золотая серьга с восьмигранным бриллиантом, рассыпая колющие искры, в подобии улыбки сощурился беззубый рот, и ссутулились под парчовым чапаном покатые плечи — за спиной Берке уже стояла смерть. Но хан не видел себя со стороны и не знал об этом.

До самого рассвета, до того времени, когда перестали плясать огненные языки над тем местом, где еще недавно был Черный лес, Берке не уходил с высокого берега.

Смысл с прибрежных песков кровь, унес тела погибших великий Итиль, и на душе Берке, словно придавленной серым рассветом, сделалось тяжело. Если бы можно было устроить так, чтобы всегда пылал огонь, горел весь мир и кричали люди! Но не дано это даже великому хану — властелину великой Золотой Орды.

Оставшиеся с Салимгиреем воины, чтобы не задохнуться от едкого дыма, завязали лица мокрыми платками и, ведя коней в поводу, стали пробираться по узкой кромке берега, стремясь выйти из леса в открытую степь. Черная тень обрыва и облака густого дыма надежно укрывали беглецов. И когда они наконец решили, что опасность миновала, и по каменистой осыпи вскарабкались на обрыв. Салимгирей вздрогнул от неожиданности — прямо перед собой на расстоянии полета стрелы у края леса он увидел небольшой отряд всадников. В предрассветных сумерках Салимгирей легко узнал среди них Берке-хана. Не более десятка нукеров из личной охраны было с ним.

Решение пришло сразу. Сама судьба свела его с кровавым ханом, и упустить такую добычу, было нельзя. Салимгирей знал: нукеры, охраняющие хана, искусные воины, но перевес в людях был на его стороне.

— На коней! — крикнул он. — Отомстим за смерть наших товарищей!

Земля вздрогнула от гула копыт, и хриплые вопли нападающих слились в один яростный вой.

Салимгирей ожидал сопротивления, но хан Берке, что-то крикнув своей охране, хлестнул камчою коня и, припав к гриве, помчался в степь. Откуда было знать преследователям, что хан решил не рисковать, а заманить их туда, где после битвы в Черном лесу был назначен сбор монгольского войска.

Лошади воинов Салимгирея не были так утомлены, как лошади золотоордынцев, совершивших накануне долгий ночной переход, и потому они легко догоняли ханских нукеров и ударами тяжелых дубинок вышибали их из седел. Только конь Берке, знаменитый на всю кипчакскую степь Актангер, стремительно уносил своего хозяина от опасности. Упорно преследовали хана Салимгирей и башкирский батыр Галимзян. У батыра был удивительный конь — таких в народе зовут ушкур. В короткой скачке он мог догнать даже птицу, но долгий путь ему был не под силу. И потому, заставив своего коня совершить все, на что он способен, Галимзян почти сумел догнать Берке. Бросив повод, он выхватил из садака лук.

— Не стреляй! — закричал Салимгирей. — Надо попробовать взять его живым.

Башкир замешкался, и время было упущено, а конь его бежал все тише и тише. Вскоре Салимгирей обогнал батыра. Теперь только он продолжал погоню. Желание взять хана во что бы то ни стало живым придавало силы, и казалось, конь, прекрасный туркменский аргамак, чувствовал нетерпение и азарт хозяина. Почти не касаясь земли, он летел по степи.

Медленно, но неуклонно сокращалось расстояние между беглецом и преследователем. Ветер погони вышибал из глаз слезы. Салимгирей привстал на стремянах, чтобы набросить на

шею хану петлю волосяного аркана, но в это время Берке обернулся и, изогнувшись в седле, словно молодой воин, выстрелил из лука. Каленая стрела, пробивающая даже кольчугу, глубоко вошла Салимгирею в грудь, отбросила его тело назад. Он запрокинул голову, ловя перекошенным от боли ртом холодный ветер, и последнее, что увидели его широко открытые глаза, была алая полоска утренней зари, прочертившая небо там, откуда должно было взойти солнце.

* * *

И сидя на торжественном тое, устроенном по случаю победы, Берке продолжал думать о бренности жизни.

У него было все: и слава, и золото, и власть над людьми, но хан в это утро особенно остро почувствовал, что все это обманчиво и преходяще. То, чем он гордился, в чем видел смысл своего существования на земле, уходило, меркло, и душа, уставшая от прошедших через нее годов, становилась глуха к радостям и горестям мира. Оставалось жить по привычке, поступать по привычке и делать привычное.

Неужели все, что было с ним, бессмысленно, а мир пуст и безжалостен?

Внутреннее смятение, охватившее его в ночь расправы над непокорными рабами, больше не оставляло Берке. Шел год зайца (1255)...

Гонцы из Ирана приносили тревожные вести. Кулагу умер, но его наследники не хотели мириться со своими потерями на Кавказе. И тогда Берке, призвав к себе Ногая, вновь повелел ему двинуться с туменами в Муганскую степь, чтобы напомнить врагам о силе и величии Золотой Орды. Однако ильхан Абак не испугался и выслал навстречу большое войско.

Битва произошла на берегу Куры, и Небо в этот раз не было милостиво к Ногаю. Он потерпел сокрушительное поражение, был ранен в голову и ослеп на один глаз.

Остатки золотоордынского войска поспешно отступили в Ширван.

Известие о гибели туменов Ногая потрясло Берке. Во главе трехсоттысячного войска он двинулся на помощь своему нойону. Но и это не заставило ильхана Абака подумать о примирении. Им словно руководило провидение. Битвы на этот раз не произошло. В пути великий хан Золотой Орды умер от разрыва сердца.

Тело Берке воины привезли в ставку. Впервые монгольского хана хоронили не так, как было принято в степях Керулена и Онона на его далекой родине. Берке, покровитель мусульман и сам принявший веру пророка Мухаммеда, был похоронен к западу от города Сарая, на равнине. Над его могилой не прогоняли несметные косяки лошадей, а, согласно мусульманским законам, воздвигли мазар из черного камня и на такой же черной плите выбили золотом его имя и полагающуюся при погребении суру из Корана.

Временным правителем Золотой Орды сделался немощный и больной младший брат Берке — Беркенжар.

Великий траур был объявлен на всех землях, подвластных Орде.

Весной следующего года на курултай в Сарай-Берке съехались потомки Джучи. После долгих споров на белой кошме новым ханом Золотой Орды был поднят Менгу-Темир.

И на этот раз счастье обошло нойона Ногая. Внуки и правнуки великого Чингиз-хана, убоявшись его энергии, властности и крутого нрава, предпочли ради своего спокойствия более мягкого и сговорчивого Менгу-Темира.

Новые времена надвигались на Золотую Орду, и будущее ее окутывал мрак.

Хан Берке не повторил деяний Бату — он не подчинил Орде новые земли, но все годы своего правления умело охранял то, что досталось ему в наследство.

Истинный монгол, он во всем придерживался Великой Яссы Чингиз-хана, и никто из потомков Джучи не посмел при его жизни посягнуть на его золотой трон.

Как и его дед, Берке сам решал все тяжбы, возникающие между нойонами и эмирами. Никто не смел обойти его и добиваться своей цели через близких хану людей. Ищущего окольные пути ждала смерть.

Чингиз-хан завещал: «Предводителями туменов, тысяч и сотен могут быть только те, кто во всем подчиняется хану. В начале и конце года каждый из них обязан доложить о всех своих

действиях. Те же, кто осмелится поступать самовольно, или предастся отдыху, или станет укрывать свои действия, спрятавшись, подобно камню в воде или стреле, выпущенной в густые камыши, должны исчезнуть. Такие предводители не могут стоять во главе войска».

И от этого его завета не отступил Берке-хан. И все подчинялись ему, и оттого войско Золотой Орды, как и во времена Бату, отличалось железной дисциплиной. Даже Ногай, своенравный и горячий, не признающий над собой ничьей власти, не смел перечить Берке.

Не отличаясь воинскими доблестями, Берке сумел умножить не только силу Золотой Орды, но и ее богатства. Он покровительствовал торговле, ремеслу и сделал так, что ни один человек, живущий на подвластных ему землях, не мог уклониться или спрятаться от податей.

Ушел из жизни коварный, хитрый и дальновидный Берке. И не было такого провидца, который бы осмелился предсказать будущее Золотой Орды и будущее ее нового хана...

* * *

Курултай, на котором Кайду и Барак пришли к согласию, состоялся в год свиньи (1269).

На берег Таласа, чтобы принять участие в этом торжественном событии, приехали не только потомки Джагатая и Угедэя, но и сын Джучи — Беркенжар, который должен был передать собравшимся чингизидам слова хана Золотой Орды — Менгу-Темира.

Семь дней длился праздничный той. На восьмой день, собравшись в юрте Кайду, потомки Чингиз-хана стали говорить о том, ради чего они сюда съехались.

И в этот раз, как и в прежние годы, когда между ними ненадолго устанавливался мир, вели речь чингизиды о том, что пора забыть ссоры и властвовать над покоренными землями вместе, любя и во всем помогая друг другу.

«Когда шестеро в ссоре, каждый потеряет то, что имеет. Когда они дружны — нет силы, способной сломить их», — сказал Кайду.

Все собравшиеся согласились с ним.

На этом курултае не поднимали хана на белой кошме, но решения его от этого не стали менее значительными. Никто, не воспротивился тому, чтобы отныне всей Сердней Азией управлял Кайду. Властителю Джагатаева улуса — было отдано две трети Мавераннахра. Третьей его частью, по общему согласию, должны были совместно управлять Менгу-Темир и Кайду.

Золотая Орда вернула некогда принадлежавшие ей города: Алмалык, Токмак, Мерке, Кулан, Акыртобе, Тараз, Саудкент, Кумкент, Шолак, Курган.

Так земли, когда-то поделенные Чингиз-ханом между его старшими сыновьями, вернулись во владение их потомков.

На курултае также было решено вновь поделить рабов-ремесленников, живущих в Бухаре и Самарканде, и каждый должен был поставить над ними своих людей для сбора податей.

Непривычно мирно закончился курултай. Все съезжавшиеся сюда клялись в верности друг другу и решили стать анда — побратимами, смешав свою кровь. Потомки Чингиз-хана пили вино из одной чаши и ели мясо с одного блюда.

Только теперь многим стала понятна мудрость Менгу-Темира, когда два года назад, имея под своим началом пятидесятитысячную кипчакскую конницу, он не двинул ее на Мавераннахр. Сегодня он, не проливая крови и не рискуя потерять по воле случая милость Неба, приобрел все, что хотел.

Не очень доверяя Кайду и Бараку, хан Золотой Орды, чтобы на всякий случай оградить свои интересы в Бухаре и Самарканде, велел одному из своих туменов расположиться поближе к этим городам, у границ Джагатаева улуса.

На этом же курултае Барак осторожно заговорил о том, что хотел бы присоединить к своему улусу земли Хорасана и Афганистана; у большинства чингизидов эта просьба возражений не вызвала — новые битвы должны были начаться далеко от их владений, а значит, и причин для волнений не было.

Горячо поддержал Барака Кайду. Он надеялся, что тот ослабит свое войско в борьбе с наследниками Кулагу, которым принадлежали эти земли. Сильный сосед, даже если он и побратим, всегда опасен.

На следующий год Барак, ободренный поддержкой, двинул свои тумены в Хорасан. Но посланные ему в помощь Кайду кипчакские воины накануне битвы покинули его лагерь.

Ильхан Абак нанес Бараку поражение, и тот едва сумел уйти с пятью тысячами воинов под защиту стен Бухары.

Отступление Барака было столь беспорядочным и поспешным, что, уходя от погони, он упал с лошади, повредил позвоночник, и у него отнялись ноги.

Почувствовав, что дела Барака плохи и что он еще не успел собрать новое войско, зашевелились молчавшие до поры потомки Джагатая. Положение Барака было тяжелым. В отчаянии он снова обратился к своему побратиму Кайду.

Тот вновь выразил готовность помочь и двинулся с двадцатитысячным войском к среднему течению Сейхуна. Но движение его было неспешным, словно воины его оседлали не коней, а медлительных волов. Кайду выжидал. Ему было все равно, кто победит. Под его началом было свежее, привычное к битвам войско.

Случилось невероятное. Барак, лишенный возможности ходить, с только что набранным, необученным войском одержал победу.

Теперь Кайду ему не был нужен, и он попросил его повернуть свои тумены вспять.

Однако не за тем шел Кайду и не о возвращении были его помыслы. Настало время действовать. Близкой была пожива, а какой чингизид откажется от нее, если для этого даже потребуется лишиться близкого по крови человека.

Повод для гнева легко найти.

Кайду обвинил Барака в том, что тот мешал его людям собирать налог с принадлежащих ему по решению курултая бухарских ремесленников.

Тумены Кайду в эту же ночь окружили уставшее после битвы войско Барака. Не дожив до рассвета, Барак умер.

Разное говорили люди. Одни — что сердце эмира разорвалось, не выдержав предательства, другие — что его отравил посланный Кайду человек.

Кто мог назвать истинную причину? Одно знали люди — чингизиды всегда умирают быстро и неожиданно. К этому все давно привыкли...

* * *

Что бы ни говорили люди, а Кайду повелел похоронить Барака пышно, так, как этого заслуживал всякий, принадлежащий к роду великого Чингиз-хана. Совершив то, что полагалось по монгольским обычаям, дальше Кайду поступил по-своему.

Все потомки Джагатая, явившиеся с повинной и жалобами на притеснения со стороны покойного, получили долю от его имущества. Жена Мубарек-шаха на глазах Кайду вырвала из ушей жены Барака золотые серьги, но он не пожелал пресечь надругательства над женщиной, которая еще недавно делила ложе с его побратимом. Прошел всего год, как грудь Кайду касалась груди Барака и в золотой чаше смешалась их кровь в знак вечности...

Присоединив к своим туменам войско Барака, Кайду приобрел великую силу. Не избранный еще ханом, он стал могучим и грозным. Отныне принадлежащие ему земли простирались от Китайского ханства Кубылая на востоке до границ с Золотой Ордой на севере и западе и до ильханства Кулагу на юге.

С равнодушным презрением смотрел теперь Кайду в сторону Золотой Орды, которая не раз в трудную минуту помогала ему.

После поминок Берке, когда хан Менгу-Темир показал свою справедливость, положение его среди главной опоры — кипчаков — укрепилось. Правда, хан знал, что оно недорого стоит. Кипчаки являлись основной силой, но не следовало забывать, что это все-таки покоренный монголами народ и надо всегда быть готовым к любым неожиданностям. Менгу-Темир хорошо помнил совет Ногая, который в свое время давал хану Берке: войти в орусутские земли и превратить орусотов в монголов. Неужели умный Ногай не понимает, что покоренные народы — огромное озеро, а монголы горсть соли? Стоит разжать кулак — и соль растворится без следа.

Хан с усмешкой подумал, что если бы он последовал советам Ногая и осел со своим

войском в орусутских землях, то кто знает, не оказался бы он уже через год крещеным и не пришлось бы ему и его воинам надеть орусутские одежды?

Больше чем усиление Кайду, Менгу-Темира беспокоили дела, происходящие в землях, лежащих к западу от Золотой Орды. Если здесь, в степи, кипчаки начинают поднимать голову и осознавать себя единым народом, то что должно происходить в орусутских землях, где знали и умели больше, чем просто пасти скот?

Минуло почти сорок лет, как промчалась через орусутские земли монгольская конница, топча поля и предавая города огню. По-прежнему не могут орусутские княжества объединиться, по-прежнему ссорятся князья, и в этом счастье монголов. В последнее время заговорили о княжествах Тверском и Московском. Но и здесь не ищут объединения, а продолжают вести давние тяжбы и споры.

На Москве сидит сын князя Александра Невского — Даниил. Кто знает, что замышляет он? Не станет ли Даниил именем отца своего собирать вокруг себя орусутов? Другие княжества словно спрятали Москву, заслонили своими землями от Золотой Орды, и Москва крепнет с каждым годом; растет ее казна оттого, что многие торговые пути пролегали через этот город.

Если Москва объединится с Тверским княжеством, то не потянутся ли к ним другие, не придется ли тогда Золотой Орде забыть о Кайду и вновь направить на орусутов свои тумены? Все это тревожило Менгу-Темира. Времена изменились, и борьба с ними на этот раз может оказаться более тяжелой, чем при Бату-хане.

Но жаждущие богатства и славы были не только среди чингизидов. Орусутские князья по-прежнему не мирились друг с другом, а в глазах их часто вспыхивал огонь алчности и зависти. Пока не исчезнет это в орусутских землях, ничто не грозит Золотой Орде. Просто там надо иметь свои глаза и уши и не упустить момент, когда придет пора вмешаться.

Джучи, Бату, Берке... Каждый хан считал себя умнее и дальновиднее своего предшественника. Каждый искал свой путь, но так и не смог свернуть с глубокой колеи, проложенной ордой Чингиз-хана. Очень скоро понял Менгу-Темир, что эта дорога единственно верная и для него. Властвовать над покоренными народами и держать их в крепкой узде можно только так, как учил великий предок. Для этого необходимы были сильное войско и золото.

Собираясь завоевать полмира, Чингиз-хан брал у покоренных народов все, что нужно было для его туменов. У тангутов государства Си Ся он отнял железо и повелел сделать из него сабли для своих воинов, у китайцев забрал порох, стенобитные и метательные машины. Так его войско стало самым сильным.

У Золотой Орды силы тоже немалые. Но, чтобы войско повиновалось хану, он должен быть богатым, щедрым и одаривать каждого, кто проявил смелость в битве или достоин этого за верную службу.

Чингиз-хан все брал в сражениях, грабя цветущие, давно не знавшие разорительных набегов города. Но еще мудрый советник хана Угедэя — Елюй Чуцай говорил: «Землею, которую завоевал верхом на коне, невозможно править, оставаясь в седле». Нельзя было без вреда для самой Золотой Орды бесконечно грабить много раз ограбленных.

Менгу-Темир считал, что настало время заняться внутренними делами Орды.

Он увеличил налоги, взимаемые с покоренных народов, с ремесленников и торговцев. Отныне каждый платил за то, что жил, платил с поголовья скота и с засеянного поля, платил за убитую дичь и пойманную рыбу, за срубленное дерево и выкованную подкову.

Но слишком неудобно получать налоги натурой. Нужны были деньги. Деньги всех государств и земель, куда ступило копыто монгольского коня, ходили в Золотой Орде, но цену они имели разную, и люди брали их потому, что были они из золота и серебра.

Менгу-Темир знал, что только то государство является государством, которое имеет собственные деньги. И потому он решил продолжить дело, начатое еще ханом Берке.

Первые золотые монеты Орды были отчеканены в Булгаре. Берке исповедовал ислам и потому повелел изобразить на них профиль халифа Ан Насиритдина Аллаха, умершего за тридцать пять лет до его правления и в свое время сумевшего возродить величие Багдадского халифата. Расплачиваясь с купцами деньгами с изображением Ан Насиритдина, Берке считал, что тем самым он возвеличивает мусульманскую веру.

Все изменилось, когда в год лошади (1258) Кулагу во главе своих туменов подошел к

стенам Багдада.

Китайские осадные машины сделали свое дело. Через проломы в стене воины Кулагу, словно муравьи, рассыпались по улицам города. Началась резня и грабеж.

Жители Багдада не собирались сдаваться. И тогда халиф Мустасим, еще вчера отказавшийся открыть перед монголами ворота города, первый запросил пощады.

— Я пощажу тебя, если ты сумеешь уговорить жителей прекратить сопротивление, — сказал ильхан.

Мустасим повиновался. Он обратился к правоверным мусульманам со словами:

— Такова воля аллаха. Прекратите сопротивление, и монголы не тронут вас...

Жители Багдада поверили своему халифу. Когда же они оказались безоружными, монголы поступили с ними так, как привыкли поступать с покоренными народами. За городом, в открытой степи, была устроена резня, в которой никто не знал пощады.

Земля еще не успела впитать кровь убитых, а Кулагу сказал Мустасиму:

— Мы гости твоего рода. Покажи же, чем ты богат.

И халиф, трясясь от страха, привел монголов к дверям, окованным черным железом. Воины Кулагу взломали их и вынесли из кладовых огромное количество одежд, расшитых золотом, сундуки, наполненные динарами, жемчугом и драгоценными камнями.

Всю добычу воины сложили у ног ильхана, но он даже не взглянул на нее. Брови Кулагу были сурово сдвинуты. Он сказал Мустасиму:

— А теперь покажи нам золото халифата.

— Я клянусь...

— Не клянись! — гневно крикнул Кулагу. — Я спрашиваю, где лежит золото, которое багдадские халифы собирали веками?

Один из нойонов приставил к горлу Мустасима лезвие сабли.

— Ну!.. Говори! Не то мои воины отыщут его сами. У них собачий нюх на золото. Если они сделают это без тебя, то тебе нечем будет заплатить за свою жизнь.

Лицо халифа было бледнее его чалмы.

— Там... — сказал он, указывая дрожащим пальцем в сторону небольшого водоема, голубевшего у стен дворца.

Монгольские воины, взяв кожаные бурдюки, окружили хауз и начали вычерпывать воду. Когда обнажилось дно, выстланное белым песком, самые нетерпеливые принялись копать. И скоро у ног Кулагу выросла гора из золотых слитков, а воины доставали со дна водоема все новые и новые.

Лицо ильхана было каменно-спокойным, и только в узких раскосых глазах его играл жаркий красноватый отблеск золота.

Узнав о падении Багдадского халифата, великий монгольский хан Менгу повелел Берке расплавить оставшиеся монеты с изображением Ан Насиритдина. Отныне Золотая Орда могла чеканить свои деньги только с его разрешения.

Выразив внешне покорность, Берке поручил преданным ему мусульманам продолжать чеканить монеты с профилем халифа Ан Насиритдина. Делалось это в глубокой тайне в Алмалыке, Ходженте и Отраре. Только теперь они были из серебра и меди.

Давно уже Золотая Орда отделилась от Каракорума, и, решив начать чеканить свои деньги, Менгу-Темир еще раз хотел подчеркнуть этим, что он управляет независимым государством.

Больше не было Великого Монгольского ханства. Умер последний его правитель Арик-Буги. В год овцы (1271) Кубылай провозгласил себя китайским императором, перенес столицу в Ханбалык и назвал новое государство Юань.

Кулагу образовал свое ильханство. Средней Азией правил Кайду. Менгу-Темиру принадлежала Золотая Орда.

Долго решал золотоордынский хан, какими должны быть его деньги, чье лицо оттиснуть на новых динарах. Может быть Бату-хана — создателя Орды — или Берке, укрепившего ее могущество?

Нет. Золото Орды должно освящать имя ее правителя, и потому пусть каждый видит на динарах лицо великого хана Менгу-Темира.

Настроение Менгу-Темира было пасмурным. Только что из его юрты ушел первый визирь Катай, и слова, сказанные им, замутили светлый родник ханского добродушия.

Неприятную весть принес визирь. До Менгу-Темира и раньше доходили слухи, но он не хотел им верить. Катай сказал, что младшая жена хана — Улжатай изменяет ему с Абашем — одним из его сыновей, рожденным от другой жены — Кубун-хатун.

Для монгольских ханов никогда не было протivoестественным, если сын брал в жены одну из бывших жен своего отца. Бывало, что и отец брал себе в жены, после смерти сына, невестку, но измена всегда вызывала осуждение.

Менгу-Темир был немолод, и все равно то, что сказал ему визирь, вызвало у него гнев.

Привыкший владеть собой, хан внешне сохранил спокойствие, но брови его сошлись на переносице и в глазах появился недобрый блеск.

Он на миг представил Улжатай и своего сына Абаша. Черная злоба затмила ему разум. Нет, такого он не мог позволить!

Менгу-Темир попытался прогнать видение, но оно стояло перед глазами: белое тело красавицы жены, расprostертое на земле, и короткорукий, широкогрудый Абаш...

Хан хлопнул в ладоши. В дверном проеме появился нукер.

— Пусть придет ко мне музалим.

Нукер исчез, и сейчас же на его месте появился смуглолицый воин, выполнявший при ставке обязанности музалима — человека для особых ханских поручений.

Руки Менгу-Темира вздрагивали.

— Подойди ближе, — велел он воину.

Тот, неслышно ступая по мягкому коври, приблизился к хану и склонился в поклоне, ожидая приказа.

— Абаш-оглан не должен увидеть завтрашнего рассвета, — тихо, но властно, не отрывая взгляда от лица музалима, сказал Менгу-Темир. — Ты меня понял?

— Слушаюсь и повинуюсь, великий хан...

Лицо воина было бесстрастным.

— Иди.

Тот попятился от Менгу-Темира.

Никогда ни один из ханов не объяснял исполнителю его воли причин, побудивших отдать тот или иной приказ. Никто не должен был знать сокровенных дум повелителя. Ханская тайна — это обнаженный меч, висающий над головой музалима. Стоит тому уронить где-нибудь лишнее слово, и этот меч настигнет его, даже если он попытается укрыться за тридевять земель.

Менгу-Темира не интересовало, как будет выполнен его приказ. Музалим решит и сделает все так, как найдет нужным. Но ханскую волю он исполнит, что бы ни произошло.

Проворная рука нукера откинула ковер, закрывающий вход, и в юрту вошла Улжатай. Менгу-Темир вздрогнул. Младшая жена словно подслушала его слова, словно угадала то, что здесь только что произошло. В юрте было светло от падающего через верхнее отверстие света, и хан хорошо видел жещину.

Стройная, с тонкими чертами лица, с высокой грудью, она стояла перед Менгу-Темиром и улыбалась.

Дочь ойротского эмира Бука-Темира, рожденная младшей дочерью Чингиз-хана — Чичиган, она всегда вела себя так, как хотела, и позволяла себе многое из того, что не смели позволить другие жены хана.

Двух сыновей и двух дочерей подарила она Менгу-Темиру, и хан очень любил Улжатай.

Вот и сейчас, глядя на нее, Менгу-Темир почувствовал, как сильно забилося сердце. Мелькнула злая мысль: «Пусть умрет Абаш. Кроме него есть еще девять сыновей, и всегда будет, кому оставить трон».

Лицо Улжатай сделалось вдруг сердитым и капризным:

— Великий хан, неужели ты считаешь, что стал старым, а я могу поменять золото на медь?

— О чем ты? — хрипло спросил Менгу-Темир.

— Я о твоём визире Катае. Этот человек уже давно не ходит, как все люди, а ползет, извиваясь, словно червь...

— Что он сделал тебе?

— Он хочет посеять между нами вражду... Его душа полна черных замыслов...

Хан недоверчиво усмехнулся. Откуда ему было знать то, что знала Улжатай?

Визирь, оберегая самолюбие хана, сказал только о том, что жена изменяет, но не стал рассказывать, что на рассвете этого дня застал Улжатай и Абаша, когда они занимались любовью.

Не знал Менгу-Темир, что весь сегодняшний день жена его провела в тревоге. Она надеялась, что Абашу удастся убрать визиря прежде, чем тот донесет хану, но когда увидела, что Катай вышел из юрты Менгу-Темира, а после него туда вошел воин-музалим, надежды на счастливый исход не осталось. Надо было действовать. Поэтому она и пришла к хану.

Глаза Улжатай сделались властными и требовательными.

— Я ни о чем не хотела тебе говорить, чтобы не замутить источник нашей с тобой радости... Скажи мне, разве я когда-нибудь или в чем-нибудь обманывала тебя?

Менгу-Темир выжидательно молчал.

Улжатай вдруг невесело улыбнулась:

— Наверное, правильно говорят кипчаки, что нет мужчины, который бы не смотрел похотливо на красивую женщину и не пил бы кумыс...

Хан насторожился. Неужели и Катай относится к тем, кто не может пройти мимо красивой женщины? Он уже стар. Ему ли думать об этом? А если он по злобе оговорил Улжатай и Абаша?

— С тех пор как я стала твоей женой, я не смела даже подумать о том, чтобы бросить тень на твоё имя... Я ещё раз хочу спросить, о великий хан, было ли такое, чтобы я сказала неправду?

Менгу-Темир подумал, что женщина права. Он ни в чём не мог её упрекнуть. И всё-таки он снова не ответил на вопрос Улжатай, а продолжал рассматривать её лицо сузившимися глазами.

— Тогда знай. Вчера твой визирь, этот червь, сказал мне, чтобы я пригрела его и поделила с ним постель. А если я откажусь или скажу тебе о его домогательстве, то... — Улжатай вдруг улыбнулась, приоткрылись алые полные губы, влажно блеснули белые, жемчужные зубы. — Я не испугалась. Я знала, что ничто не может замутить твою веру в меня. И угрозам визиря я не поверила. Никто не смеет сказать плохо о жене хана, даже если она в чём-то и виновата. Тайна хана и тайна ханум священны. Разве не достоин жалости и снисхождения тот, кто бросает тень на Золотую Орду?

Улжатай на миг замолчала, потом вдруг вскинула голову, и лицо её осветила юная счастливая улыбка.

— Я рассказала тебе об этом, о великий хан, чтобы ты ещё раз убедился, что у меня нет от тебя тайн. Забудем об этом разговоре... — Она приблизилась к Менгу-Темиру, и он почувствовал на лице её горячее дыхание и услышал шепот: — Я соскучилась по тебе!.. Ты так давно не приходил!.. Не забывай меня, мой повелитель!..

Не дожидаясь ответа, Улжатай метнулась к выходу и исчезла так же быстро, как и появилась в юрте.

Когда настала ночь, Менгу-Темир отправился в юрту младшей жены.

Она была горяча, руки её нежны, а тело казалось упругим и шелковистым, словно итильская волна.

Хан подумал, что и он истосковался по любимой младшей жене.

Тайна ханум — ханская тайна. А тайна хана — тайна Золотой Орды...

На рассвете, когда усталый от любви и ласк Менгу-Темир заснул, вместо Абаша в своей юрте был удушен визирь Катай.

С этого дня больше никто из приближенных не имел плохих мыслей об Улжатай и ничьи глаза не видели, а уши не слышали ничего такого, что бы нужно было сообщать хану. Прежний мир и порядок воцарились в ставке Золотой Орды.

Улжатай не упускала теперь возможности лишний раз увидеть Менгу-Темира, и хан, незаметно следя за ней глазами, каждый раз, замирая сердцем, думал о том, какая она красивая, и желание обладать ею, чувствовать ее тело просыпалось в нем, туманило голову.

Видно, не знал мудрый Катай, что сильнее любой мудрости на свете — женские чары.

Однажды Улжатай пришла к хану, когда он был один. Так бывало редко, и Менгу-Темир понял, что младшая жена ему что-то хочет сказать.

Белые тонкие руки Улжатай протянули хану чашу с кумысом.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — спросил Менгу-Темир.

— Да, — женщина улыбнулась. — Приехали сваты из отцовского аула. Они просят, чтобы наша дочь Курт-Фуджи стала младшей женой моего брата Таутая.

Менгу-Темир прищурился. Таутай, самый старший из братьев Улжатай, стал после смерти своего отца Бука-Темира эмиром ойратского рода.

Поглаживая жидкую, уже тронутую сединой бороду, хан сказал:

— Это хорошо, когда приезжают сваты. Коль будет овца без кошара, корова без быка, кобыла без жеребца, а верблюдица без буры, то откуда возьмутся ягненок и теленок, жеребенок и верблюжонок? Если монгольская девушка не выйдет замуж, то откуда возьмутся новые воины? Хорошие мысли бродят в голове Таутай-эмира. Но только из него не получится ни кошара, ни быка, ни жеребца, ни буры. Слишком он стар, чтобы от него мог родиться монгол. И поэтому я не отдам ему в жены Курт-Фуджи. Она станет женой султана Корман Союрготмыша.

— Говорят, что султан болен, — осторожно возразила Улжатай.

— Пусть. Я найду Курт-Фуджи другого мужа. — Менгу-Темир вдруг засмеялся. — А как ты согласишься на то, если я отдам ее какому-нибудь орусутскому князю, а у орусутов возьму жен для моих сыновей?

Улжатай с удивлением смотрела на Менгу-Темира. Трудно было понять: шутил хан или высказал нечаянно какую-то свою затаенную мысль.

Не знал тогда Менгу-Темир, что судьба по-своему распорядится жизнью его дочери. Она не станет женою орусутского князя, а будет отдана султану Корман Союрготмышу. Через год султан умрет, и Курт-Фуджи возьмет в жены Сабылмыш — сын одного из братьев Улжатай. Через три года смерть настигнет и его. И тогда совершится то, что было предначертано Небом, — дочь хана Золотой Орды станет женой шестидесятилетнего Таутая, сватам которого отказал в свое время Менгу-Темир.

Курт-Фуджи родит старику трех мальчиков, трех монголов. Правда, людская молва станет утверждать, что Таутая помогли стать отцом молодые воины из его аула.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

VI

Время и смерть не щадили простых воинов, но и потомки великого Чингиз-хана были подвластны бегу времени, и смерть забирала их так же, как когда-то взяла к себе Потрясателя вселенной. Могучим и ветвистым было древо рода Чингиз-хана — сотни его правнуков и праправнуков правили покоренными землями и народами.

К тому времени, когда ханом Золотой Орды сделался Менгу-Темир, единственным правнуком Джучи, оставшимся в живых, был Ногай.

Начиная с великого похода в год мыши (1240) на Западную Европу под предводительством Бату Ногай участвовал во всех войнах, и ни разу его тумены не знали поражения.

Во всем и всегда он придерживался заветов Чингиз-хана, и это помогало ему, подобно деду, держать в повиновении разноязыкое войско и превращать его в непобедимую силу.

Ногай сохранил все так, как было при Потрясателе вселенной. Десятник подчинялся начальнику сотни, сотник — главе тысячи, тот, в свою очередь, — главе тумена. Над туменами стояли три нойона, а над ними лашкаркаши — главный предводитель крыла.

Чингиз-хан учил: «Если во время сражения хотя бы один из десятка побежит с поля битвы, то все, кто входит в эту десятку, должны быть казнены. Если же вся сотня проявит храбрость, а подчиненная его главе десятка будет уличена в трусости, то следует казнить всю сотню.

Если один из десяти будет окружен врагами, а остальные девять не попытаются выручить его и не придут на помощь, все они достойны смерти. Если же подобное произойдет с десяткой, а остальные девяносто воинов не сделают все, чтобы спасти десятку от беды, все они должны быть преданы смерти».

Так завещал в своей Яссе Чингиз-хан.

Еще более жестокими были его законы по отношению к тем, кому под начало отдавал он воинов. Если простой воин отвечал головой за свою трусость или за то, что не пришел на помощь товарищу, то те, кто стоял над десятками, сотнями, тысячами, за неумение распорядиться и показать пример должны были быть казнены вместе со своими семьями.

Везде и всюду единственным наказанием была смерть. Воины Чингиз-хана были рождены для того, чтобы убивать других. Если же они не делали этого или делали плохо, то умирали сами.

Завершив поход в орусутские земли и в Западную Европу, многие монголы осели в низовьях рек Северного Кавказа, Итиля и Тана.

Свое войско глава улуса всегда набирал среди тех, кто жил на подвластных ему землях. Ногаю повезло — в его улусе было много монголов. Они помнили времена Чингиз-хана и учили своих детей и внуков тому, к чему привыкли сами, что казалось им естественным и необходимым.

Во время крымского похода погиб родной брат одной из жен Ногая — сын эмира хадаркинского рода Макур Курана. Ногай присоединил его войско к своему. Хадаркинцы были настоящими монголами, отличались храбростью и умением повиноваться.

Имея сильное войско, Ногай чувствовал себя независимым и умел дать понять это другим чингизидам. Три его сына управляли сплоченными железной дисциплиной туменами и были готовы выполнить любой приказ отца.

Ногай никогда не называл себя ханом, но все вопросы, касающиеся управления принадлежащего ему улуса, решал сам, не прося ни совета, ни помощи в Золотой Орде.

Особенно независимо повел он себя при Менгу-Темире. Новый хан никак не выказал своего недовольства, а скорее наоборот, сделал вид, что ничего не происходит, поскольку улус Ногая по-прежнему считался частью Золотой Орды.

Другим был занят в это время Менгу-Темир. По его приказу в одном дневном переходе от устья Яика вверх по течению строился новый город Сарайчик. Здесь, в самом сердце Орды, вдали от границ, где постоянно вспыхивали междоусобицы, хан решил наладить чеканку своих денег.

И еще была причина, по которой Менгу-Темир не хотел ссориться с Ногаем. В Мавераннахре и Хорасане набрал силы Кайду и уже позволил себе забирать часть причитающихся Золотой Орде денег, получаемых от принадлежащих ей ремесленников — рабов.

Случись это при Бату или даже при Берке-хане, Золотая Орда, не стерпев подобной обиды, двинула бы свои тумены на того, кто осмелился поступать подобным образом. Но Менгу-Темир боялся Кайду. Опасение быть разбитым и потерять даже то, что имела Орда, останавливало хана.

Предательски умертвив Барака, Кайду укрепил союз со своим бывшим врагом — ильханом Ирана Абаком и создал на подвластных ему землях новое сильное ханство. Желая еще больше оградить себя от неожиданностей с юга, он пообещал отдать в жены свою знаменитую дочь Кутлун-Шаги за внука Абака — Газана.

Менгу-Темир понимал, что если он двинет свои тумены на Кайду, то не останется в стороне и Абак. Ильхан непременно воспользуется этим и через Азербайджан и Кавказ ударит Золотой Орде в спину.

Опасаясь Кайду, Менгу-Темир тем не менее пристально и с тревогой следил за Ногаем.

Не проходило ни одной зимы, чтобы Ногай не устраивал больших облавных охот, в

которых участвовало все его войско. Длились они по три-четыре месяца и охватывали большие пространства.

Со времен Чингиз-хана такие охоты означали подготовку к походу, к предстоящим битвам. На охоте проверялась выносливость воинов, их способность терпеливо переносить лишения: спать на земле в дождь и снег, долгое время обходиться без еды, быть зоркими и внимательными, во всем подчиняться своим начальникам.

Иногда Менгу-Темиру начинало казаться, что Ногай задумал отделиться от Золотой Орды и объявить себя самостоятельным ханом. Но ведь Ногай всегда был суровым и последовательным сторонником заветов Чингиз-хана, и едва ли он посягнет на единство.

Если это так, то чего же хочет Ногай? Неужели он наметил себе цель выше, неужели пожелал сам сделаться ханом Золотой Орды?

От этих мыслей Менгу-Темир мрачнел и подолгу не находил себе места.

Да, никто из чингизидов еще не бежал от звания хана и не отказывался от трона, если для этого появлялась хотя бы небольшая возможность. Но Менгу-Темир ошибался, думая, что и Ногай преследует эту же цель.

Ногай был не только мудрым и удачливым предводителем войска, он еще и умел смотреть далеко вперед. Ногай хорошо понимал, что убрать с трона Менгу-Темира будет нелегко. Слишком многие стояли за его спиной и, бесспорно, оказали бы ему поддержку. Поднять руку на хана, избранного курултаем, значит нарушить святая святых Яссы Чингиз-хана. Не только враги, но и друзья поднимутся на того, кто решится задумать подобное.

Нет, не ханское звание прельщало Ногаю. Он хотел всегда оставаться сильным, чтобы не только правое крыло прислушивалось к сказанному им слову, но и вся Золотая Орда. И кто бы ни сидел на троне, принимая решение, должен был вспомнить о нем и у первого спросить совета или согласия. На это, как считал Ногай, у него было полное право. Кто больше, чем он, сделал для возвеличивания Золотой Орды, для умножения ее богатств? Кроме того, он самый старший из Джучиева потомства, а значит, каждое его слово — это золотое слово.

Разве может кто-либо из потомков Чингиз-хана сесть на трон Орды без его согласия и благословения? По мнению Ногаю, такое не должно было произойти.

Но Ногай знал, что одних пожеланий слишком мало, чтобы повелевать ханами. Только сильное войско и поддержка большинства из потомков Джучи даст ему возможность, не будучи ханом, править Золотой Ордой.

Для этого он постоянно заботился о войске и привлекал на свою сторону тех, кто мог бы оказаться ему полезен. Ногай не стеснялся в средствах. Одних обманывал, другим льстил, третьих пугал, четвертых подкупал своей щедростью.

Потомки Джучи часто бывали гостями его улуса.

В год коровы (1277) Ногай пригласил к себе Тудай-Менгу, с которым ходил в поход против ильхана Кулагу в земли Азербайджана.

Не близок был путь в его улус. Надо было переправиться через великие реки Тан и Узи, прежде чем выйти к благодатной долине реки Кехреб, что несла свои воды через земли молдаван, на которых находилась ставка Ногаю. Но разве имеет значение, короток или длинен путь, для монгольского воина, родившегося в седле?

Лето в тот год выдалось знойное, дожди почти не выпадали, и потому травы на землях, через которые проходил караван Тудай-Менгу, пожелтели раньше срока.

Долина Кехреба встретила гостей прохладой и зелеными лугами. Вокруг стояли невысокие горы, покрытые лесами, и весенние воды во время разлива Узи успевали так напоить землю, что ей не страшно было самое жаркое солнце.

Благодатные земли принадлежали Ногаю, земли, не знающие зимы. Лишь в декабре здесь ненадолго выпадал снег и сразу же плавился от дыхания теплых ветров. Хорошо и привольно было здесь и людям, и скоту.

Ногай, получив в управление улус, как истинный кочевник не стал строить города. И зимой, и летом монголы жили в юртах, поставленных в том строгом порядке, какой определял обычай предков.

За два дня до того, как Тудай-Менгу должен был прибыть в ставку, Ногай выслал навстречу дорогому гостю, внуку великого Бату-хана, отряд во главе со своей младшей женой

кипчачкой Гибадат-бегим. Отряд состоял из девушек и юношей на быстроногих, богато украшенных скакунах.

Тудай-Менгу поразил Ногай. Не таким привык он видеть этого горячего, всегда веселого воина, быстрого на острое слово и готового поддержать любую шутку.

Сейчас перед ним был совсем другой человек. Пожалуй, внешне он ничем не отличался от того, каким знал его Ногай, но в беспокойно бегающих глазах Тудай-Менгу появился нездоровый, тусклый свет, щеки запали, а руки беспрестанно двигались, словно что-то искали.

Ногай догадался — с Тудай-Менгу что-то случилось, но расспрашивать не стал, а велел проводить гостей в поставленные для них юрты на отдых.

Тудай-Менгу производил впечатление потерявшего разум человека. И только Кебек-тайши, сопровождавший его, открыл Ногаю страшную тайну.

Средней женой Тудай-Менгу была дочь алшин-татарского эмира Туре Кутлука, родственница страшей жены Бату-хана, знаменитой Баракши-хатун.

В свое время умная и хитрая Баракши-хатун, чтобы еще больше укрепить родственные связи с потомками Чингиз-хана, выдала ее за пятнадцатилетнего Тудай-Менгу.

Много лет подряд дочь Туре Кутлука рожала мертвых детей. Вспыльчивый, горячий в своих поступках, Тудай-Менгу грозился отправить ее к родителям, и когда он почти решился исполнить свою угрозу, она родила ему сына, похожего на него как две капли воды.

Желая, чтобы счастье не обошло его наследника, Тудай-Менгу назвал сына именем деда — Бату.

Мальчик рос веселым и здоровым. Небо наградило его смелостью и решительностью. В стрельбе из лука и в играх с саблями он легко побеждал своих сверстников и всегда и во всем был первым.

Радости Тудай-Менгу не было предела. Мечтая о том, что сын когда-нибудь повторить подвиги и дела своего прадеда, он с семилетнего возраста стал брать Бату во все походы, куда бы ни приходилось ему отправляться. И на этот раз, собираясь в улус Ногай, он взял сына с собой.

Несчастье случилось после того, как караван Тудай-Менгу переправился на плотках через многоводный Узи и устроил дневку.

— Отец, — сказал Бату, — говорят, что здесь водятся кабаны. Я никогда не видел их и хотел бы посмотреть.

— Стоит ли моему сыну делать это? — возразил Тудай-Менгу. — Ты еще мал, чтобы участвовать в охоте на этого зверя, а встречаться с ним на тропе просто так опасно. Кабан силен и легко впадает в ярость.

— Я хочу, я ничего не боюсь... — сердито хмурясь, упрямо сказал Бату.

За мальчика вступился его атабек — наставник Айджу, высокий смуглый воин — сын тангутского эмира Лу-Шидургу:

— Пусть посмотрит. Мы будем рядом с ним. Будущий воин не должен знать страха.

Тудай-Менгу долго колебался. Предчувствие беды удерживало его. Он уже ругал себя за то, что сказал сыну об опасности встречи с кабанами. Надо было придумать другую причину для отказа. Теперь же мальчик, приученный к мысли что монгол никогда не должен знать страха, все равно настоит на своем.

— Хорошо, — недовольно сказал Тудай-Менгу. — Иди. — И, обращаясь к Айджу, добавил: — Смотрите за Бату. Постарайтесь, чтобы выгнанные вами звери прошли стороной.

Атабек склонился в поклоне.

Юный Бату и сопровождающие его воины ушли к реке, туда, где поднималась темная стена густых камышей.

Прошло совсем немного времени, и вдруг дикий, необъяснимый страх охватил Тудай-Менгу. Он вскочил на коня и погнал его в ту сторону, куда ушел его сын.

Удивительная тишина стояла над безбрежными зарослями камыша. Зеленые тонкие стрекозы вились над его пушистыми метелками, и негромко тренькала какая-то птица. Не было слышно ни Бату, ни голосов ушедших с ним воинов.

Тудай-Менгу привстал на стременах, пытаясь угадать по движению камыша, где находятся ушедшие, но вдруг крик, пронзительный и отчаянный, ударил ему в уши. Он изо всех

сил хлестнул камчой коня...

То, что увидел Тудай-Менгу, когда конь, раздвигая могучей грудью камыши, вынес его на небольшую поляну, леденило кровь. На истоптанной, изрытой кабаньими копытами земле лежал со вспоротым животом Бату, и над ним в угрожающей позе, со вздыбленной щетиной на загривке и с желтыми клыками, нацеленными на мальчика, стоял огромный секач.

Услышав треск ломаемых камышей, кабан резко крутнулся на месте и, наклонив тяжелую голову, бросился на всадника.

Тудай-Менгу оказался проворнее. Перегнувшись в седле, он, тяжело охнув, ударил секача саблей. Голова зверя откатилась в сторону, а могучая туша, семеня короткими ногами, еще пробежала несколько шагов и тяжело рухнула в зарослях.

Обезумев от ярости и горя, кусая в кровь губы, Тудай-Менгу продолжал кромсать саблей поверженного великана.

Он не слышал, как подбежали воины, которые должны были охранять Бату, не слышал их сбивчивых оправданий в том, что мальчик убежал от них, чтобы проверить свою храбрость.

Когда же сердце не выдержало и Тудай-Менгу стал задыхаться, он повернул свое белое, перекошенное болью и отчаянием лицо к воинам.

Атабек Айджу, увидев глаза своего повелителя, отбросил саблю в сторону и закрыл лицо ладонями.

Тудай-Менгу не стал ни о чем расспрашивать воинов. Он зарубил их здесь же, над телом сына, и ни один из них не подумал защищаться, ни один не закричал и не попросил пощады.

И никто из каравана Тудай-Менгу не посчитал их смерть несправедливой. Что из того, что мальчик убежал от них, затеяв игру, а они пошли в другую сторону, разыскивая его?

Пусть в смерти Бату виноват случай — не наткнись он на дремавшего секача, не испугай его, и зверь никогда бы не напал первым. Что из того, что тот, кто должен утонуть, сам бежит к воде? Воин, охраняющий потомка великого Чингиз-хана, обязан, если это нужно, поднять свою саблю даже против всесильного Неба.

С этого дня разум Тудай-Менгу словно погрузился в глубокий и темный колодец. Он ни с кем не разговаривал, одиноко сидел в юрте, и глаза его то затягивала мутная дремотная пелена, то они вдруг светлели, становились холодными и ясными.

На третий день юного Бату похоронили на высоком речном берегу, и караван вновь тронулся в путь, в улус Ногая.

Утром, на второй день после приезда Тудай-Менгу, Ногай, узнавший все о постигшем его несчастье, разделил с ним его печаль, сказал слова утешения.

Нойон кивнул в ответ, но душа его оставалась немой и не согрелась от услышанного. Только через неделю пришел он в себя. Но это уже был другой человек. Умер прежний — веселый и жизнерадостный — Тудай-Менгу, и родился новый — хмурый и равнодушный к миру и его радостям.

Он больше слушал Ногая, чем говорил, со всем соглашался и вскоре засобиравшись в обратный путь.

Щедро одарив Тудай-Менгу подарками, Ногай, чтобы хоть как-то утешить его, предложил: «Возьми любую девушку, которая тебе понравится в моем улусе».

Но Тудай-Менгу покачал головой: «Я сделаю это в следующий раз».

Ногай опечалился. Дела Тудай-Менгу были плохи. Отказываясь, он поступил так, как не поступил бы ни один монгол.

* * *

Вскоре после отъезда Тудай-Менгу к Ногаю из Золотой Орды прискакал со словами приказа сын хана — Токтай.

Великий хан хотел, чтобы Ногай был готов выступить в поход на Кайду.

Ногай с почетом встретил Токтая, щедро одарил его и прибывших с ним людей.

Почтительно выслушав гонца, он сказал:

— Передай великому хану, что я всегда готов повиноваться его слову. Но еще со времен Бату право ходить в походы на Мавераннахр и Хорасан было оставлено эмирам и нойонам тех

улусов, которые ближе всего находятся к этим землям. У меня же есть другие замыслы. Если великий хан Менгу-Темир решит выступить со своими туменами против Кайду, то в дело непременно вмешается ильхан Абак. Ведь Кайду обещал выдать за его внука Газана свою дочь Кутлун-Шагу. Вот тогда я стану необходим Золотой Орде. Как только наступит зима и замерзнут реки, я со своими туменами привычным мне путем, через Дербент и Ширван, выступлю против Абака и нанесу ему удар в спину. Если Небо поможет мне и мои воины одержат победу, разве это не охладит горячую голову Кайду и не заставит его искать мира с Ордой?

Токтая слова нойона убедили, и он согласился с мудрым Ногаем. На второй день Токтай отправился в Дешт-и-Кипчак, чтобы передать отцу все, что он услышал.

— Я не стану женой Газана, — сказал Кутлун-Шага. Губы ее тронула улыбка, а глаза смотрели на отца бесстрашно и весело.

— Почему ты так решила, моя Ангиар? — растерянно спросил Кайду. Он редко называл дочь по имени, данному ей при рождении, потому что считал, что ей больше подходит другое: Ангиар — Дар Неба.

— Газан младше меня. Да и не хочу я жить в чужой стороне. Ты же знаешь, что я привыкла быть свободной...

Кайду осуждающе покачал головой.

— К чему мне ехать в Иран, если ты, сделавшись властителем, подарил мне замечательный улус? Река Чу поит его земли. Здесь привольно скоту, а подвластные мне кипчаки выращивают сады и сеют хлеб.

— Я подарил тебе богатый улус... — согласился Кайду. — Но надо думать о дне завтрашнем. Твой брат Урус, чей тумен стоит у Тарбагатайских гор, на берегу светлого Зайсана, сообщает нам, что все чаще воины Кубылая приходят из Китая, чтобы отнимать у подвластных нам родов скот. Это делается неспроста. Кубылай готовится к войне, и выстоять против него будет нелегко. Я ведь тоже приехал к тебе не в гости, а для того, чтобы взять из твоего улуса часть войска и отдать его Урусу...

— Почему ты боишься, отец?! — глаза Кутлун-Шаги блеснули. — Разве мало мы победили врагов? И если кто-то осмелится напасть на твои владения, мы снова победим!

Кайду ничего не ответил дочери, долго молчал, потом сказал:

— Не так и далек Иран... Ты ведь знаешь, что земля, на которой родился я, во много раз дальше. Даже быстрому соколу потребуется много дней, чтобы долететь до берегов голубого Керулена... Но ведь я не побоялся уйти в чужие края и сделать их своими. Кроме того, Газан является внуком ильхана Абака, и, когда тот умрет, его место займет отец Газана — Аргун. Как скоро это произойдет — зависит от случая...

— А кто мой отец?! — вызывающе засмеялась Кутлун-Шага. — Разве не он правит всем Мавераннахром, землями Семиречья, Хорасаном и Восточным Туркестаном?!

Кайду упорно повторил:

— Именно поэтому ты должна стать женою Газана.

— Именно поэтому я не стану ею, — возразила Кутлун-Шага. — И еще я хотела тебе сказать...

Кайду вскинул голову и в упор посмотрел на дочь. Она не опустила глаз.

— Я беременна...

Эта новость была для Кайду ударом. Гнев охватил его:

— От кого?

— От эмира Абдекула...

Хан закрипел зубами. Абдекул — уйгур, недавно прибывший из Северного Китая. Он был сыном уйгурского идикута, владел грамотой, умел разговаривать с чужестранцами, и за это Кайду приблизил его к себе.

Так вот чем отплатил хану этот человек! Шесть месяцев назад сам Кайду послал его к Кутлун-Шаге, чтобы он провел перепись людей в ее улусе и упорядочил сбор налогов.

Не знал, не ведал Кайду, чем обернется для него поездка красивого и статного уйгура.

— Годы уходят, отец... — с грустью сказала Кутлун-Шага. — До каких пор лежать мне в постели и не знать счастья материнства? Так уж случилось... Говорят, что Газан принял

мусульманскую веру, а по ее законам я совершила грех: не сделавшись женой, я зачала ребенка...

Кайду опустил голову и после долгого раздумья сказал:

— А ты думаешь, что твой поступок украсит мою Орду?!

— Отдай меня Абдекулу, — решительно сказала Кутлун-Шага. — И тогда никто не посмеет злословить.

Кайду знал, что если он даже согласится с тем, о чем его просит дочь, сплетен и злословия не избежать. Любой удивится тому, что сильный и могучий Кайду отдал свою единственную дочь за сына неизвестного идикута. Нет. Достойным мужем для Кутлун-Шаги мог быть только Газан. Род, из которого происходит он, правит ныне Ираном, Азербайджаном, Ираком и Румом. И быть может, очень скоро сам Газан станет ильханом.

Кутлун-Шаги назвала Абдекула эмиром. Стоит лишь Кайду пошевелить пальцем, и от него не остантся даже праха.

Тяжкие думы овладели Кайду. Предстояло держать ответ перед Абаком. Как сказать ему, что дочь прижила ребенка от пришельца из Китая? В подобных случаях потомки Чингиз-хана обычно не мучились в поисках решения. Кутлун-Шага должна была умереть. А мертвых не отдают в жены, и Абаку ничего не надо объяснять. Имя хана, его род не узнает позора. Смерть всегда помогала чингизидам решать самые трудные дела. И сейчас выход был один.

Мысль о возможной смерти дочери заставила содрогнуться Кайду.

Нет! Это не должно произойти. Недаром среди всех потомков Джагатая и Угедэя он считается самым умным и хитрым. Время поможет ему, подскажет, как следует поступить, а пока...

— Хорошо, — сказал Кайду. — Я сделаю так, как хочешь ты...

Кутлун-Шага обняла отца:

— Я знала, что ты скажешь мне эти слова.

— Разве я мог поступить иначе, моя Ангиар, мой Дар Неба? — со вздохом ответил он.

— Не надо печали, отец, — лицо Кутлун-Шаги светилось радостью. — Я приготовила тебе чудесный подарок.

Кайду выжидательно посмотрел на дочь.

— Ты помнишь, как Берке-хан приказал убить десять тысяч рабов, когда они выразили непокорность?

— Да.

— И знаешь, что причиной смуты был мастер-строитель из Рума?

Кайду кивнул.

— Вместе с ромеем из Сарай-Берке бежала тогда кипчакская девушка по имени Кундуз.

Кайду наморщил лоб.

— И об этом слышал. Говорят, она была красавица?

— Да. Она хороша лицом и телом. Но самое красивое у нее — это волосы. Я никогда не видела таких... Сейчас ты увидишь это сам.

Кутлун-Шага хлопнула в ладоши. В юрту вошла служанка.

— Приведи длинноволосую женщину и ее сына.

Та молча поклонилась и, пятясь, вышла.

Кутлун-Шага повернулась к отцу:

— У женщин и цветов время отнимает красоту. Молодость Кундуз прошла, но волосы остались прежними. Наверное, из-за них мужчины всегда любили ее. Ревнуя кипчачку к Кулагу, Тогуз-хатун отрезала ей косы, но они выросли вновь. И с Берке-ханом, наверное, произошло то же, когда она попала к нему. Но он не смог насладиться ее прелестями. В первую же ночь кипчачку выкрали беглые рабы. Помнишь, Берке велел сжечь Черный лес на берегу Итиля, где скрывался отряд беглецов? Кундуз была там, но ей удалось спастись вместе с сыном.

— Но как она попала к тебе?

— Мои воины нашли ее в караване, который шел из Золотой Орды в Алмалык. Про остальное спроси у нее сам. Я берегла ее для тебя...

Кутлун-Шага говорила все верно, но только не знала она, что семилетний Акберген не был сыном Кундуз. Мальчик был рожден Акжамал и Салимгиреем, но они в ту страшную ночь

пожара на берегу Итиля приняли смерть от воинов Тудай-Менгу.

И не в Алмалык пробиралась Кундуз, а в Бухару. После того как не стало Коломона, мир словно лишился красок. Женщины, которым удалось спастись вместе с ней, вскоре разбрелись по необъятной Дешт-и-Кипчак искать свою судьбу. Кундуз же осталась жить в маленьком бедняцком ауле на берегу Жаика. Она называла Акбергена своим сыном, ходила в рваной одежде, помогала людям ухаживать за скотом, доила кобыл. Ее считали полоумной, не прогоняли, давали еду.

Но так долго продолжаться не могло. Узнавший свободу не променяет ее никогда на такую жизнь. Долгими зимними ночами, лежа в дырявой бедняцкой юрте, приютившей ее, Кундуз вспоминала прошлую жизнь, думала о будущем. Надо было, чтобы подрос, окреп, научился сидеть в седле Акберген. Да и уходить в эти годы было некуда.

В степи было спокойно. Лишь иногда доходили слухи, что где-то появился отряд разбойников-барымтачей. Они грабили всех подряд, угоняли скот и у богатых, и у бедняков. Таких Кундуз презирала.

Жадно прислушивалась она к новостям, которые порой приносили останавливающиеся на отдых в ауле дервиши.

Шли мимо караваны из далеких земель, но везде было тихо. Дрались между собой только ханы, делили, отнимали друг у друга земли. Акберген подрос и уже помогал Кундуз — пас весною ягнят.

Но однажды она услышала то, что так долго ждала. Шепотом, боясь доносов, караванщики рассказали, что в Бухаре вновь неспокойно. Появился улем Тамдам и зовет народ прогнать монголов.

Хорошо знала это имя Кундуз. Она помнила, как по ночам, подбросив в костер сучьев, рассказывал Салимгирей о бесстрашном Махмуде Тараби, о своем товарище Тамдаме, поднимавших ремесленников Бухары против монгольских владык и баскаков. Знала она и о том, как спас Салимгирей Тамдама.

Больше не было сил оставаться в ауле. И Кундуз упросила одного из караванбаши, направляющегося в Бухару, взять ее с собой.

Путь был не близкий. Начинался он в Дешт-и-Кипчак, шел через Монгольские горы, огибал Арал, и дальше тропа вела к Бухаре. Миновать долину Чу караван не мог.

Еще недавно эти земли принадлежали Золотой Орде, но сегодня ими правил Кайду. Он знал, что Менгу-Темир не смирится с потерей и рано или поздно придет сюда с войском. Опасаясь лазутчиков, Кайду велел проверять все проходящие караваны.

Караванбаши было известно, что в Бухаре неспокойно, и он решил схитрить и сказал, что идет в Алмалык.

Кутлун-Шага никогда не видела Кундуз и все же легко догадалась, кто она такая. Снова, в который раз были виноваты косы. Кундуз постоянно отрезала их, но волосы росли быстро и были, как прежде, прекрасными и густыми. Чтобы косы не мешали в пути, она обернула их вокруг талии.

Кутлун-Шага была не только воином, но и женщиной, и потому глаза ее сразу же остановились на Кундуз.

Если человек имеет что-то особое — доблесть или богатство, ум или необычайной красоты волосы, — слух об этом быстро расходится по всей степи среди кочевников.

Сидя на черном иноходце, разглядывая тех, кто толпился перед ней в ожидании решения своей участи, Кутлун-Шага внимательно рассматривала Кундуз. Лицо женщины хранило следы былой красоты, а главное — косы... Они-то и подсказали правительнице улуса, кто эта женщина...

— Развяжи косы... — властно сказала она.

Кундуз молчала.

Тогда Кутлун-Шага приказала одному из нукеров:

— Сделай это ты.

Невысокий кривоногий нукер скатился с седла и подбежал к женщине.

Едва он протянул к ней руки, как стоящий рядом Акберген кинулся на монгола. Тот легко отбросил его в сторону. Мальчик упал, но тут же вскочил на ноги. Рукояткой камчи нукер

наотмашь ударил его несколько раз по голове и лицу. Кровь залила глаза Акбергена.

Метнулась к нему Кундуз, опустилась на колени, закрыла телом. А потом, глядя снизу вверх на сидящую на коне Кутлун-Шагу, крикнула:

— Останови своего пса! Я сама сделаю то, что ты хочешь!

Рывком Кундуз развязала тугие жгуты кос, и они, подобно двум черным змеям, упали на пыльную землю.

— Значит, это ты и есть та Кундуз?

— Да. Но в чем виноваты я и мой сын? Почему ты велишь поступать со мной как с рабыней? Или все оттого, что у меня длинные косы?

Кутлун-Шага усмехнулась. Она знала все, что рассказывала степная молва.

— Если бы ты была виновата только в этом...— И обращаясь к нукерам, велела: — Женщину с ребенком заберите в Орду и поручите надежным людям...— Кутлун-Шага недобрый взглядом посмотрела на караванбаши. — Кто вы такие и куда держите пусть?

— Я купец, — вкрадчиво сказал тот. — У меня есть разрешение заниматься торговлей. Об этом знает отец ваш Кайду...

— Чем подтвердишь свои слова?

Караванбаши торопливо полез за пазуху и достал шелковый платок. Руки его дрожали от волнения, и он, с трудом развязав тугой узел, достал серебряную пластинку — пайцу.

— Эту пайцу мне дал в свое время великий хан Угедэй...— заглядывая в глаза Кутлун-Шаге, сказал он.

Пайцы появились еще при Чингиз-хане. Они были золотыми, серебряными, медными, чугунными, деревянными. И изображения на них были разные: оскаленная голова тигра, спокойно сидящий тигр, летящий сокол... Каждая пайца давала своему владельцу определенные привилегии: или беспрепятственный проход через все земли, принадлежащие монголам, или право не платить налог от проданных товаров, или право первым получать сменных лошадей на ямах, через которые спешили гонцы...

Разное было значение у пайц, и каждый монгол обязан был их знать.

— Я знаю, — снова сказал караванбаши, — моя пайца не золотая, а всего лишь серебряная, и я готов уплатить за товары, которые везу через ваш улус.

Выражение лица Кутлун-Шаги стало не таким грозным.

— Хорошо, — сказала она. — Мои нукеры осмотрят твои товары и возьмут то, что положено взять... И тогда ты сможешь продолжить свой путь.

Кутлун-Шага круто повернула своего иноходца и поскакала в ставку. Поднимая облако пыли, последовали за ней охранявшие ее нукеры.

Через некоторое время два воина погнали по степи Кундуз и Акбергена. Солнце уже садилось за край земли, но они не спешили — ставка правительницы улуса была рядом, за близкими невысокими курганами.

Кундуз знала обычаи и законы степи, и потому ей нетрудно было предсказать свою судьбу. Ничего хорошего не предвещал новый день и встреча с Кутлун-Шагой. Можно было надеяться на чудо, но в чудеса Кундуз давно не верила. Слишком много было в ее жизни горя и слез, и слишком короткой оказывалась радость: Кутлун-Шага многое знает и обмануть ее не удастся.

Кундуз вдруг почувствовала, что устала жить. Ей было безразлично, как распорядится ее судьбой дочь Кайду. И только то, что рядом был Акберген, мальчик, которого она давно уже приняла сердцем и считала своим сыном, заставляло лихорадочно искать выход.

Унижаться, молить о пощаде бесполезно. Кундуз знала: сердце отпрысков Чингиз-хана камнеет при виде унижения, а глаза жаждут увидеть еще больше. И она решила, что уж если нет никакой надежды помочь себе и Акбергену, то хотя бы умереть надо достойно.

Утром хмурые, молчаливые нукеры повели Кундуз и Акбергена к белому двенадцатикрылому шатру. Сердце Кундуз билось так сильно, что потемнело в глазах и, когда ее втолкнули в прохладный полумрак шатра, она долго ничего не могла рассмотреть.

Наконец глаза ее снова начали видеть.

Кутлун-Шага полулежала на почетном месте — торе, застланном белым войлоком, опершись на большую пуховую подушку.

— Сядь.

Кто-то сзади дернул Кундуз за руку, и она опустилась на разостланный у входа, сплетенный из тростника коврик.

Равнодушный взгляд ее скользнул по богатому убранству шатра, по огромным, красочно расписанным орнаментом сундукам, стоящим у стен, со стопками разноцветных подушек на них. В шатре было много женщин и девушек.

Не отводя глаз от лица Кундуз, Кутлун-Шага приказала:

— Дайте им кумыса. Наверное, после вчерашнего жирного куырдака они страдают от жажды, — в голосе дочери Кайду послышалась насмешка.

Пожилая, с усталым лицом женщина, взболтав в сабе кумыс, налила деревянным черпаком две большие чаши — тостаганы и протянула их Кундуз и Акбергену.

— Спасибо, апа, — тихо сказала Кундуз. Она отпила из чаши глоток и поставила ее перед собой.

— Вижу, что жажда тебя не мучит, — Кутлун-Шага резко приподнялась и села по-мужски, поджав под себя ноги. — Теперь скажи мне, почему ты убежала от Берке-хана и не захотела стать его женой? Разве это не великая честь для любой девушки?

Кундуз вскинула голову:

— Мое сердце любило другого человека. Берке-хан разлучил меня с ним. Разве после этого я смогла бы быть его женой?

— Но ведь он хан Золотой Орды.

— Сердцу не прикажешь, — упрямо сказала Кундуз.

— Такое сердце надо вырвать и выбросить.

Кундуз усмехнулась. Надо было бы промолчать, но в душе закипал гнев, и она не смогла справиться с ним.:

— Да, я не любила хана. Но есть женщины, которые любили его. Их сердца не стали бы есть даже собаки.

Красивое лицо Кутлун-Шаги побледнело, хищно затрепетали ноздри.

— Может быть, ты скажешь мне, кто эти женщины?

— Дочь великого Кайду должна об этом знать лучше меня...

— За такие слова тебе следовало бы выколоть глаза!

Кундуз тихо засмеялась:

— Лучше прикажите отрезать мне косы, как это сделала Тогуз-хатун...

Глаза Кутлун-Шаги сузились, и в них блеснул мстительный огонек.

— Нет. Я не стану портить твои красивые волосы. Завтра приедет мой отец, и я подарю тебя ему. Если же я отрежу твои косы...

— Он все равно возьмет меня, — перебила Кундуз. — Нет такого монгола, который бы отказался даже от старухи...

— Укороти язык! — крикнула вдруг Кутлун-Шага. — Иначе я прикажу пролить твою кровь! Если бы встретила ты мне в степи!..

— Я готова, — дерзко сказала Кундуз. — Пусть дадут мне коня и оружие.

Нукеры, женщины, девушки — все, кто был в шатре, затаили дыхание. Неслыханную дерзость позволила себе женщина-кипчачка — она вызвала ханскую дочь на поединок. Чем ответит дочь бесстрашного Кайду — сама воин, не знающий страха?

Кутлун-Шага прикрыла глаза и вдруг тихо спросила:

— Это твой ребенок?

Сердце Кундуз сжалось от недоброго предчувствия, от близкой беды.

— Да.

— У тебя же нет мужа? От кого же ты успела его родить?

— Я говорила... У меня был человек, которого я любила...

Кутлун-Шага вдруг быстро открыла глаза, на щеках ее выступили красные пятна, заметные даже сквозь бронзовый загар.

— Значит, сын тебе дорог как зеница ока... Или ты сейчас же упадешь мне в ноги и станешь просить прощения за свою дерзость, или я прикажу моим нукерам зарезать его у тебя на глазах!

Кто-то тихо охнул, и в шатре наступила звенящая тишина. Кутлун-Шага ждала ответа.

С поразительной ясностью Кундуз вдруг поняла, что дочь Кайду выполнит свою угрозу. Сама она не боялась смерти, но Акберген должен был жить. Тяжкая доля выпала ему с самого первого дня рождения, но у Кундуз было сердце женщины, и она хотела и верила, что когда-нибудь к мальчику придет счастье.

— Ты слишком долго думаешь! — шепотом сказала Кутлун-Шага. Она подалась всем телом вперед, похожая на змею, готовую к нападению.

Кундуз тихо, в голос, заплакала. Она прижала тело мальчика к своему и вдруг поняла, что не сможет его защитить ничем, кроме унижения.

— Пусть бог заставит тебя однажды заплакать так, как плачу я... — сквозь рыдания сказала Кундуз.

— Кутлун-Шага вскочила с тора.

— В ноги! В ноги! — задыхаясь от ярости, закричала она, подбежав к Кундуз.

— Целуй же сапоги великой Кутлун-Шаги... — шептала едва слышно пожилая женщина, наливавшая им кумыс. — Целуй!.. И она простит тебя, твой сын будет жить!..

— Не надо, мама, не надо! — крикнул вдруг Акберген. — Пусть лучше я умру!..

Шепот, похожий на порыв ветра, пронесся среди тех, кто был в шатре.

Кутлун-Шага словно пришла в себя, пелена ярости упала с глаз, и она с интересом и удивлением посмотрела на мальчика:

— Так вот ты какой... волчонок!

* * *

Кайду и Кутлун-Шага ждали, когда нукеры приведут Кундуз и Акбергена.

— Я отдаю ее тебе, отец, — сказала Кутлун-Шага. — Мальчишку же я оставлю себе...

— Ты у меня мудрая, дочь, — улыбнулся Кайду. — Из такого волчонка может вырасти хороший воин, если приучить его брать мясо из рук...

Занавес, закрывающий вход в шатер, отодвинулся, и вбежавший в него нукер упал на колени, пополз к почетному месту, где сидели отец и дочь.

— Беда!.. Пленники исчезли! Нукер, который их охранял, лежит в юрте с перерезанным горлом!

Глаза Кутлун-Шаги расширились.

— В погоню! Догнать беглецов! Живые или мертвые они должны быть у моих ног.

Через два дня отряды, посланные в степь, во все четыре стороны света, вернулись ни с чем.

Кундуз и Акберген исчезли, словно маленькие камешки, брошенные в глубокий, черный колодец.

* * *

В год овцы (1271), когда умер Барак, города Мавераннахра переживали трудное время. Разоренные бесконечными войнами между ханами, измученные поборами и постоянным страхом быть убитыми, потерять семью, лишиться крова, жители больших и малых городов роптали.

Когда до ремесленников Бухары и Самарканда дошла весть, что Барак умер и отныне все его земли перешли во владение Кайду, они, ожидая новой резни, начали укреплять свои города и готовиться к отпору.

Но Кайду явил великую милость. Он не стал проливать кровь своих новых поданных, и это вселило в людей надежду. Вспыхнувшая было искра отчаяния, которая могла бы воспламенить человеческую ярость, вдруг потухла. На смену безысходности пришла пусть небольшая и робкая, но надежда.

Именно в этот момент в Бухаре вновь появился Тамдам. Он и его последователи говорили людям, что надежды их напрасны, что не бывает добрых владык, что все останется по-прежнему: и грабежи, и поборы, и кровь.

Шло время, и все оказалось так, как предсказывал улем Тамдам. Все больше появлялось его сторонников в Бухаре, Самарканде, Ходженте и в других городах. Снова забродил Мавераннахр, вновь поползли слухи по пыльным базарным площадям, будоража людей.

С большим трудом добрались Кундуз и Акберген до Бухары. Долгим, полным опасностей был этот путь. И только здесь, среди друзей Тамдама, почувствовала наконец-то Кундуз себя счастливой.

* * *

Захватив долину реки Чу, принадлежащую Золотой Орде, Кайду ждал, чем ответит Менгу-Темир. Но хан молчал и не делал никаких попыток вернуть утраченные земли.

Ободренный этим ильхан Абак сделал попытку выйти к Северному Кавказу и отобрать его у Золотой Орды. Здесь произошло несколько небольших сражений, не принесших успеха ни одной из сторон.

Только внешним было спокойствие Менгу-Темира. Еще сильнее окреп за это время Ногай, и именно это тревожило хана Золотой Орды. Ни у кого не спрашивая позволения, Ногай все чаще вел самостоятельные переговоры с пограничными ему государствами и народами.

Больше чем Кайду и Абака, боялся Менгу-Темир усиления влияния Ногая на другие улусы.

Тревожно было и в орусутских землях. Приходилось часто посылать туда отряды для умирения непокорных то в одном, то в другом месте.

По-прежнему ссорились князья и, желая унижить друг друга, искали помощи у Золотой Орды, просили войска, чтобы свести счеты за давние и новые обиды.

Менгу-Темир не отказывал просящим. И когда княживший в Новгороде Василий Ярославич задумал идти на Литву, дал ему два тумена войска под предводительством нойонов Турайтемира и Алтына.

Тяжко пришлось не только Литве, но и орусутским землям, через которые шли монголы. Снова черные тучи дыма поднялись над городами и погостами, снова крик и плач стояли над вытоптанными полями.

В год змеи (1281) у Менгу-Темира опухло горло. Поначалу он не придавал этому значения. Но скоро всем стало ясно, что за ханом Золотой Орды пришла смерть. И случилось то, что должно было случиться. Осенью, когда над Дешт-и-Кипчак опустилось тяжелое, похожее на серую кошму небо и начались нескончаемые обложные дожди, его не стало.

Стараниями Ногая новым ханом Золотой Орды был объявлен Тудай-Менгу. Никто не посмел перечить старому нойону, единственному оставшемуся в живых правнуку Джучи, за спиной которого было сильное войско.

Начиная с Бату-хана и до смерти Менгу-Темира почти сорок лет стояла непоколебимо Золотая Орда, и ни разу не содрогнулась она от внутренней междоусобицы, никто в открытую не желал поднять руку на хана или выразить ему непокорность.

Не знал, не ведал мудрый Ногай, повелев поднять на белой кошме Тудай-Менгу, что отныне иная судьба предопределена Золотой Орде. До последнего ее дня, сколько будет стоять она, не утихнет борьба между потомками великого Чингиз-хана за ее золотой трон. И главным их оружием станут безжалостная резня, тайные убийства и яд...

* * *

Тудай-Менгу сел на трон Золотой Орды в год лошади (1282). Семь дней длился праздничный той. Рекой лился кумыс, и каждый, кто присутствовал на тое, ел мяса столько, сколько мог съесть.

Подобно птицам носились над степью родовые кличи монголов и кипчаков, бешеную дробь выбивали копыта скакунов, участвовавших в байге...

На восьмой день чингизиды, эмиры и нойоны собрались в шатре, чтобы услышать первое слово нового хана.

Коротким и невнятным было оно, и каждый мог истолковать его так, как хотел.

Хмурясь, глядя исподлобья на собравшихся, Тудай-Менгу сказал:

— Вы хорошо сделали, что подняли меня на белой кошме. Слишком много развелось кабанов, но теперь им не будет пощады.

Больше ничего не открыл собравшимся великий хан, и все разъехались по своим улусам и аймакам, решив, что под «кабанами» Тудай-Менгу имеет в виду врагов Золотой Орды и что правление его будет твердым и тот, кто посягнет на ее интересы, будет растоптан.

Через полгода хан принял мусульманство и разослал гонцов во все концы Орды с приказом, чтобы в ставку к нему собрались эмиры, нойоны и потомки рода Чингиз-хана.

Не приехал только Ногай.

— Станем ли ждать его? — спросил кто-то из нойонов.

Тудай-Менгу был хмур, лицо его осунулось, глаза лихорадочно блеснули.

— А разве он еще жив? — губы хана растянулись в подобии улыбки, обнажив крупные желтые зубы.

Едва ли простил бы ему подобные слова старый Ногай, если бы приехал по зову Тудай-Менгу.

— Слушайте меня, — приказал он. — Я собрал вас для того, чтобы сказать о том, что приближается долгожданное время. Весной следующего года, ко времени, когда свиньи, живущие в камышах, принесут потомство, каждый из вас должен прибыть в мою ставку с пяти тысячным войском.

— Скажи, великий хан, что ты задумал? Против кого предстоит нам обнажить свои мечи?

Тудай-Менгу с подозрением посмотрел на спрашивающего.

— Об этом знаю только я, — лицо его окаменело, и никто не решился повторить вопроса.

Гадали, спорили между собой те, кому предстояло весной исполнить ханский приказ. Что задумал Тудай-Менгу? Может быть, опять в поход в орусутские земли?

Предполагать такое мог всякий, потому что в орусутских княжествах происходило удивительное.

Накануне смерти Менгу-Темира переяславльский князь Дмитрий Александрович, выпросив у Золотой Орды войско, вместе со своею дружиной разорил городецкого князя Андрея Александровича.

Князь Андрей, явившись к новому хану, пожаловался Тудай-Менгу на своего обидчика и, получив от него несколько тысяч монгольских воинов, в свою очередь пожег города и погосты князя Дмитрия.

Весть о том, что хан оскорбил его, быстро дошла до Ногая. Простить подобное старый чингизид не мог и потому сразу же отправился в ставку Золотой Орды.

Хитер был Ногай и не хотел, чтобы кто-то увидел, что в душе его бушует ярость. Потому, сохраняя бесстрастное выражение лица, он спросил Тудай-Менгу:

— Зачем ты назначил на весну сбор войска?

— Буду убивать кабанов, — растягивая лицо в улыбке и бессмысленно глядя перед собой, сказал хан. — Они нечистые твари. Пророк Мухаммед запретил есть их мясо. Чтобы убивать их, я стал мусульманином...

Пораженный услышанным, Ногай молчал, а Тудай-Менгу продолжал объяснять:

— Я говорю о мерзких тварях, которые живут в камышах Итиля, Тана и Узи... — Он приблизил свое лицо к лицу Ногая и спросил заговорщицки: — Как ты думаешь, хватит у Золотой Орды войска, чтобы перебить их всех до единого?

Бесстрашный Ногай, не раз смотревший смерти в лицо, медленно пятился из шатра Тудай-Менгу.

— Бату-у-у! Бату-у-у! — вдруг застонал хан, и лицо его исказила гримаса боли. — Проклятые кабаны!.. Они убили моего сына!.. О Бату!..

* * *

Великий хан Золотой Орды Тудай-Менгу потерял разум. Это было теперь ясно всем. И сразу же кончился мир среди потомков великого Чингиз-хана.

Ногай захотел сделать ханом среднего сына Менгу-Темира — Токтая, но другие чингизиды

воспротивились желанию нойона и приняли сторону сына Тудай-Менгу — Тули-Буги.

Зная, что в открытой борьбе добиться своего будет трудно, Ногай сделал вид, что подчинился воле большинства. Ему было все равно, кто станет ханом, но новый хан должен всегда помнить, кому он обязан своим возвышением, и быть послушным. Именно таким виделся Ногаю Токтай.

Нет, Ногай не смирился с поражением. Он просто решил дожидаться удобного случая, а средства, которыми он добьется своего, не имели значения. Нужна будет кровь — она прольется.

Став ханом, Тули-Буги, не забыл, что Ногай ему враг. Тихая, невидимая постороннему глазу борьба началась между ними. Нужен был только случай, чтобы тайное стало явным. И он нашелся.

Еще в те времена, когда Тудай-Менгу был в здравом уме, по просьбе Ногая он назначил в орусутский город Курск баскаком монгола Ахмета.

Страшнее волка был этот человек. Ни жалости, ни сострадания не знало его сердце. Он собрал вокруг себя беглых татей из разных княжеств, барымтачей-кипчаков, убежавших из Золотой Орды. Им он поручал собирать подати и налоги. И они служили Ахмету преданно. Не было от этого отряда пощады ни простому смерду, ни боярину, ни княжескому дружиннику.

Курский князь Олег и липецкий Святослав били челом хану Золотой Орды Тули-Буги и просили защитить их от Ахметкиного насилия.

В другое бы время хан не стал слушать князей и велел прогнать их, но баскак был человеком Ногая, и появилась возможность показать правнуку Джучи, кто настоящий хозяин Орды.

Тули-Буги дал князьям войско и разрешил перебить воров, собравшихся вокруг Ахмета.

Дважды князья громили баскака, и тот вынужден был убежать в улус Ногая.

Повод для открытой вражды был дан. Пять тысяч воинов под предводительством своих сыновей Кете и Жокте послал Ногай на непокорных князей.

Не вступив в битву, Олег бежал в Орду к Тули-Буги, а Святослав укрылся в воронежских лесах.

Двадцать дней грабили курскую землю отряды Ногая и многих людей лишили жизни, а многих увели в полон. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Небо было милостиво к Ногаю. За два года он уничтожил всех своих противников. Не стало братьев Токтая: Алгуя, Мулакая, Тогарши, Кадана, Кудыкана. Только Алгуй и хан Тули-Буги нашли свою смерть в битве. Остальные же умерли по-разному: кто случайно упал с коня на охоте, кто, выпив кумыса, отошел в иной мир от болей в желудке, а кто был зарезан в собственной постели.

Под радостные крики на белой кошме был поднят ханом Золотой Орды Токтай.

* * *

Кайду видел, как приходят в упадок некогда богатые и цветущие города Мавераннахра. Пустели мастерские, ремесленники уходили бродить по свету в поисках места, где бы можно было хоть как-то прокормиться, зарастали бурьяном поля, высыхали арыки. Пустела земля.

Не человеческие жизни и судьбы волновали Кайду, а то, что все меньше поступало в его казну доходов. Времена Чингиз-хана прошли, и по-иному надо было управлять покоренными народами. Нищее государство — нищий хан. Кто станет бояться его, кто будет повиноваться его слову?

Чтобы хоть как-то поправить положение, после долгих раздумий и сомнений Кайду назначил эмиром Мавераннахра сына убитого им Барака — Тубу.

Хан не ошибся. Тубу оказался удачливым военачальником. И мудрым правителем. Он прогнал со службы мздоимцев, упорядочил налоги, поощрял ремесленников и торговцев, запретил грабить дехкан.

Не прошло и десяти лет, как дела в Мавераннахре пошли на лад, увеличились ханские доходы.

Тубу занимался не только реформами, но и вел постоянные войны с Китаем и Синей Ордой.

Синяя Орда считалась самостоятельной, но на самом деле зависела от Золотой Орды. Управлял ею Баян, отцом которого был Токай-Темир — средний сын Джучи. Правление его было спокойным, пока ханом не захотел стать троюродный брат Куйрчук. С помощью Кайду и Тубу он разбил войско Баяна и заставил того бедать в кипчакские степи.

Свергнутый хан обратился за помощью в Золотую Орду. Токтай был занят собственными делами, но все-таки дал ему войско.

Теперь наступила очередь бежать Куйрчуку. Он укрылся в Орде Кайду. На требование Токтая выдать самозванца хан Кайду ответил отказом.

Баян-хан начал искать себе надежного союзника. В год лошади, после смерти Кубылая, он отправил к новому императору Китая Темиру послов с предложением дружбы. Но только через шесть лет Темир смог послать ему большое войско. В год коровы (1301) произошло большое сражение, в котором Кайду был убит, а Тубу тяжело ранен.

Большие перемены произошли и в ильханстве Кулагу. Умер Абак, и на трон взошел его внук Газан.

Тревожно начинался для империи Чингиз-хана четырнадцатый век. Ушли из жизни самые доблестные из его потомков: Бату, Менгу, Кубылай, Кулагу, Орду, Кайду. Раскололось государство, созданное Потрясателем вселенной, на четыре громадные глыбы: Золотую Орду, Китайскую империю, ильханство Кулагу и Среднюю Азию. Последним из живущих на земле его потомков, помнящих великого Чингиз-хана, оставался семидесятивосьмилетний Ногай.

Токтай предал Ногай. Укрепившись в Золотой Орде, он отказался повиноваться старшему чингизиду, который возвел его на трон.

И тогда, впервые за свою долгую жизнь, Ногай захотел сам стать ханом. Теперь, когда он оставался единственным из прямых потомков Чингиз-хана, Ногай имел на это право.

Старый чингизид торопился. Слишком мало осталось у него времени, чтобы поступать так, как он привык, — выжидать и исподволь убирать врагов.

Словно прорвалась копившаяся в нем десятилетиями ярость. Ногай стал готовить свои тумены к открытой войне. Первое, что он сделал, — это разграбил Крым, которым в это время управлял брат Токтая — Ток-Буги.

Но и Токтай понимал, что схватка будет решающей и проигравший не сможет рассчитывать на пощаду.

Первое сражение произошло в год мыши (1300) на берегу Тана. Ногай разбил своего врага, и это окрылило его. Он знал — это еще не окончательная победа, но первый шаг к трону Золотой Орды был сделан.

Только через год, на исходе лета, когда в степях пожухла трава и птицы готовились к отлету в земли, где царствует вечное лето, встретились они вновь на берегах Тана.

В час, когда в той стороне, где лежала земля их предков, взошло кроваво-красное солнце, сошлись в последней битве тумены Ногай и Токтая. Даже великому Чингиз-хану не довелось видеть такого сражения, такого количества воинов. От края до края степь была покрыта всадниками. Ржали обезумевшие кони, звенели сабли, высекая искры, и вороны, предвестники беды, ослепшие от пыли, поднявшейся до самого неба, падали на землю в лужи крови. Стонов и криков раненых не было слышно. Семь дней длилось сражение.

По утверждению мусульманской летописи, в этом сражении со стороны Токтая участвовали шестьсот тысяч воинов. Сторонников Ногай было триста пятьдесят тысяч.

Токтай, вернувшийся в Орду, словно стремясь скорее забыть кровавые картины недавней битвы, устроил большой той.

И случилось все так, как должно было случиться: первым пришел самый быстрый скакун, самый сильный борец победил всех своих соперников, а самый меткий острием стрелы оборвал нить, к которой была привязана на вершине столба серебряная пластинка.

Когда, казалось бы, закончились все состязания, наступило время самого главного, ради которого тысячи людей с горящими от возбуждения глазами собрались на ближайших холмах.

С незапамятных времен, с времен, когда кипчаки еще не знали о существовании монголов и не молились аллаху, обращая свои лица в сторону священного камня Каабы, а каждый род имел своих богов и поклонялся только им, существовал обычай устраивать соревнования между самыми красивыми девушками Дешт-и-Кипчак.

Не всякая красавица могла принять участие в них. Совет старейших каждого рода отбирал самых ловких и самых смелых. В день, когда назначался праздничный той, со всей степи, из самых отдаленных ее уголков, съезжались люди, чтобы увидеть это зрелище.

В большой круг, образованный собравшимися, одна за другой выходили раздетые донага девушки. Три задания предстояло им выполнить, и за это они получали право просить у народа и хана исполнения трех своих желаний. По степным обычаям, какими бы трудными эти желания ни были, правитель обязан был их выполнить.

Когда закончились все приготовления и собравшиеся со всей Дешт-и-Кипчак люди замерли на склонах холмов в ожидании зрелища, из своего шатра вышел хан Токтай и величественно сел на походный трон, украшенный слоновой костью, золотом и другими камнями. У подножья трона, на возвышении, сели три главных судьи: девяностолетний тубе-бий — старший судья, семидесятилетний субе-бий — средний судья и сорокалетний бала-бий — младший судья.

Хан махнул рукой, разрешая начать состязание.

Из специально поставленной юрты одна за другой стали выходить на круг обнаженные девушки. Длинноногие, стройные, белотелые, с тяжелыми черными косами, они были одна краше другой. Собравшиеся, покоренные их красотой, словно лишились дара речи. Сделалось так тихо, что стало слышно, как в высоком небе поет жаворонок.

Все девушки действительно были прекрасны, но и среди роз бывает такая, которая не знает себе равных. Так случилось и здесь. Невольно взоры людей остановились на одной из красавиц. И если бы не длинные, ниспадающие почти до земли черные косы, девушку можно было бы принять за белую чайку. Она шла по кругу, и обнаженное ее тело, казалось, излучало неземной свет, звало к наслаждению. И только в бездонных, больших глазах девушки тихим светом мерцала печаль, и, чтобы скрыть ее, она часто опускала длинные черные ресницы.

Нелегкие задания придумали на этот раз судьи. Девушкам предстояло зубами отвязать привязанного к вбитому в землю колу тонким волосяным арканом скакуна, попасть из лука в подброшенную к небу тубетейку с вложенным в нее камнем, а затем как можно больше, не держась руками, усидеть на спине неоседланного скакуна, которого гонял на длинном аркане по кругу джигит.

Победительницей становилась та из девушек, которая справится со всеми заданиями.

С первого мгновения симпатии всех собравшихся оказались на стороне девушки, похожей на чайку. Степь ревела тысячами голосов, радуясь каждому ее успеху. Сам хан Токтай не мог оторвать от красавицы взгляда. Подавшись всем телом вперед, он горящими глазами следил за ней.

Никто в эту минуту не знал и не думал, кто она — эта девушка, из какого рода и как ее зовут. Красота обнаженного тела отняла у людей разум. Стон стоял над степью.

А девушку, похожую на чайку, звали Инкар-Айым, и была она младшей дочерью Ногая. После победы Токтая попала она в полон к одному из кипчакских родов и жила там на положении рабыни.

Одна из всех справилась со всеми тремя заданиями Инкар-Айым, и, когда главный распорядитель праздника подвел ее к хану, тот нетерпеливо спросил:

— Скажи, красавица, какие три твои желания должен я исполнить?

Девушка вскинула голову и без страха посмотрела на Токтая. Столпившиеся вокруг люди замерли, ожидая, что скажет она.

— Первое мое желание... — губы Инкар-Айым тронула лукавая улыбка, — пусть хан Токтай возьмет меня в жены.

Вздых удивления пронесся над степью.

Хан облизнул пересохшие от волнения губы и, скрывая охватившее его ликование, сказал;

— Пусть будет так. Я не могу нарушить святую традицию предков. Каково же будет твое второе желание?

— Скажи мне, светлейшие хан, может ли человек лечь в постель своей жены, если руки его обагрены кровью ее отца?

— Нет, — твердо сказал хан.

— Тогда пусть хан — победитель, мой муж, — подарит мне жизнь моего отца... Ногая,

если, конечно, его еще не настигла вражеская стрела.

Молчал народ, ожидая, что скажет хан. Токтай обвел собравшихся глазами.

— Пусть будет так, — громко сказал он. — Теперь скажи мне твое третье желание.

— У меня больше нет желаний! — сказала Инкар-Айым.

В этот же день хан выполнил первое желание красавицы — она стала его женой. Второму же желанию Инкар-Айым не суждено было осуществиться. Судьба Ногая шла своею тропой.

Через годы, после смерти Токтая, Инкар-Айым, согласно степным обычаям, стала женой его младшего брата Тогырылши. От него она родила, вскормила своей грудью знаменитого золотоордынского хана Узбека.

* * *

Впервые за долгую жизнь Небо отвернулось от Ногая, и бог войны Сульдэ не захотел помочь ему. С семнадцатью воинами бежал он в земли башкир.

Если отворачивается счастье, то оно отворачивается много раз подряд. На второй день, когда отряд Ногая переправился через Итиль, на него случайно наткнулась орусутская дружина, принимавшая участие в сражении на стороне Золотой Орды и теперь возвращавшаяся в свои земли.

Короткой была сеча. Покатилась под копыта коней седая голова доблестного Ногая — последнего настоящего монгола, пришедшего в эти земли по велению самого Чингиз-хана.

Ничто теперь не мешало Токтаю править Золотой Ордой. И, как подобает могучему и мудрому хану, он по своему усмотрению разделил все земли на улусы и раздал их тем, кто помог ему победить.

Через одиннадцать лет, когда в год свиньи (1312) хан Токтай ушел из жизни, над Золотой Ордой стояло золотое солнце, обещая ей долгое могущество и славу. Но уже за плоским степным горизонтом собирались черные тучи и неслышные стрелы молний вонзались в них, обещая грозу и бурю.